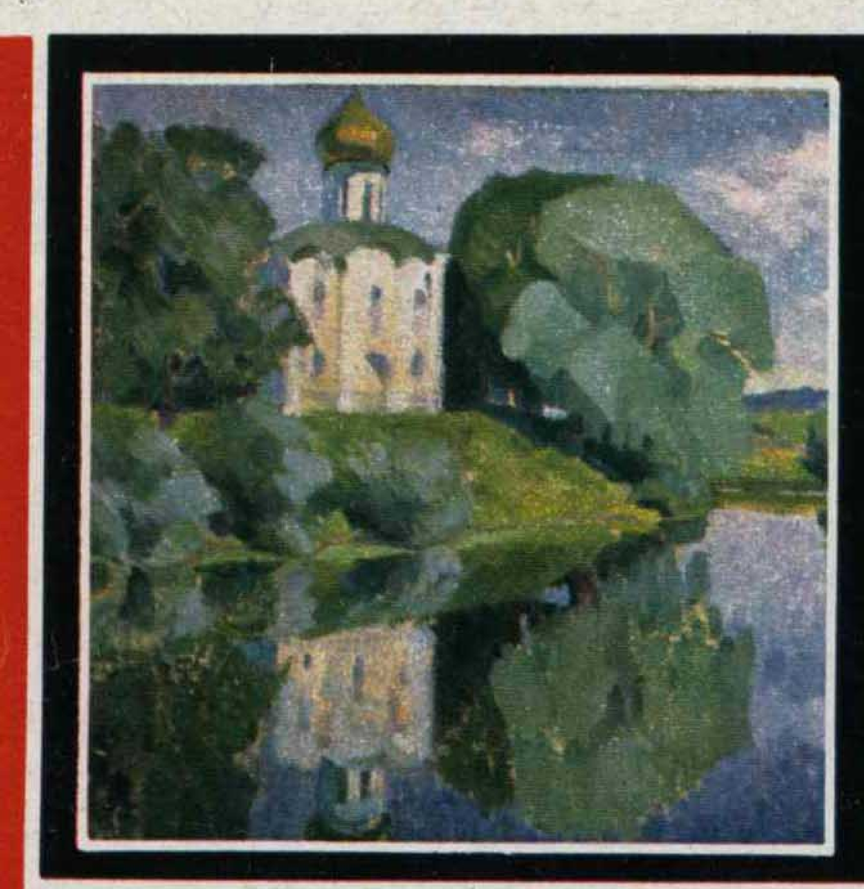
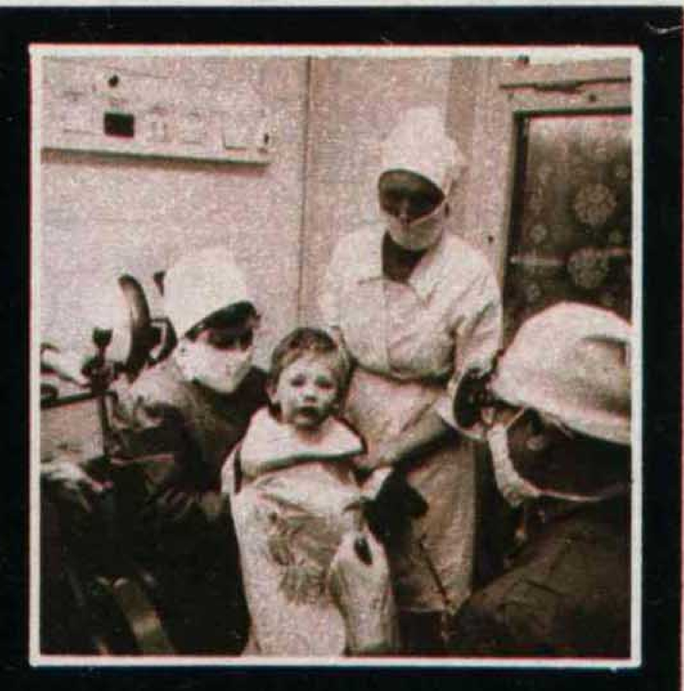
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 51 ДЕКАБРЬ 1988

ХУДОЖНИК, НЕ ИЗМЕНИВШИЙ СЕБЕ

ЛИШНИЕ ДЕНЬГИ, ИЛИ ЧЕМ БОЛЬНА ЭКОНОМИКА

МЕДИЦИНСКИЙ КООПЕРАТИВ: ЗА И ПРОТИВ

ЕЩЕ ОДНО УСИЛИЕ...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 51 (3204)

17—24 ДЕКАБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Охотники Диксона. (См. в номере материал «Край земли».)

Фото Павла КРИВЦОВА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 28.11.88. Подписано к печати 13.12.88. А 10435. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3391.

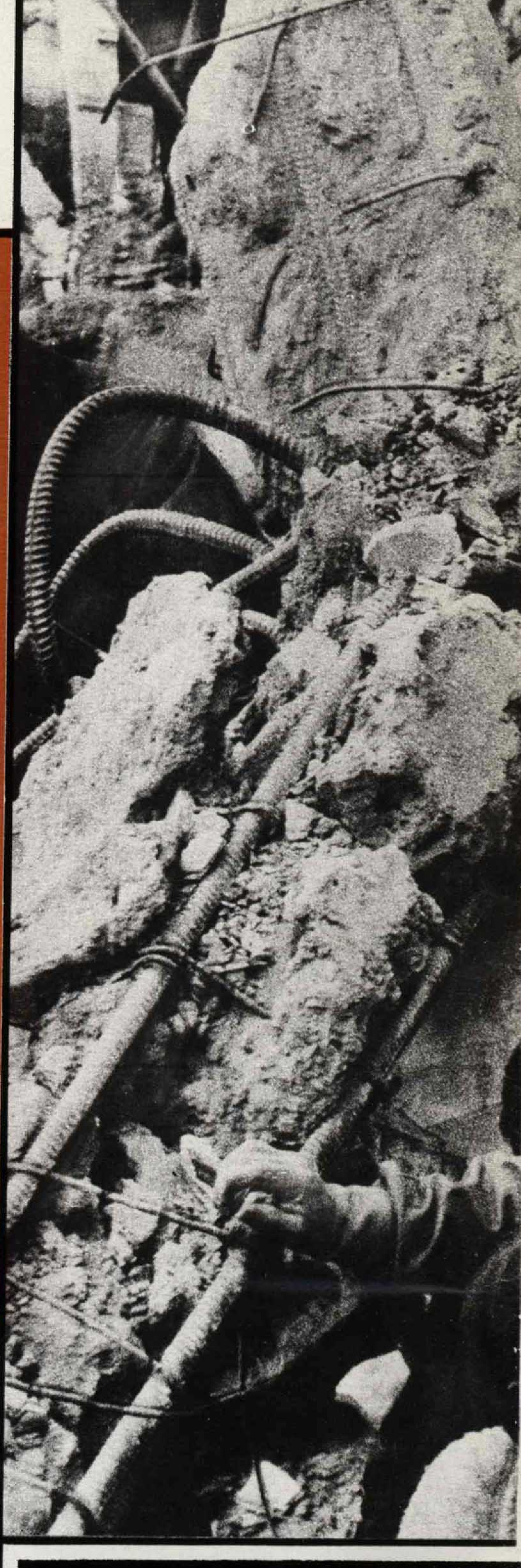
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

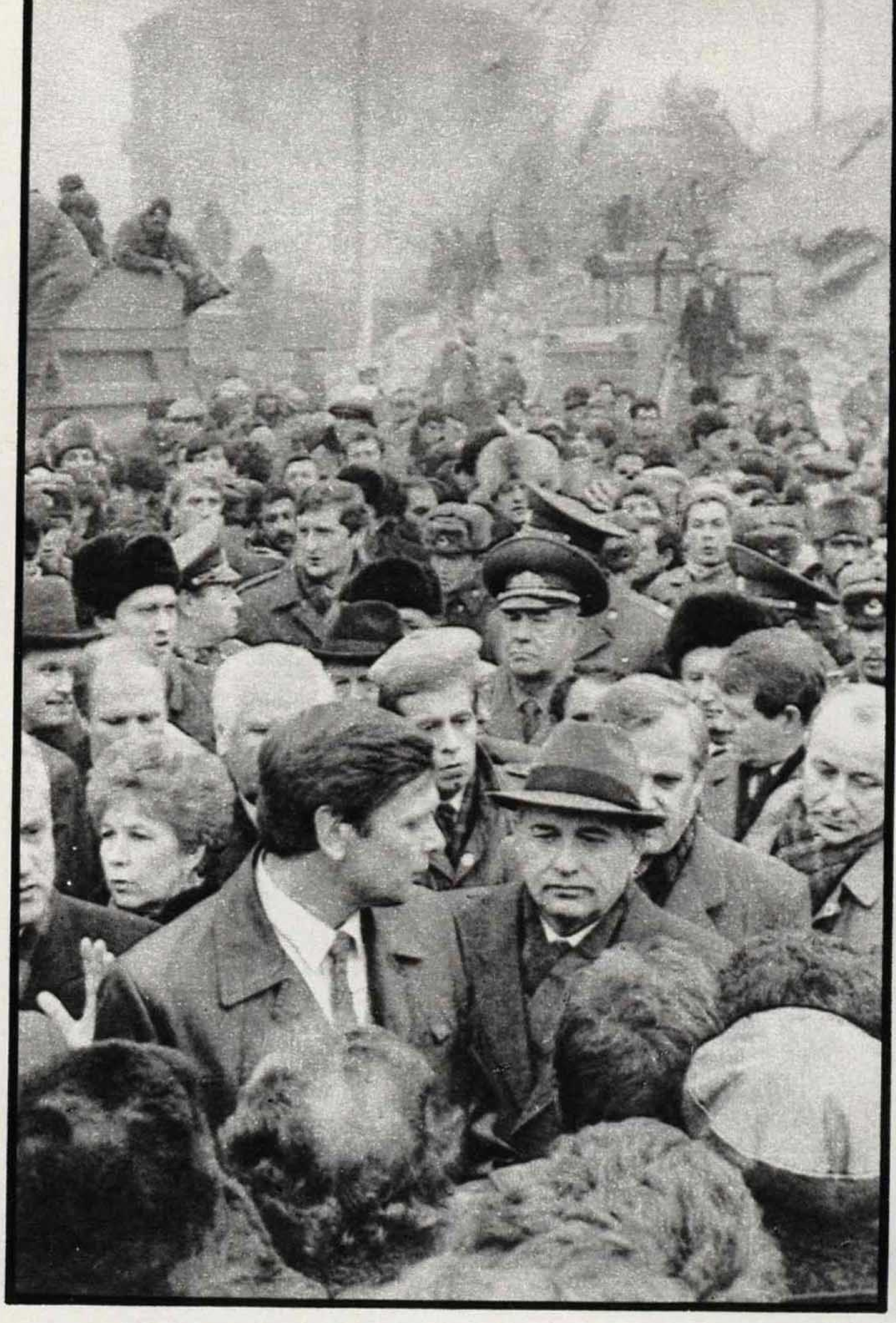
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

8 декабря была прервана программа пребывания в Нью-Йорке Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева. Отменены визиты на Кубу и в Великобританию. Этого визита ждал весь мир. Его начали освещать все средства массовой информации планеты. И казалось, ничто не сможет остановить этой встречи. Ничто, кроме ... беды.

Перед отлетом в аэропорту М. С. Горбачев сделал заявление: «Я вынужден прервать мою поездку и вернуться в Советский Союз. Вчера поздно вечером пришло известие о том, что землетрясение, которое произошло в Армении, оказалось очень тяжелым, с тяжелыми последствиями. Много разрушений, много человеческих жертв. Вот почему мне надо вернуться срочно домой...»

Весь мир выражает соболезнования советскому народу, многие предлагают свою помощь. И, наверное, не найдется ни одного человека или народа, который не понял бы этого поступка. Отложены в сторону на время дела большой политики, потому что дома боль и горе. И в этот момент нужно быть всем вместе. Чтобы разделить беду, помочь преодолеть эту всенародную трагедию. И иначе быть не может.

Георгий РОЖНОВ, Игорь ГАВРИЛОВ (фото), специальные корреспонденты «Огонька»

СПАСАТЬ ЖИВЫХ

Голоса к нам доносятся отовсюду. Из груды свитой в немыслимые витки стальной и бетонной арматуры. Из отколовшегося торца частично устоявшего здания. Из-под рухнувшего наземь лифта рассыпавшейся пятнадцатиэтажки.

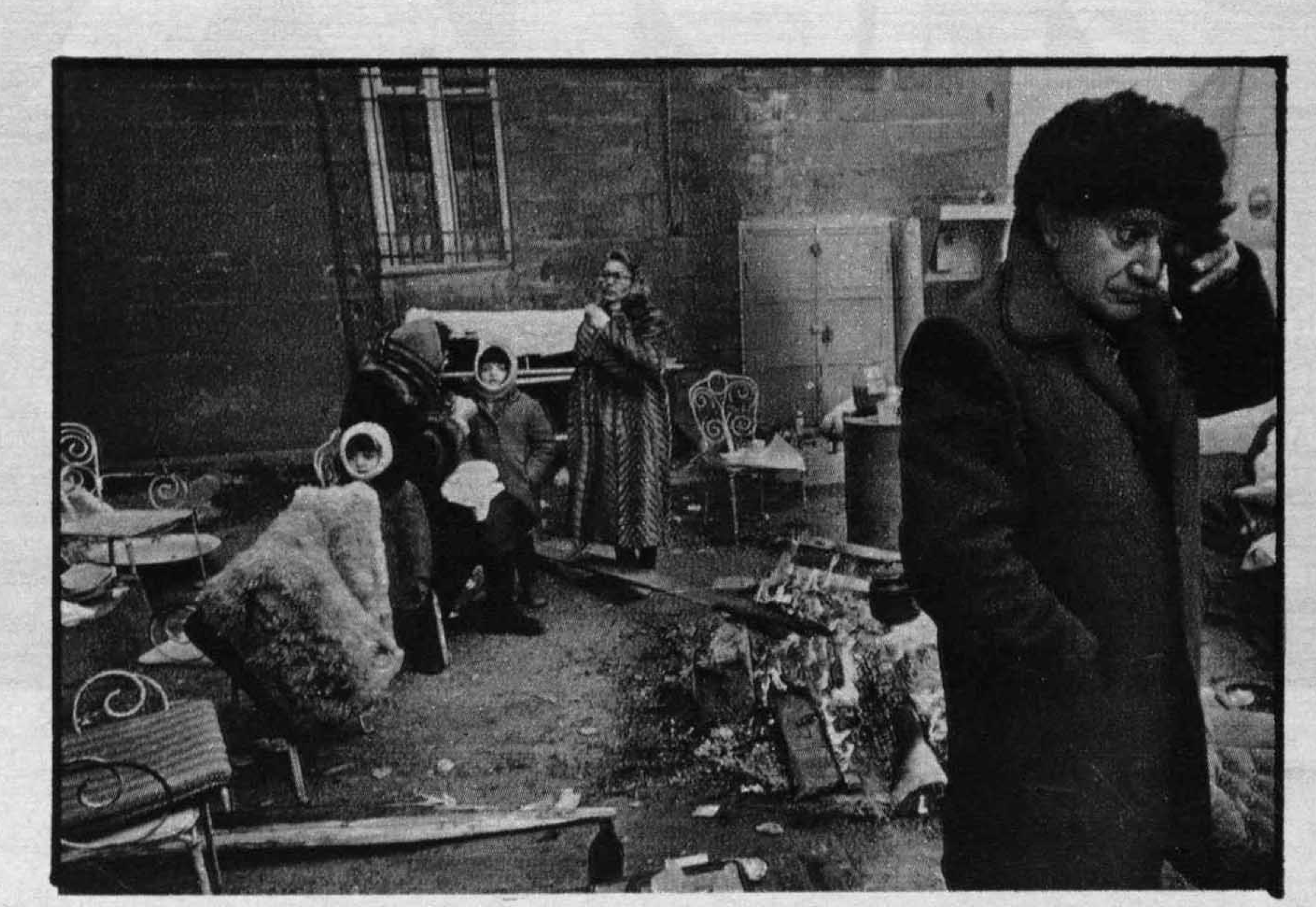
Отовсюду эти голоса — от улицы к улице, от переулка к переулку, от одной развалины к другой. Это может быть короткий, на одном дыхании крик, и его слышат все. Это может быть стон уставшего кричать горла, и его улавливают ближе всех пробравшиеся в завал спасатели и врачи. Это может быть шепот, оборвавшийся в тишину, и тогда эту тишину, понимая, слышат только мать, только отец, только дочь или сын.

— Она здесь — моя дочь Мэри,— говорит 58-летний Ярослав Погосян.— Я ее слышал вчера утром, потом вечером, потом ночью, слышу сейчас, днем. Вот там — Мэри. Ей двадцать пятый год.

Ярослав Мкртиевич оседает на колени и показывает на крошечный лаз у самого основания многотонной пирамиды гигантских обломков — до 11 часов сорока одной минуты 7 декабря на этом месте стоял научно-исследовательский институт. Мэри работала в нем научным сотрудником, писала кандидатскую.

— Она жива,— повторяет Погосян.— Ее нашла собака швейцарских горноспасателей. А потом вытащили двоих, и они подтвердили — Мэри там. Она жива.

После полудня, на третий день после катастрофы, когда мы добрались до Ленинакана из Баку самолетом ВВС и половину забитого машинами пути от аэропорта до центра прошли пешком, голосов живых, взывавших о спасении из развалин было куда больше. В первые же часы после толчка, рассказывают, горы камня и щебня кричали криком. К ним пробивались лопатами и киркой, редкие бульдозеры беспомощно топтались перед пирамидами хаоса, ждали кранов с ковшовыми экскаваторами, а их недоставало. В аэропорту же, на крошечный, зажатый горами пятачок которого почти ежеминутно садились не виданные здесь ранее мощные транспортники – весь мир, все советские народы спешат прислать помощь — драгоценные тракторы, бульдозеры, автокраны толпились, беспомощно прогревая двигатели, и трейлеров для их перевозки не хватало, и единственная дорога в город была забита так, что машины «Скорой помощи», завывая сиренами и поблескивая мигалками, двадцатиминутный путь с тяжелобольными с трудом одолевали за два, а то и за три часа. Ни одного «гаишника» на мотоцикле мы не видели, а «Жигулям» и «Волгам» из Еревана и Тбилиси не было конца. Не любопытства ради спешили они в Ленинакан.

Как узнать о судьбе родственников, если не работает телефон, безмолвствует телеграф, оборваны провода?

С трудом, карабкаясь по почти непроходимым завалам, отыскиваем небольшое уцелевшее здание, в котором расположился городской штаб по ликвидации последствий землетрясения. Ни указателей, ни вывесок, лишь толпа у входа и солдат с автоматом в дверях. Через час, в тесно сгрудившейся группе людей находим второго секретаря горкома партии Рафаэла Михайловича Галстяна. Он бледен, небрит.

— Города нет,— говорит он то, что мы уже знаем.— Разрушено около 120 высоких, от пяти этажей и выше, зданий. Школы, больницы, детские сады... Сколько погибло? Очень много, но надо спасать живых; важнее знать, сколько живых похоронено под развалинами. Ждем помощь. Очень ждем.

Больно писать о нашей неразберихе перед буйством стихии, да она и объяснима в какой-то степени при явлении такого масштаба. Но три дня — срок, вполне достаточный, чтобы в гибнущем городе были развернуты пункты неотложной помощи, а развертывание задерживалось. С трудом устанавливался порядок на дорогах. А пункты питания с горячей пищей — они тоже разворачивались с опозданием. Непросто отлаживались единые руководящие и координирующие центры военной и гражданской власти, объединение усилий армии и населения. А то, что копеечные стеариновые свечи появились в палатках далеко не сразу? Это не мелочи, это все уроки, подлежащие усвоению.

Никто не знает, куда относить тела погибших, которые пока не опознаны родственниками. Десятки, а потом уже и сотни трупов мучеников лежат там, откуда их извлекли, потом кто-то начинает переносить их на центральную площадь. Двор городской больницы тоже заполнен множеством тел погибших граждан Ленинакана — мужчины, женщины, дети. Особенно много детей — разрушено 9 средних школ, две из них полностью. В больничный двор заходят люди с остановившимися лицами и глазами. Осторожно, молча поднимают одеяла, приоткрывая лица умерших. Не найдя родных, скорбно идут от носилок к носилкам.

— Марьям! — опускается на колени мужчина и прячет лицо в ладонях,— Марьям,— шепчет он,— дети живы.

Володя Майтесян работал поваром, при первом толчке успел выскочить на улицу — все-таки первый этаж. Бросился к швейной фабрике, где работала жена. А фабрики нет — как сквозь землю ушла. Побежал в детский садик к детям — все четверо живы.

На улице Ширакаци встречаем колонну машин — в каждой из них десятки гробов, и все сюда. Улица Ширакаци, застроенная маленькими домишками, второго удара из-под земли уже не дождалась — хватило первого. На ней разрушены все дома, до единого. Поисковые собаки швейцарцев прошли улицу вдоль и поперек и ни разу не остановились. Потом сюда привезли гробы — погибшие лежат едва не на поверхности.

Скорбный наш поход продолжается. Около школы № 20 имени Сундукяна на табурете сидит пожилой человек в глубокой печали. Называет себя:

— Татевосян Ервант Арутюнович, директор. Пойдемте.

Школа раскололась пополам — часть превратилась в груду щебня, вторая полуразрушена. В спортивном зале на полу аккуратно разложены вещи погибших детей — от крошечных курточек первоклассников до моднейших «алясок» старших. В другой комнате — и ранцы малышей, и «дипломаты». Один из них я открыл: Варданян Давид. «7 декабря 1988 г. Диктант. Сегодня прекрасный солнечный день...» До звонка на перемену оставалось 4 минуты. Выбежать из класса мальчик не успел. Его участь разделили 34 ученика и трое учителей...

Около универмага, совсем недавно построенного венгерскими специалистами и теперь разрушенного напрочь, еще один крупный рухнувший дом.

— Раньше у меня был адрес — улица Арагац, 6,— говорит преподаватель психологии Асмик Оганесян.— Там, под камнями, мой отец, жена моего брата с маленьким ребенком.

В тот день, 10 декабря, они жили под грузом обломков. И какая тишина установилась в толпе, когда по аллее зашагала шеренга парней в комбинезонах и со снаряжением горноспасателей.

— Откуда?

— Воркута!

А чуть позже мы уже видели на одной из площадей только что разбитые две яркие палатки — отряды студентов 1 Московского мединститута и МВТУ им. Баумана. Ребята приехали со своими инструментами, своей одеждой, своими продуктами. Не успели мы оглянуться, как оба отряда уже спасали живых под обломками зданий.

И все же тянуло нас к институту, под обломками которого еще утром жила так ожидаемая отцом Мэри Погосян.

— Она жива,— сказал отец.— Только что вытащили мужчину, он слышал ее голос. Да и работа пошла живее.

Действительно, здесь уже стояли два автокрана, самосвалы, бульдозер, огромный грузовик «Урал». Всем распоряжался энергичный армейский полковник, лицо которого нам показалось знакомым. Конечно, это был он, наш молчаливый попутчик от Баку до Ленинакана. Нарочито спокойно Анатолий Васильевич Цыганко сказал нам тогда в самолете, что переведен по службе в Тбилиси, а жена с 18-летним сыном остались пока в Ленинакане. Связи с ними нет — мало ли что?

Возле переулка, где был его дом, мы расстались — не хотелось испытывать судьбу.

И вот теперь эта встреча.

— Сына я нашел, живой,— сказал полковник.— А жена — жена здесь, под обломками института. Вот, третьи сутки выкапываю.

— Добыть бы прожектор! — сказал полковник.— В шесть вечера стемнеет — что даст одна верхняя фара от «Урала»?

— Папа! — подбежал к нему сын Юра,— солярка кончается.

Полковник прыгнул в «Жигули» такого же страдальца, как он, и помчался за соляркой. «Сам себе и командир, и начальник штаба...» Пока он ездил, доктор Татул Матевосян принял от спасателей еще двоих погребенных заживо. Ни жены полковника, ни Мэри среди них пока не было.

— Пусть будет свет,— сказал доктор Матевосян,— я до утра не уйду. И днем не уйду.

Он не спал уже четвертые сутки.

До сих пор мы вели разговор о горе и злосчастии, о самоотверженности и благородстве. Но трагедию, принесенную стихией, в Ленинакане еще более драматизируют так и не утихшие распри памятных всем десяти месяцев забастовок, митинговщины, откровенной демагогии и прямого авантюризма. М. С. Горбачев, побывав в эти трагичные дни в Армении, достаточно прямо сказал о том, кому они выгодны. Вот и мы спросим, кому было выгодно, чтобы в тот час, когда страна содрогнулась от сообщения о всенародном горе, в часе лета от страдальца-Ленинакана орава молодежи выбежала на улицы с бубнами и победными песнопениями? Очень уж организованно выбежала, со своим дирижером. Был комендантский час, и предупредительные выстрелы в воздух военного патруля быстро загнали в общежитие негодяев, которые могли плясать на похоронах.

А разве можно забыть вопрос, который нам задал на площади в Ленинакане, на той самой площади, где и в одеялах, и в гробах лежали сотни погибших, затянутый в черную рубашку бородач:

— Пресса? Тогда напишите — теперь уж за тысячи погибших нам отдадут Карабах?

Так какова цена националистических амбиций, на которых стоит коррумпированное отребье и с той, и с другой стороны — семьдесят, сто тысяч жизней? 120 рухнувших зданий или уж лучше пятьсот? 34 школьных портфельчика, насчитанных нами только в одной школе, или все портфельчики во всех школах обеих республик? Ленинакана им мало? Спитака — мало? Кировабада — мало? Все считаете...

А ведь казалось и кажется еще сейчас, что катастрофа Армении, ударившая по сердцу каждого гражданина нашей страны, каждого милосердного человека в каждой стране нашего общего дома — Земли остудит страсти, сделает их постыдными и недостойными двух великих народов. Да так ведь оно и есть — прикиньте, сколько бескорыстной помощи идет сейчас в Армению из Азербайджана, какими мыслями озабочены не молодчики в черных или белых рубахах, а люди в рабочих спецовках спасателей, белых халатах врачей?

Так что же лучше, что благороднее, чем дело спасения живых?!

В ту минуту, когда вы будете читать эти строки, возможно, уже увидит свет Мэри Погосян. Примет на руки извлеченную из обломков жену полковник Цыганко Анатолий Васильевич. Придут наконец мощные механизмы, которые спасут заживо погребенных.

Сегодня многие еще живы. Поэтому будем спешить. Будем благоразумны, милосердны, великодушны. Научимся прощать друг другу и благодарить друг друга.

Опоздаем на день, на миг — и недосчитаемся многих.

Ленинакан, 13 декабря 1988 г.

* * *

В качестве срочной, первоочередной помощи коллектив нашего журнала переводит в фонд помощи жертвам землетрясения в Армении: однодневный заработок за 12 декабря этого года, денежный сбор и гонорар за встречу читателей с журналом «Огонек» в Ленинграде во Дворце молодежи, которая состоялась 10 декабря — в День траура в память погибших, а также годовую денежную премию лауреатов премии журнала «Огонек» за 1988 год. Наша помощь будет продолжаться.

КТО ОТВЕТИТ ЗА РАСПРАВУ В МИНСКЕ? ●
НАЛОГ ЗА ПОГИБШИХ ДЕТЕЙ ●
НАГРАДЫ — НЕ ДЛЯ БУДНЕЙ ●

■

В 47-м номере «Огонька» за этот год народный писатель Белоруссии, Герой Социалистического Труда Василь Быков рассказал о грубой расправе над минчанами, которые отправились 30 октября с. г., в традиционный день Поминовения предков на кладбища, в места захоронения жертв сталинских репрессий. Правда, Василь Быков упомянул, что против демонстрантов выступили ...«войска внутренней службы», что не совсем соответствует истине: таких войск ни в МВД СССР, ни в Министерстве обороны не существует. Однако это дела не меняет. Трудно представить себе, что подобное могло произойти в нашей стране в эпоху гласности, демократизации, создания правового государства.

По нашему убеждению, случившееся 30 октября — логическое продолжение систематической, целенаправленной кампании против народного движения в поддержку перестройки, развернувшейся в Белоруссии. Так, с середины октября начались яростные атаки прессы и телевидения республики, нацеленные на дискредитацию творческой интеллигенции и внесение раскола между различными слоями общества. Имеется основание утверждать, что случившееся рождено стремлением консервативных сил дать открытый бой крепнущему движению активных сторонников общественного обновления, с тем чтобы запугать их и приостановить процесс формирования республиканского Народного фронта в защиту перестройки.

Убеждены, что в республике должно быть проведено объективное расследование. Организаторов этих прискорбных действий следует выявить, привлечь к административной, а может быть, и к уголовной ответственности. Моральную ответственность они уже, безусловно, несут.

События в Минске наводят и на другие размышления. Например — о гласности и ее пределах. Ведь информация о происшедшем в Белоруссии появилась с большим опозданием, лишь в немногих органах печати и в весьма урезанном виде.

Видимо, делегатам предстоящего съезда народных депутатов СССР следует вернуться к рассмотрению этих вопросов в духе решений XIX Всесоюзной партконференции, и в частности резолюции «О демократизации советского общества и реформе политической системы».

Наконец, в заключение хотелось бы сказать, что происшедшее 30 октября в Минске касается всех советских граждан.

Э. С. ДАБАГЯН,
кандидат исторических наук
А. П. КАРАВАЕВ,
доктор экономических наук
Москва

■

Я очень люблю ваш журнал, уважаю его смелую и честную позицию. Большую радость принес мне № 37 публикацией статьи А. Каменского о моем муже — художнике Роберте Рафаиловиче Фальке — яркая, теплая, емкая статья.

Две недели не переставая звонил телефон — поздравляли. Теперь же снова звонки — даже из других городов. В чем дело? В № 41 в рубрике «Русская муза XX века» в преамбуле к прекрасной подборке стихов К. Некрасовой Евгений Александрович Евтушенко пишет: «Я не поклонник портретов Глазунова, но Ксюшин его портрет замечателен». А рядышком с этим текстом помещена репродукция портрета, написанного не Глазуновым, а... Фальком, художником совсем иных творческих и жизненных позиций. Почему редакция не посчиталась с мнением составителя этой рубрики, не поместила здесь репродукцию с картины Глазунова, которая созвучна характеристике Ксюши в представлении автора текста, Евгения Александровича Евтушенко?

Евгений Александрович совершает нужное и благородное дело, восстанавливая связь времен, вызывая из забвения имена поэтов нашего сложного века.

Мне бы очень хотелось, чтобы именно ваш журнал напечатал портрет Ксении, написанный Фальком, и несколько графических эскизов к нему. Портрет маслом на холсте хранится в Государственном Русском музее в Ленинграде, эскизы — в московских музеях — ГМИИ имени Пушкина и в Государственном Литературном музее.

Ангелина Васильевна
ЩЕКИН-КРОТОВА,
вдова художника Р. Р. Фалька

■

Требуем немедленно прекратить взимание налога за бездетность с родителей, потерявших своих детей на афганской войне!

В «Комсомольской правде» сообщалось, что в отдельных случаях, в виде исключения, возможно освобождение матери от налога — «в индивидуальном порядке и при наличии достаточных оснований»!

Это какие же достаточные основания? В достаточной ли мере мертв твой сын, мать?!

Один выход: срочно признать зловещий фарс досадным недоразумением, бюрократическим казусом,— и не только прекратить недостойные поборы, бьющие людей морально несравненно сильнее, чем материально, но и вернуть им все деньги, всю сумму полностью (если надо — за счет «авторов»), ибо это не деньги, а капли крови!

Своеобразным дополнением к публикации в «Комсомольской правде» явилась консультация военного юриста Л. М. Полохова в «Смене» 23.9.88. Среди прочих льгот — освобождение военнослужащих и членов их семей от налога за бездетность. Говорится, разумеется, о живых, только о живых солдатах. Но, насколько нам известно, мертвые профессию не меняют. Так разве не являются они, погибшие на войне, военнослужащими навек?!

Н. СОКОЛОВА
Ленинград

■

Все привыкли видеть на первых полосах рядом с названиями центральных органов печати «Правда», «Известия» и других, республиканских, краевых, областных ордена. Причем и в будни, и в праздники неизменно. А если еще нет ордена — часто запись-сообщение о том, что «...награждена Почетной грамотой...».

Не уверен, что точно и правильно назвать все даты и причины награждения этими орденами сможет каждый сотрудник редакции, не говоря уж о читателях. А быть может, и не о всех случаях торжественных наград стоит помнить и афишировать. Я имею в виду факты получения орденов органами печати в годы сталинизма и брежневщины, когда практически все печатные органы не имели своего голоса, воспевали и прославляли культ личности, торжество «марша на месте» и т. п., ибо иными в те годы они быть и не могли...

Пишу потому, что вспомнил святое обращение: «Фронтовики! Наденьте ордена!». С ним я связываю, что заслуженные в боях и омытые кровью награды — не для каждодневного пользования, а для наших торжеств, праздников — дат Революции, Победы, Труда.

Так почему же, думаю, не только меня гложет непонятная боль и обида... Эти самые святые символы героики нашей борьбы и труда так обесцениваются, теряют свою значимость, превращаются в блеклые, каждодневные, серые, затертые, невзрачные газетные оттиски, которые можно встретить, где угодно...

Думаю, поймете меня правильно. Я ни в коей мере не против заслуженных высоких наград Родины. Но ПРЕДЛАГАЮ показывать их не каждый день, а, как и настоящие фронтовики, только в особо торжественных случаях: в выпусках номеров, приуроченных к нашим главным праздникам страны (всесоюзным), праздникам, отмеченным красными цифрами в календарях, и плюс раз в десять лет в день рождения — юбилей той или иной газеты (журнала).

И чтобы в эти редкие дни (5—6 в году) красными (цветными) были не только титры-заголовки газет, но и ЗАСЛУЖЕННЫЕ НАГРАДЫ — ОРДЕНА.

Кроме социально-политического эффекта добавится солидная ежедневная газетная площадь, каждый квадратный сантиметр которой сегодня особенно дорог и дефицитен.

А. МИХНО,
ст. инженер Железноводского курортного совета

■

В журнале «Огонек» № 29 за июль 1988 года была опубликована беседа с министром финансов СССР Б. И. Гостевым, в ходе которой он, отвечая на вопрос корреспондента, что следует считать сверхдоходом, сказал: «Мы решили, что две с половиной средние зарплаты — это высокая норма. Свыше пятисот рублей у нас получает меньше одного процента населения. Шахтер, сталевар, академик...»

На мой взгляд, данный ответ министра финансов навряд ли можно признать убедительным, ибо, с моей точки зрения, например, и полторы средние зарплаты — норма не маленькая.

А чтобы не гадать, какой доход является минимальным, какой средним, а какой высоким, ответ должен быть дан с точностью до копейки для каждой из групп населения и, естественно, с обязательной ссылкой на существующий прожиточный минимум в стране, так как если такой минимум неизвестен, то и все рассуждения о высоких и низких зарплатах приобретают характер схоластический и, я бы сказал, злонамеренный и циничный.

Кроме того, хотелось бы ознакомиться с научным обоснованием тех сумм налогов, которые взимаются с населения, работающего на государственных предприятиях, занимающегося индивидуальной и кооперативной трудовой деятельностью.

Почему, например, в период проведения ленинской новой экономической политики производителям материальных и духовных благ приходилось платить налог по гибкой системе налогообложения, а в период перестройки сознания, мышления и экономики им приходится платить налог, установленный «с потолка» и во все более увеличивающемся размере (в форме прогрессии)?

Следует сообщить также населению и о том, почему Положение о налогообложении, являющееся органической частью Закона о кооперации, не выносилось и не выносится на всенародное обсуждение, если Закон на всенародное обсуждение выносился? Не является ли это откровенным и абсолютно беззастенчивым попранием Основного закона государства — Конституции?

Почему общественность снова безмолвствует?

В. КАМРУКОВ
Кратово Московской области

■

Четверть века назад в «Литературной газете» была опубликована статья Абдуллы Каххара о тяжелом труде хлопкороба, о приписках. Тогда по личному указанию Ш. Рашидова в республиканской прессе была организована травля против «ЛГ» и А. Каххара. «От имени» рабочих, трудящихся, интеллигенции организовали «письмо протеста» в Москву.

Это было «естественно» для тех времен. Ради «Первого» многие готовы были на любой «подвиг».

Казалось, теперь мы сделали соответствующие выводы, и такие пакости больше не повторятся.

Как бы не так!

Через столько лет этот метод применяется против журнала «Огонек», против статьи «Хлопкораб» из 43-го номера. Опять тот же почерк, опять Узбекистан, опять о хлопке и хлопкоробах. Неужели возврат к прошлому начался?

Дадахон НУРИ,
писатель

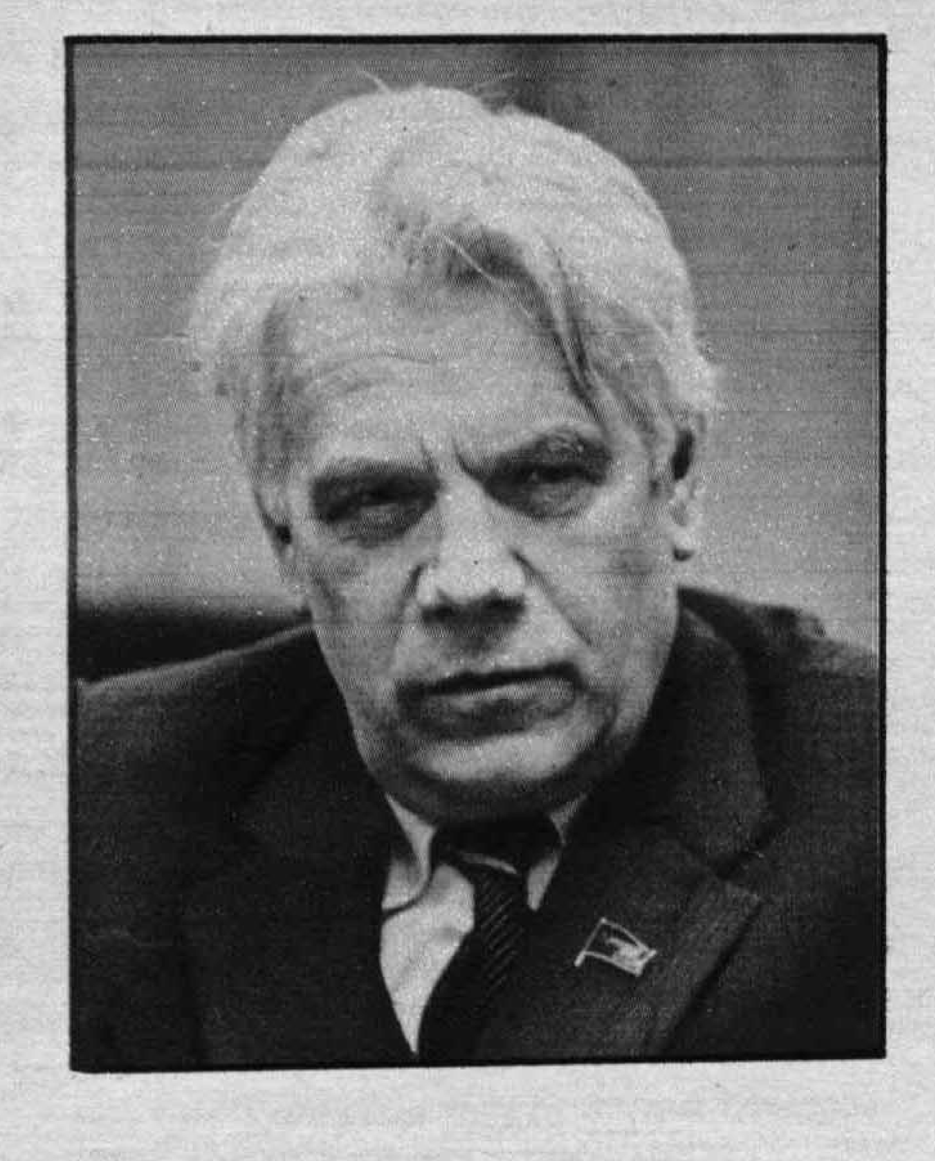
Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ШКОЛА:

«РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ» И БРОЖЕНИЕ СНИЗУ

С председателем Госкомитета СССР по народному образованию Геннадием Алексеевичем ЯГОДИНЫМ беседует корреспондент «Огонька» Александр РАДОВ

СОЦИОЛОГИ ПРЕДСКАЗЫВАЮТ: ОТКРЫВАЮЩИЙСЯ 20 ДЕКАБРЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД РАБОТНИКОВ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ПРИЗВАННЫЙ ОБСУДИТЬ НОВУЮ КОНЦЕПЦИЮ ПЕРЕСТРОЙКИ ШКОЛЫ, БУДЕТ НЕСПОКОЙНЫМ. ГЛАВНОЕ — ПРОИСШЕДШАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ, ИЛИ, ЕСЛИ ИНАЧЕ, РАЗМЕЖЕВАНИЕ УЧИТЕЛЬСТВА. ЕГО ПОЛНОМОЧНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НА СЪЕЗДЕ УЖЕ НЕ СТАНУТ, СУДЯ ПО ВСЕМУ, ГОЛОСОВАТЬ И БЕЗГЛАСНО, И ПОСЛУШНО. ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО ПЕРЕД РУКОВОДИТЕЛЯМИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВПЕРВЫЕ ЗА ПОЛВЕКА ВСТАНЕТ ЗАДАЧА — ЗАВОЕВЫВАТЬ ГОЛОСА, ДОБИВАЯСЬ ЭТОГО УБЕДИТЕЛЬНЫМИ АРГУМЕНТАМИ, А НЕ ОБЕЩАНИЯМИ РАЗНООБРАЗНЫХ НЕПРИЯТНОСТЕЙ.

«Революция сверху» все заметней, но только что она даст, если школьные низы безмолвствуют? Отзвук на нее действительно был бы глухим, если б снизу, то есть в рядовой учительской массе не началось бы брожение. Его не я обнаружил, хотя по читательским письмам замечал — школьные страсти все накаляются! Временный социологический коллектив, работающий прямо в Госкомитете и не робеющий перед резкими, нелицеприятными выводами, опросив по стране 940 учителей и 1019 школьников десятого класса, увидел новую, во многом беспрецедентную картину. Изображу ее всего несколькими мазками, цитируя социологический отчет, подписанный кандидатом экономических наук из Томска А. Овсянниковым. «Учительство не является уже массой, единогласно одобряющей любые социальные эксперименты над собой. (...) Отношение учительства к перестроечному процессу определяется переменами в школе. Половина учителей полагает, что в школе ничего не изменилось, в то время как 34 процента считают, что изменения есть, и эти изменения положительные, а 13 процентов полагают, что в школу перестройка принесла беспорядок и неудобства». Социологический опрос, проведенный сразу в 16 городах и областях страны, выявил очень сильные консервативные ориентации в педагогической среде. Вот образчик идеологии, которая этот консерватизм питает: «Для осуществления перестройки средней школы нужен такой ученик, который х о т е л б ы у ч и т ь с я. Такого ученика у нас нет. Следовательно, нужен учитель, который может з а с т а в и т ь учиться».

Авторитарные предпочтения плюс желание оставить в школе все как есть характерны не только для части учительства. Еще в большей степени они присущи работникам аппарата управления. Той части, которая сопротивляется переменам, пугает последствиями.

Г. А. Ягодин терпеливо, без устали, используя любую трибуну, пропагандирует свои взгляды на происходящее. Я спросил его: почему возникла нужда в новых идеях?

ПРИОРИТЕТ ВЫСОВЫВАЮЩИМСЯ?

— Когда я возглавил Минвуз, а потом Госкомитет по народному образованию, было хорошо известно, что система образования не устраивает нас не только с позиций завтрашнего дня, но и сегодняшнего. Как известно, производительность труда у нас в стране значительно ниже, чем в развитых капиталистических странах. Продукция, которую мы выпускаем,— и дороже, и менее надежная, более энерго- и материалоемкая. А это все — показатель уровня кадров. Хотя инженеров мы выпускаем больше, чем многие другие страны. Инженеров, но не специалистов с высшим образованием вообще. Здесь мы — если считать на 10 тысяч жителей — на 27-м месте в мире.

— А что в качестве специалистов нас особенно не устраивает?

— С точки зрения качества — у нас очень большой разброс. Вот, например, возвращается из США наш стажер. Спрашиваем: ощущали ли вы, что меньше знаете, чем американские студенты? Единодушно отвечают: «Нет, что вы!» И когда американцев спрашиваем: как наши специалисты? Они отвечают: первый класс! И наши школьники приезжают победителями почти со всех международных олимпиад...

— Это значит, что высший уровень наш — не ниже мирового. Почему же тогда по среднему уровню мы уступаем так резко? Чего в наибольшей степени не хватает нашему среднестатистическому специалисту?

— Я бы так сказал: практической предприимчивости. За годы, которые мы привыкли называть всякими эпитетами, мы такое выработали уважение к послушанию, что напрочь убили всякую предприимчивость. А начинается уже с шестилеток: «Мария Ивановна, можно выйти?» — «Сиди!»

И он сидит. А вообще-то отняли у широких масс людей самую, быть может, дорогую для человека черту — любознательность и инициативу. В мировой педагогике даже есть термин такой: «забивание гвоздей». Один в классе высунулся — бах его по голове: не высовывайся! Зачем? А чтоб не мешал учителю «работать» с коллективом. Ему легче, когда все одинаковые.

Мы против этого. Мы за то, чтобы предпочтение отдавалось индивидуальному развитию...

— То есть приоритет «высовывающимся личностям». Так?

— Да. Если кто-то отстал, разочаровался или опустился вниз — его тянуть наверх! Не против его желания, конечно же...

— Значит, цель — развитие?

— Развитие. Выявляя при этом потенции каждого. И это относится не только к школе. Обратите внимание на мировую тенденцию: в любой сфере деятельности растет доля умной части труда. А это ставит задачу непрерывного образования и развития. На протяжении всей жизни. Не только и не столько ради утилитарных выгод. Во имя человеческого счастья. Оно ведь тем вероятнее, чем полнее человек себя реализовал...

ТРИ КИТА ПЕРЕСТРОЙКИ

— Можно ли сказать, что вся наша система образования была ориентирована на подготовку в лучшем случае технических исполнителей, но никак не творцов?

— Выраженных в лозунгах призывов к творчеству у нас всегда хватало, а практических возможностей для этого не было. И соответствующих ценностей. Зато господствовали ценности

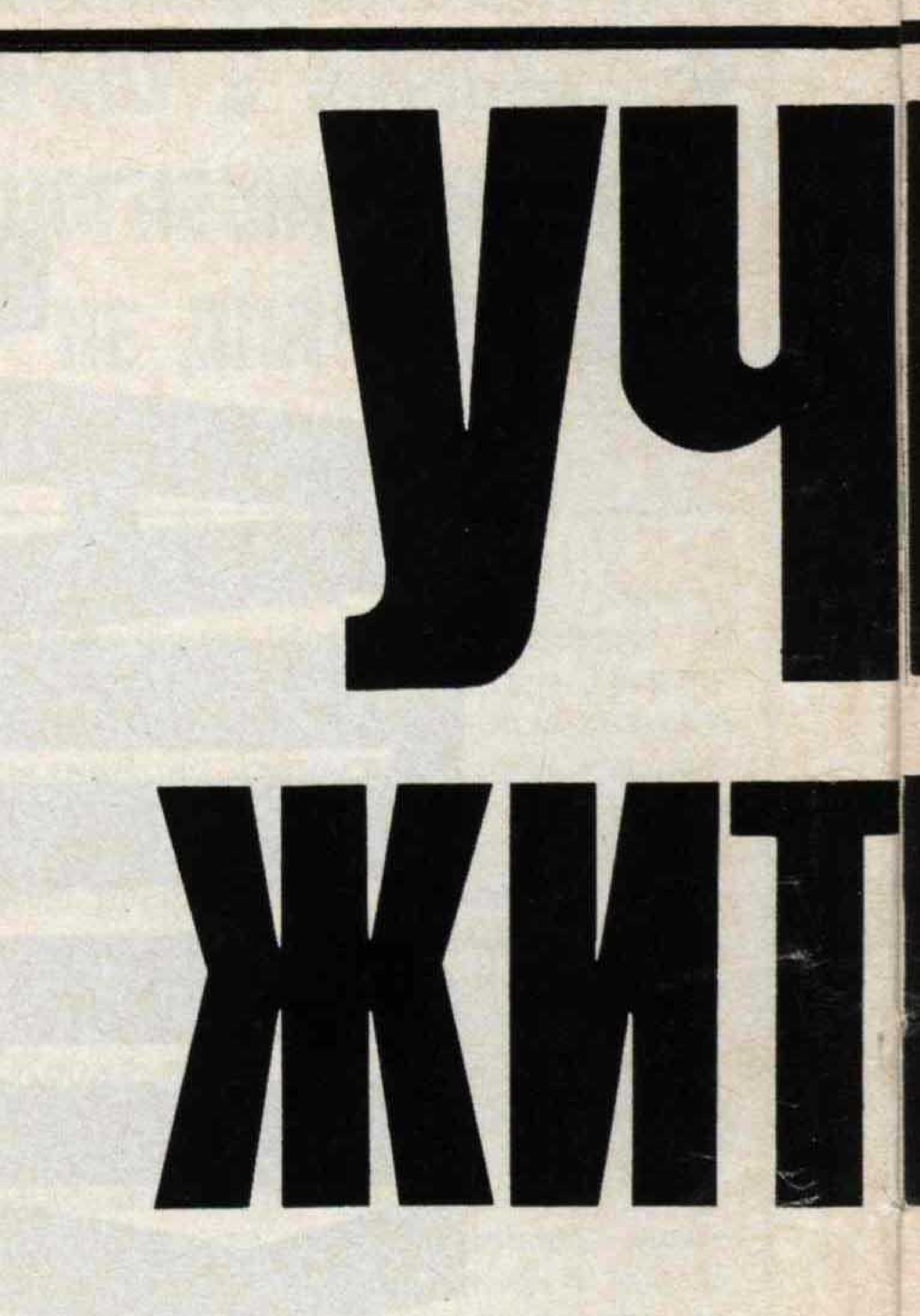
Окончание на стр. 30.

АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

Отношения между СССР и Японией по-разному складывались в разные времена. И сегодня еще отношения эти далеки от того, что зовется дружественными отношениями соседних держав. Ограничения в торговле и передвижении, территориальные претензии, последовательно выдвигаемые в Японии в течение ряда лет,— все это сближению не способствует. И тем не менее можно говорить о надеждах на улучшение.

Спланирован визит министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в Токио, происходят встречи на разных уровнях политической и общественной жизни, дискуссии, «круглые столы». Сама жизнь зовет к углублению разрядки, сотрудничеству.

Ведущие политики современной Японии недавно дали в Токио интервью главному редактору журнала «Огонек» В. Коротичу.

ИНТЕРВЬЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ПРАВЯЩЕЙ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЯПОНИИ С. АБЭ ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК».

— Господин Абэ, сейчас идет очень большая модернизация всей жизни в Советском Союзе. Процесс модернизации, казалось, затронул все сферы. Но нормальные отношения с Японией — это то, чего заждались у нас. Зная Вас как опытного политика, в частности политика международных дел, очень хотелось бы знать, как Вы смотрите на отношения с Советским Союзом: как на что-то, что необходимо Вашей партии, стране или как на что-то второстепенное?

— Когда я занимал пост министра иностранных дел Японии, мне приходилось встречаться со многими советскими представителями, в том числе с господином Шеварднадзе. Кроме того, я сам несколько раз был в Советском Союзе и испытываю большой интерес к вашей стране.

Что касается отношений Японии с Советским Союзом, то необходимо понимать, что мы соседи, которые не могут разъехаться, не могут удалиться на глобусе друг от друга. Хотя общественно-политический строй наших стран различный, я думаю, нам необходимо улучшать отношения.

Японо-советское сотрудничество имеет давнюю историю в самых различных областях, но что касается внешнеполитических отношений, то с СССР они наиболее прохладные. Японский народ не считает такие отношения нормальными, и думаю, что именно сейчас появился шанс для их улучшения, поскольку в настоящее время в Советском Союзе идет перестройка, проводимая господином Горбачевым, начался процесс улучшения советско-американских отношений, и международная обстановка в мире в целом и в частности на Дальнем Востоке также улучшается.

— Миллионы читателей нашего журнала интересует, как сейчас, особенно после поездок М. С. Горбачева на Дальний Восток и в Сибирь, будет развиваться восточная часть Советского Союза.

Советские руководители не раз делали различного рода заявления о желательности нормализации отношений с Японией, о наших вооружениях в азиатской части, то есть о самых «больных» вопросах. Вскоре Японию посетит министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе; переговоры продолжатся.

Но при всем том видите ли Вы, господин Абэ, долгосрочную перспективу в наших отношениях? Поддерживаете ли стратегию, которая приведет к тому, что наши страны будут больше торговать, больше сотрудничать? Возможен ли этот процесс в обозримом будущем?

— Я с большим интересом читал выступления господина Горбачева во Владивостоке и последующие его речи. Думаю, что они являются сигналом для улучшения обстановки в азиатском регионе. Очень хорошо, что господин Шеварднадзе посетит Японию. Анализируя все это, я думаю, что появился хороший шанс для улучшения советско-японских отношений.

В японо-китайских отношениях появились сейчас позитивные сдвиги, однако, что касается японо-советских отношений, то здесь имеется камень преткновения — известный Вам территориальный вопрос. Думаю, что необходимо продвигать переговоры по нему, проводить обсуждения этого вопроса. Обсуждая этот вопрос за столом переговоров, мы тем самым продвигаем и другие вопросы: экономические отношения, обмен технологией, культурный обмен, торговые связи и так далее.

— В отношениях между СССР и Китаем, между Японией и Китаем тоже имеются территориальные вопросы, но тем не менее отношения улучшаются, хотя вопросы и остаются. Сможем ли мы хоть чуть дружелюбнее разговаривать до решения или даже до признания этих вопросов? Скажем, между СССР и Китаем, между Японией и Китаем идут переговоры на разные темы наряду с переговорами о территориальном вопросе.

— Важно признать существование территориального вопроса. Но если взять прежнюю позицию Советского Союза в отношении территориального вопроса, то СССР всегда отрицал наличие этой проблемы. Если СССР признает существование этого вопроса и согласится его обсуждать, то и в других областях советско-японских отношений появится прогресс.

Когда в 1973 году наш тогдашний премьер-министр господин Танака посетил СССР и встретился с Брежневым, он спросил у него, включают ли в себя нерешенные вопросы, оставшиеся в наших отношениях после войны, вопрос о северных территориях. И господин Брежнев ответил: «Да». Об этом сообщили все средства массовой информации Японии, и японский народ знает об этом. Однако после этого Советский Союз изменил свою позицию и начал заявлять, что территориального вопроса не существует. Думаю, что сейчас важно, чтобы Советский Союз возвратился к позиции 1973 года. Для этого сейчас очень хороший момент. Возвращение к позиции 1973 года станет новой точкой отсчета и послужит делу улучшения наших отношений.

— Это прекрасно, и я обязательно это мнение постараюсь довести до наших читателей, до всех, кто берет в руки журнал. Но сейчас еще один вопрос. Знаете ли Вы состояние советской и японской пропаганды? Как оцениваете нашу и Вашу пропаганду сегодня?

Я не могу сказать, что в течение многих лет пропаганда воспитывала одно лишь дружелюбие, что она была объективна в рассказе о наших народах. И сейчас, и будучи руководителем дипломатического ведомства, Вы очень интересно формировались как личность, как политик. Что дает Вам надежду на то, что с Советским Союзом можно иметь дело? Как Вы формировали в себе доверие к Советскому Союзу, хорошие чувства? Несмотря ни на что, Вы верите, что можно договориться. Откуда у Вас эта уверенность?

— Конечно, Япония и Советский Союз имеют различный общественно-политический строй и соответственно различную идеологию. Но, что касается человеческих отношений, японцы испытывают симпатию к Советскому Союзу. Мы читали произведения Достоевского, Толстого, знаем русскую и советскую историю и культуру. Однако идеология у нас разная, так же как и у Японии с Китаем. Территориальный вопрос, это верно, имеется и в японо-советских и в японо-китайских отношениях. Но дело в том, что Китай признает территориальный вопрос. Если посмотреть на историю японо-советских отношений, то в наших отношениях имеется проблема с конца второй мировой войны. Но, несмотря на это, я думаю, что у японцев налицо стремление к сотрудничеству с Советским Союзом и симпатия к нему. Например, мы высоко ценим успех советских спортсменов на Олимпиаде в Сеуле. Мы также приветствуем курс господина Горбачева, его предложения по разоружению азиатской части, тенденцию к улучшению отношений между Китаем и Советским Союзом, между СССР и США.

Судя по этим признакам, именно сейчас ожидается улучшение японо-советских отношений. В этом я вижу шанс, о котором сказал. Но есть один вопрос, который не входит в область пропаганды. Это, как я уже сказал, территориальный вопрос. Я уверен, что нам нужно поднять этот вопрос за столом переговоров. Я понимаю, что решить этот вопрос нелегко, но если мы поставим этот вопрос и начнем его обсуждать, то и в других областях наших отношений будет достигнут прогресс.

— Я чрезвычайно благодарен Вам, господин Абэ. И я твердо верю, что только на позициях реализма можно сегодня улучшать серьезные отношения между странами. Думаю, что нашим читателям будет интересно узнать, какой именно политик находится сегодня во главе правящей партии Японии.

ИНТЕРВЬЮ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЯПОНИИ С. УНО ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК».

— Вы не так давно назначены на пост министра иностранных дел, но, несмотря на это, и Ваше имя, и Ваша деятельность широко известны в

...иться
...ь вместе

ИНТЕРВЬЮ БЫВШЕГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ЯПОНИИ Я. НАКАСОНЭ ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК».

— Недавно я имел возможность посетить Вашу страну вместе с несколькими депутатами парламента Японии, где нам было оказано очень теплое гостеприимство. Мне также была предоставлена возможность встретиться с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым, и я имел с ним плодотворную и приятную беседу.

После возвращения в Японию я написал благодарственное письмо в адрес господина Горбачева, но тем не менее хочу попросить Вас, если будет такая возможность, еще раз поблагодарить господина Генерального секретаря за оказанное нам внимание.

Мы знаем, что недавно в вашей стране прошел Пленум Центрального Комитета КПСС, состоялась сессия Верховного Совета СССР, результатом которых стали значительные кадровые изменения. Господин Горбачев был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. По-моему, это является свидетельством того, что перестройка в Советском Союзе движется вперед, и это меня очень радует.

Атмосфера советско-японских отношений в настоящее время улучшается; это позволяет углублять и разнообразить наше сотрудничество.

— Я хотел бы задать вопрос, который мне кажется очень важным. Господин Рейган, давая интервью «Огоньку», выступая, в том числе во время визита в СССР, не раз свидетельствовал, что в начале своего пребывания на посту президента и теперь он по-разному относится к Советскому Союзу, многие представления о Советской стране у него изменились. Можете ли Вы сказать то же о себе, изменились ли эти представления у Вас или Вы одинаково относились к СССР всегда?

— Я посещал Советский Союз четыре раза. В этот раз у меня сложилось такое представление, что даже сама Москва стала ярче, что лица людей стали радостнее. Сейчас, как никогда, я встречался со многими проявлениями искреннего дружелюбия. Например, когда я был в Измайловском парке, художник, работавший там, подарил мне картину со своим автографом. Я повесил ее у себя в кабинете и не забуду, как простой гражданин Москвы подарил мне картину в знак нашей дружбы. В отношениях, в личных оценках дружелюбия теперь много больше.

Недавно я встречался с госпожой Тэтчер, имел встречу с господином Колем, в мае в Белом доме беседовал с господином Рейганом. Все они заявили, что приветствуют перестройку в СССР. Что касается оценки деятельности господина Горбачева, то они единодушно выразили уважение его смелости, широкому кругозору. И у меня создалось впечатление, что это — искреннее уважение к господину Горбачеву и его делам. И ведущие политики Запада, как мне показалось, высоко оценивают гласность и новое мышление в Советском Союзе.

— Сейчас Советский Союз много делает для развития сотрудничества с разными странами мира. Лишь наши отношения с Японией развиваются не столь хорошо, как хотелось бы. Вы, господин Накасонэ, немало сделали для повышения авторитета Японии в мире. Сегодня мы с Японией, как это ни странно, доказали, что можем жить друг без друга, хотя на самом деле это неестественно. Друг без друга нормально мы жить не сможем. Считаете ли Вы, господин Накасонэ, что у наших стран и народов есть шанс сблизиться?

— Я думаю, что такой шанс имеется. Реализован он будет или нет, зависит, как мне кажется, от стремления и желания политических деятелей.

Например, в последнее время на Корейском полуострове подул теплый ветер — благополучно завершились Олимпийские игры в Сеуле. Появились возможности для проведения диалога между Севером и Югом. В отношениях между любыми странами есть свои проблемы, и в наших отношениях с СССР есть свои камни преткновения. Для того, чтобы их разрушить, нужен конструктивный подход и необходимы усилия обеих сторон для налаживания более благоприятных отношений. Вопрос в том, каким способом удовлетворить желание той и другой стороны. В этом — главная задача. Об этом должна думать каждая из сторон.

— Конечно. Меня очень взволновало то, что господин Накасонэ столь ценит картину русского художника, прислушивается к добрым вестям. Дело в том, что израсходованы миллиарды на воспитание образа врага. Многие японцы думают, что русские — враги им. Думаю, что и в нашей стране дружелюбие к Японии необходимо усиливать. Считает ли господин Накасонэ, что сегодня наша пропаганда должна вести себя как-то иначе, чем вела раньше? Или по крайней мере с японской стороны здесь все в порядке? Доволен ли господин Накасонэ, как рассказывают о Советском Союзе в Японии?

— Я думаю, что люди, которые находятся во главе государства и правящей партии, не видели, не знают современного Советского Союза. Поэтому они должны поехать и увидеть его своими глазами. Это, по-моему, самое главное. И со стороны Советского Союза, руководство, в том числе господин Горбачев, должно посетить нашу страну и увидеть, что представляет собой Япония. Это необходимо для того, чтобы партийные руководители, члены правительства имели правильное впечатление о стране. Например, я был у вас, и мне это помогло лучше понять Советский Союз, я получил большее представление о вашей стране.

Если господин Горбачев приедет в Японию, я думаю, с ним произойдет то же самое, поскольку в Японии живут такие же люди, как и в Советском Союзе.

— Наверное, самое главное в политике таких могучих стран, как Япония, — это последовательность, и мне очень приятно ощущать, что господин Накасонэ продолжает лучшие, самые плодотворные традиции японской политики. И я очень верю, что, когда отношения между нашими странами улучшатся, все мы будем всегда говорить, сколько для этого сделали Вы лично. Я очень рад был услышать все, что Вы сказали, и в «Огоньке» мы расскажем о той теплоте, с которой господин Накасонэ относится к советскому народу.

— Во время пребывания в вашей стране я имел возможность выступить по телевидению и смог приветствовать советский народ. Я сказал, что японский народ питает теплые чувства к советскому народу, и мы должны путем улучшения политических отношений развивать эти чувства. То, что я сказал, выступая по телевидению, я целиком подтверждаю сейчас.

СССР. Занимает ли Советский Союз во внешней политике Японии важное место; как Вы лично, господин министр, воспринимаете нашу страну?

— Прежде всего я хочу сказать, что Советский Союз, конечно, является нашим важным соседом. Об этом я всегда говорю в своих публичных выступлениях перед простыми людьми. Что же касается парламента, то как представителям правящей партии, так и представителям оппозиционных партий я заявляю, что соседней стране мы должны уделять большое внимание. До недавнего времени история человечества была исключительно историей различных конфликтов между соседними государствами, они усердно изучали и хорошо видели недостатки друг друга. Так было и на Востоке. Однако скоро мы вступаем в XXI век, и вместо этой старой истории должны создавать историю новую. Исходя из этого, я надеюсь, что контакты с соседним Китаем, странами соседнего Корейского полуострова — КНДР и Южной Кореей, а также с Советским Союзом, хотя политические системы государств различны,— приведут к созданию прекрасных отношений в этом регионе.

— Внешняя политика — штука сложная и состоит из многих факторов. Считает ли господин министр, что личностный фактор имеет к ней отношение? Политика есть политика, но она не абстрактна, каждый, так сказать, приносит свой «человеческий фактор». Я знаю, что Вы, господин министр, как личность, повлияли на вверенное Вам министерство. Как Вы считаете, в таком сухом, калькулируемом деле, как международное, серьезно ли значение личности?

— Я думаю, что влияние личности определяется тем, какую роль играет эта личность у себя в стране, каково чувство ответственности, ее способность добиваться эффективного результата. Например, японо-американские отношения в послевоенное время были хорошими, и подтверждением этого являлись хорошие отношения между Иосидой и Макартуром. Эти отношения способствовали успешному осуществлению оккупационной политики. Можно также сказать, что хорошие контакты Макартура с императором содействовали гладкому проведению оккупационной политики. В последнее время у господина Накасонэ сложились хорошие отношения с Рейганом. В результате этого почти исчезли многие японо-американские противоречия. Я считаю, что личные контакты между руководителями государств прежде всего углубляют доверие между ними, а это, в свою очередь, углубляет доверие между странами, расширяет дружественные отношения. М. С. Горбачев два раза официально встречался с Накасонэ, и я слышал от Накасонэ, что даже эти две встречи привели к углублению дружественных отношений между ними. Если бы у преемника Накасонэ — премьер-министра Такэситы — был опыт встреч с М. С. Горбачевым и он мог бы с ним часто видеться, то эти отношения, на мой взгляд, стали бы основой для углубления дружбы между нашими странами, улучшения наших отношений.

— Я думаю, что Ваша встреча с Э. А. Шеварднадзе будет хорошим прологом к встрече, если она удастся, глав наших стран. И все-таки, как Вы считаете, есть надежда, что мы станем ближе друг к другу, будем лучше друг друга понимать, будем лучше сотрудничать в таком трудном современном мире?

— Прежде всего я хотел бы сказать, что Япония приветствует тот факт, что советско-американские отношения вступили в эпоху диалога. Со своей стороны мы бы хотели способствовать тому, чтобы усилиями и Востока, и Запада был создан мир, в котором бы не было напряженных отношений Восток — Запад. Япония и Советский Союз — страны-соседи, но они принадлежат к разным лагерям — Западу и Востоку. И, несмотря на это, я считаю, что нам следовало бы углублять диалог.

Что же касается моих впечатлений от Советского Союза, то у меня сложилось впечатление, что в прошлом он был страной, которая всегда отвечала отказом на наши предложения о развитии диалога. Однако в последнее время я занимался изучением перестройки, происходящей в вашей стране, гласностью и другими вопросами, и мне кажется, что небо постепенно начинает светлеть, а советские люди меняют зимние пальто на легкие демисезонные и летние одежды. Поэтому я думаю, что это хороший шанс для развития диалога, и было бы хорошо, чтобы вы, если мы в чем-то неправы, говорили нам об этом. Я думаю, что такое развитие диалога, очевидно, является самым важным сегодня в японо-советских отношениях. Я связываю с этим большие надежды.

— Чрезвычайно важно слышать такие слова от человека, занимающего столь важное, ключевое положение в одной из главнейших стран мира. Я обязательно передам эти слова своим соотечественникам. Желаю господину министру от миллионов читателей «Огонька» всегда вот так же соединять политическое мышление с реальной политикой, и тогда уважение к Вам, не сомневаюсь, будет только расти и расти.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ УРОК

Министерство социального обеспечения РСФСР рассмотрело публикацию С. Дьячкова «ОНИ» и «МЫ» в № 42 журнала «Огонек» и считает данное выступление принципиально правильным и своевременным. Главная мысль публикации: мало помочь созданию добровольной демократической организации, надо еще и до конца выдерживать демократические принципы ее работы, не допускать ни малейшего администрирования — эта мысль и актуальна, и в то же время не всегда проста в исполнении на практике.

При создании Всероссийского общества инвалидов, казалось бы, было предусмотрено все, чтобы этот процесс прошел самым демократическим путем.

Было признано целесообразным начать организацию общества с создания первичных организаций, дать возможность инвалидам на местах обсудить свои насущные проблемы.

Всю работу по созданию общества возглавил Организационный комитет. По его инициативе был подготовлен проект примерного устава Всероссийского общества инвалидов.

Основные положения проекта устава публиковались на страницах газет. Полный текст проекта опубликован в еженедельнике «Ветеран».

Учредительная конференция по созданию ВОИ была проведена в Москве 16—17 августа 1988 года. Доработанный проект устава ВОИ был роздан всем 166 прибывшим делегатам, которые еще до начала конференции и в ходе ее работы очень активно и заинтересованно его обсуждали, все свои замечания передали редакционной комиссии, избранной на конференции в составе 18 человек из числа делегатов-инвалидов, в том числе и автора публикации т. Дьячкова С. Г.

Перед заключительным днем конференции редакционная комиссия заседала до 2 часов ночи.

17 августа председатель редакционной комиссии делегат В. А. Панов доложил Учредительной конференции результаты работы комиссии. За устав проголосовали все делегаты конференции, за исключением одного делегата — т. Дьячкова С. Г.

Таким образом обеспечено соблюдение всех демократических процедур. Но не обошлось и без административных накладок, о которых совершенно справедливо пишет т. Дьячков С. Г.

По недоброй заведенной традиции был избран чрезмерно большой рабочий президиум. Правильно и то, что характеристика проекта устава, как созданного на основе всех прежних уставов, обнаружила канцелярский подход к делу и подчеркивала доперестроечный стиль нового документа, из которого выпали такие слова, как «гласность», «хозрасчет», «самоуправление».

Справедливы замечания автора и о том, что в проекте устава остался открытым вопрос, как облегчить жизнь инвалидов в деревне, и сохраняется неясность, почему первичные организации не являются юридическими лицами. Закономерно и его сомнение в том, не народится ли еще одно звено административной системы, зараженной аппаратным вирусом.

Тот факт, что все центральные газеты, в том числе «Правда», «Известия» «Труд», «Социалистическая индустрия», «Советская Россия», Центральное телевидение и Всесоюзное радио, широко осветили работу Учредительной конференции, оперативно одобрили как принятые конференцией решения и документы, так и обстановку, в которой проходила она, ни в коем случае не оправдывает допущенных рецидивов администраторства. Напротив, выступив спустя два месяца после окончания работы конференции, редакция журнала «Огонек» сумела вдумчиво и более широко осветить как позитивные, так и негативные моменты ее, подсказать, как терпеливо, внимательно и чутко всем нам нужно учиться работать в условиях демократии.

В. КАЗНАЧЕЕВ, министр.

ПАЛИТРА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

Почти сорок лет работает в нашей культуре замечательный художник Борис Георгиевич Биргер. Это имя хорошо известно знатокам современного искусства во всем мире. Его картины экспонировались в ряде европейских музеев. В США и ФРГ изданы каталоги его работ. Однако в нашей стране, за пределами узкого круга друзей и почитателей художника, искусство его практически неизвестно.

Человеческая и творческая судьба Б. Биргера сложилась нелегко. В 1941 году, юношей, он ушел на фронт, в 1943 году, под Сталинградом, вступил в партию. После войны, окончив институт, был принят в члены МОСХа. Картины Биргера стали появляться на выставках, вызывая неизменный интерес зрителей, репродуцировались в журналах. Но этот период длился недолго. В 1962 году Борис Биргер вместе с группой других художников был подвергнут резкой критике Н. С. Хрущевым на печально знаменитой выставке в Манеже, и двери выставочных залов захлопнулись для него. Исчезло его имя и со страниц журналов. В 1968 году тяжесть этого положения еще более усугубилась: за подпись под письмом об облегчении судьбы осужденных тогда литераторов Б. Биргер был исключен из партии.

Все эти трудные годы Б. Биргер напряженно и плодотворно работал. Весной прошлого года с большим успехом прошла вторая выставка его работ в нескольких городах ФРГ (первая состоялась в 1982 году). В мае этого года открылась выставка его живописи в Великобритании. Создалось, таким образом, парадоксальное положение: в то время как на Западе творчество Б. Биргера хорошо известно, советскому зрителю оно до сих пор недоступно.

С таким положением мириться больше нельзя.

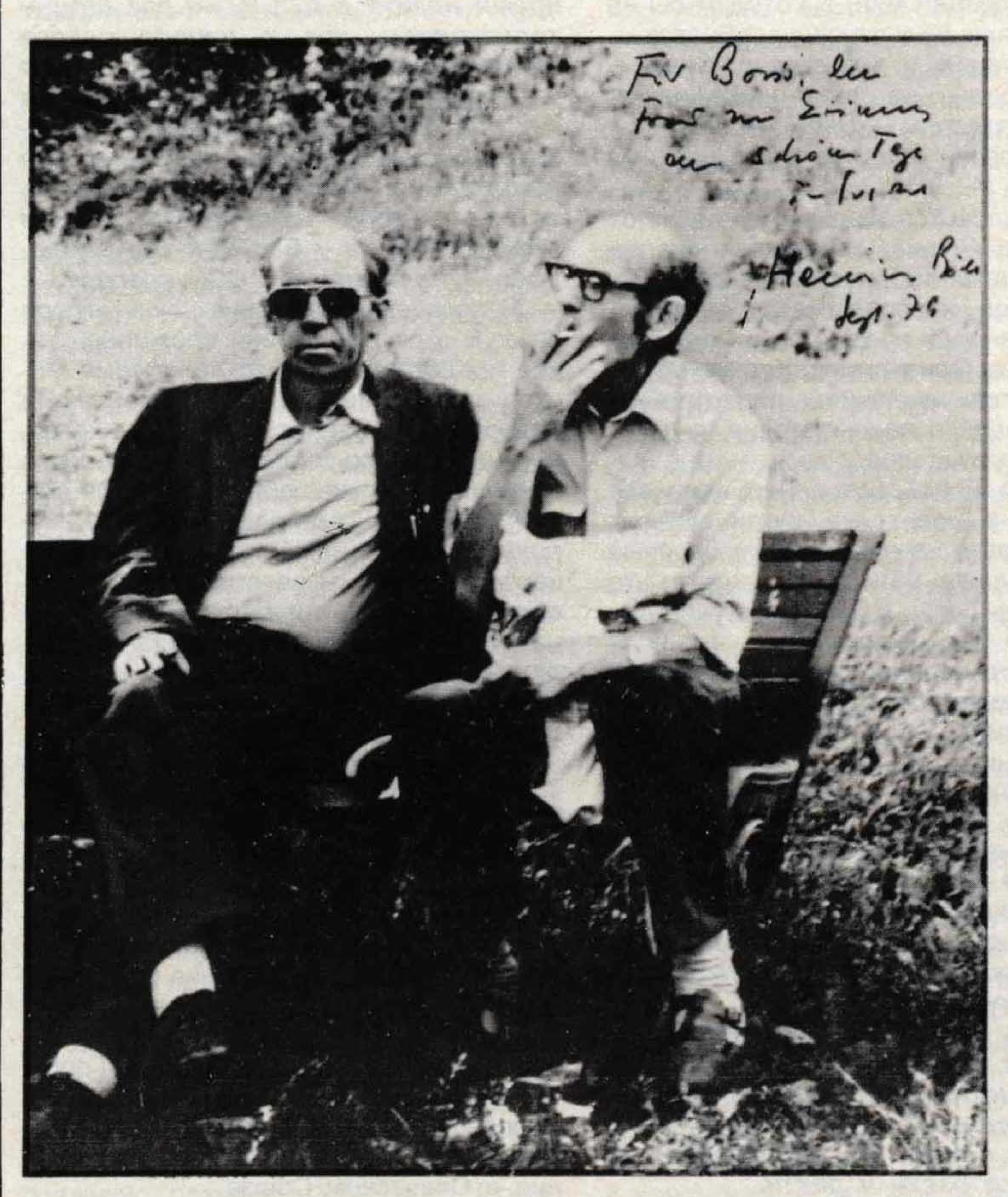
Возвращение Б. Биргера к полноправной художественной жизни может только обогатить картину развития современного советского искусства.

Обращаясь с этим письмом, мы просим положить начало такому возвращению, познакомив читателей журнала хотя бы с некоторыми лучшими работами Бориса Биргера и рассказав о его творческом пути. Одновременно мы обращаемся настоящим письмом и к новому руководству Союза художников СССР с предложением и просьбой незамедлительно, не откладывая дела в долгий ящик, организовать представительную ретроспективную выставку работ Б. Биргера в одном из центральных выставочных залов Москвы. Мы полагаем, что творчество Бориса Биргера слишком заметное явление нашей художественной культуры, а двадцатипятилетняя изоляция его от советского зрителя слишком нетерпима, чтобы можно было и впредь отделываться формальным внесением имени Б. Биргера в список планируемых в неопределенном будущем выставочных показов. И мы надеемся, что читатели «Огонька», ознакомившись с репродукциями некоторых работ художника, нас поддержат.

С уважением,

Вадим Борисов, Игорь Виноградов, Алла Демидова, Эдисон Денисов, Фазиль Искандер, Вениамин Каверин, Игорь Кваша, Булат Окуджава, Бенедикт Сарнов, Альфред Шнитке.

ТАЙНЫ Бориса Биргера

Борис Биргер и Генрих Бёлль в Суздале. 1976.

Основу второй выставки в ФРГ работ московского художника Бориса Георгиевича Биргера составили картины, хранящиеся в западноевропейских музеях и частных собраниях. К первой выставке, которая прошла с большим успехом, почитатель искусства живописца Генрих Бёлль написал:

«Восемнадцать лет назад я впервые попал в мастерскую Бориса Биргера, крошечную комнатку в мрачном доме. Первое, что пришло в голову,— литературная ассоциация: Сэмюэл Беккет. На картинах углы комнат и дворов, одинокий стул у стены — вещи, которые светились, несмотря на свою мрачность. И этот свет — одна из тайн Биргера. Вещественное ясно узнавалось, но при поверхностной интерпретации «реализма» становилось беспредметным. Его живопись создавала, а не воспроизводила реальность. Реальность созидал падающий на все свет. Откуда у него этот свет?

И сегодня, через 18 лет (а посещение его мастерской — всегда одно из первых моих дел в Москве), я не могу проникнуть в эту тайну. Например, в практически реалистической картине «Дон Кихот» Биргер способен поместить в свой свет «предметы» — это доказывают его портреты и пейзажи, прежде всего морские.

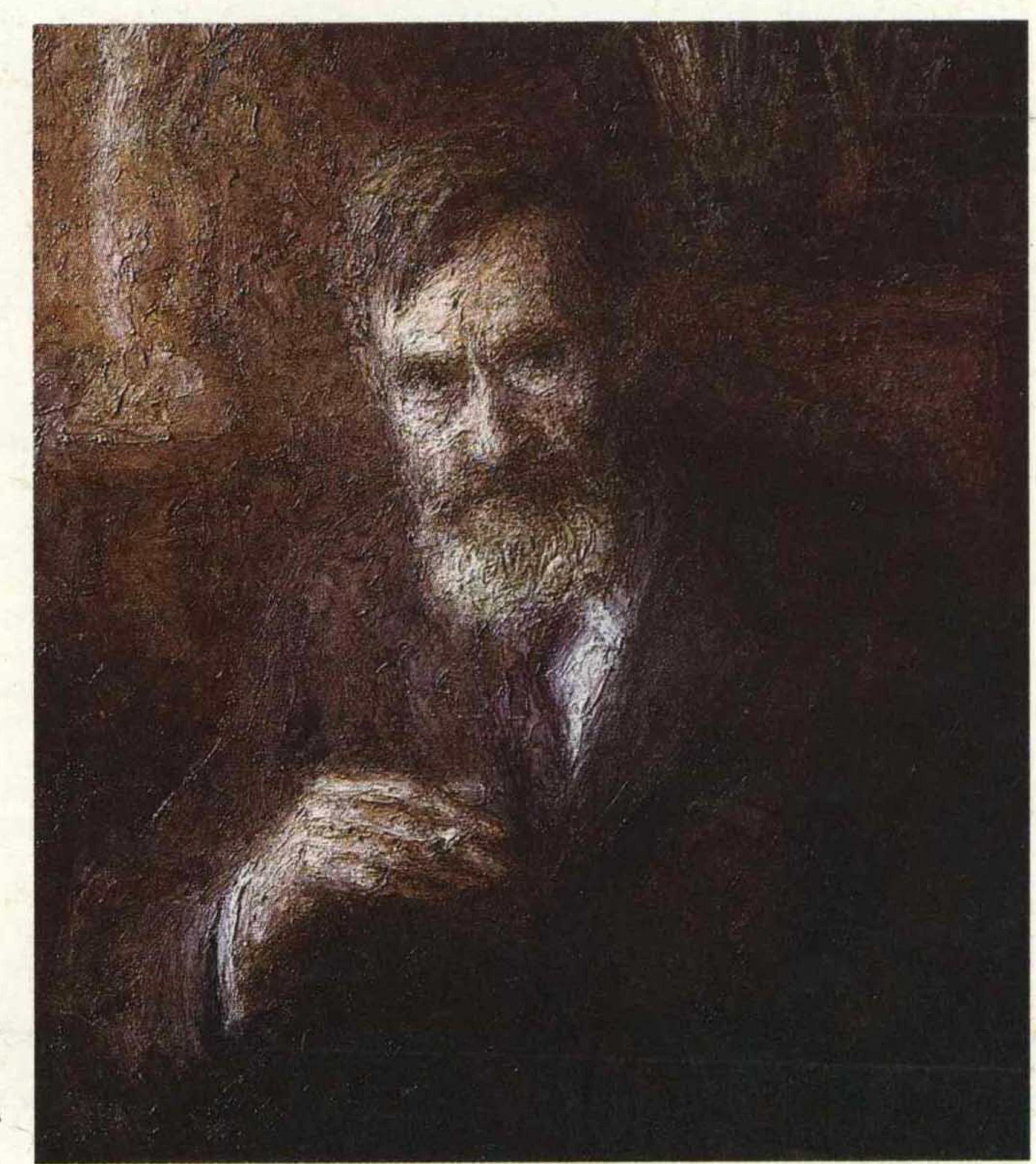
Если вспомнить русскую живопись XIX века, Биргера даже можно назвать

традиционалистом. Но это не копирование, а развитие уже достигнутого. В этом смысле он — русский художник, современный и самостоятельный, совершенно не подверженный модам. В нем напрочь отсутствует стремление приспособиться ко множеству волн западной живописи, так распространенное...»

Б. Г. Биргер родился в 1923 году в семье московских интеллигентов. Он часто вспоминает свое детство, первые уроки рисования в городском Дворце пионеров, встречи с живописью в московских музеях. «От дома на Сивцевом Вражке, где я вырос, уже лет в десять я ходил в музей новой западной живописи, который размещался в здании нынешней Академии художеств, и копировал под надзором мамы, очень хорошо это помню, «Пруд» Клода Моне. Мир импрессионистов открыл для меня то измерение, ту живопись, которую нельзя уже было зачеркнуть. И до 16—18 лет, до войны, я ходил в музеи очень часто».

Пятьдесят лет назад, еще мальчиком, Борис Георгиевич впервые показал на Всесоюзной выставке детского творчества свою работу.

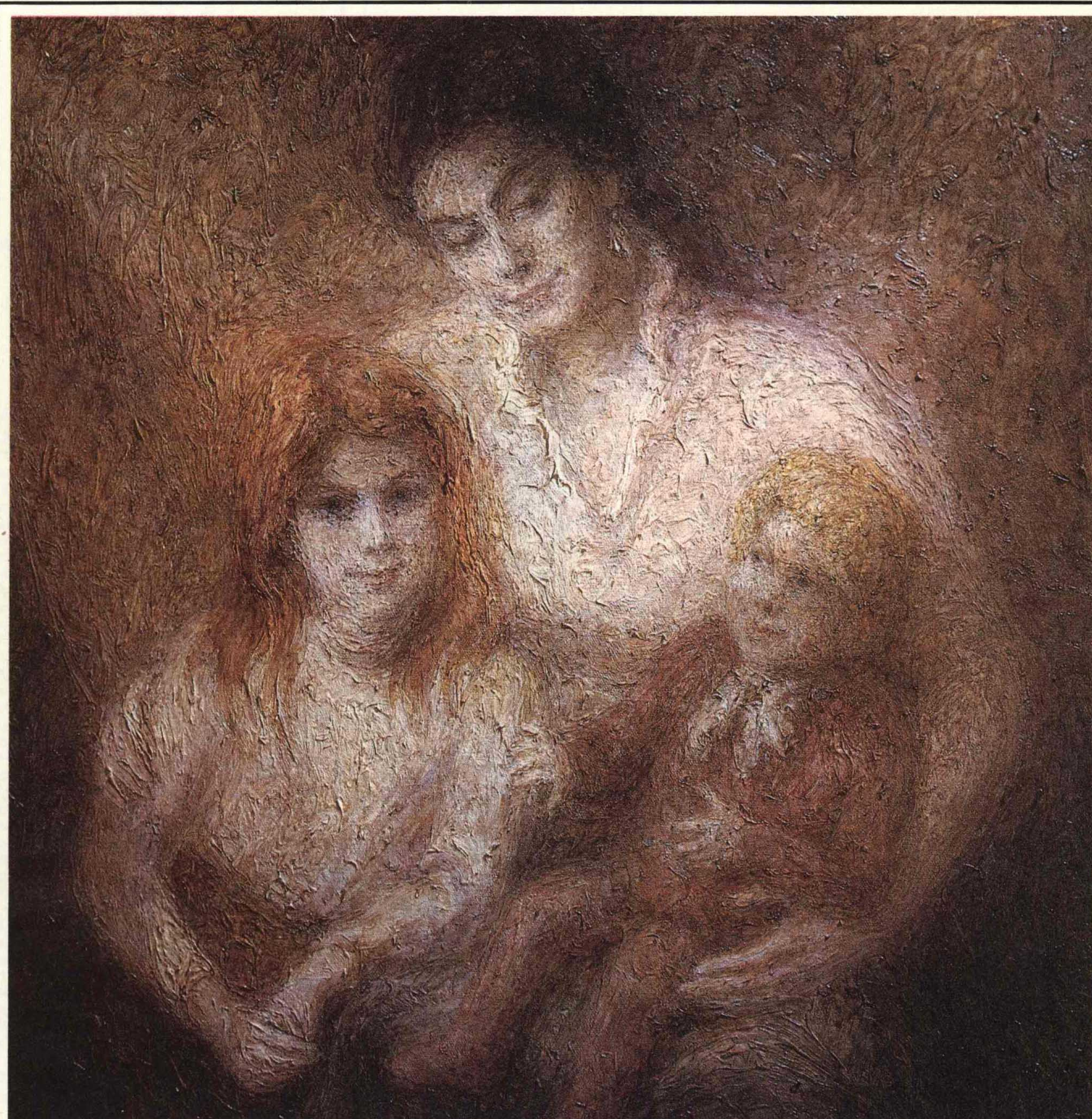
После войны, которую он прошел от Волги до Балкан, в 1951 году Биргер окончил Московский государственный

Б. Г. БИРГЕР. Род. 1923.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА
В. В. ДОМОГАЦКОГО. 1985.

ДАНАЯ.
1986.

ПОРТРЕТ НАТАЛЬИ БИРГЕР С ДОЧЕРЬМИ. 1983.

художественный институт имени В. И. Сурикова. О нем рано заговорила критика. Его произведения 50-х годов часто воспроизводились в печати. Но сейчас художник считает, что подлинная зрелость пришла к нему во второй половине шестидесятых.

В своем творчестве Биргер обращается к опыту старых мастеров, великих психологов Рембрандта, Тинторетто, позднего Тициана.

«При всей моей огромной любви к Сезанну, Матиссу, к импрессионистам, Модильяни,— говорит Борис Георгиевич,— все-таки искусство великих Стариков для меня было более близким.

Рембрандтовские, тинтореттовские страсти, тициановский взрыв для нашей жизни ближе и понятней, чем легкий воздух мастеров Франции. Я смотрел вокруг себя и не мог увидеть в жизни этой легкости. Наверно, так и в музыке бывает: одним восхищаешься, а от другого плачешь...»

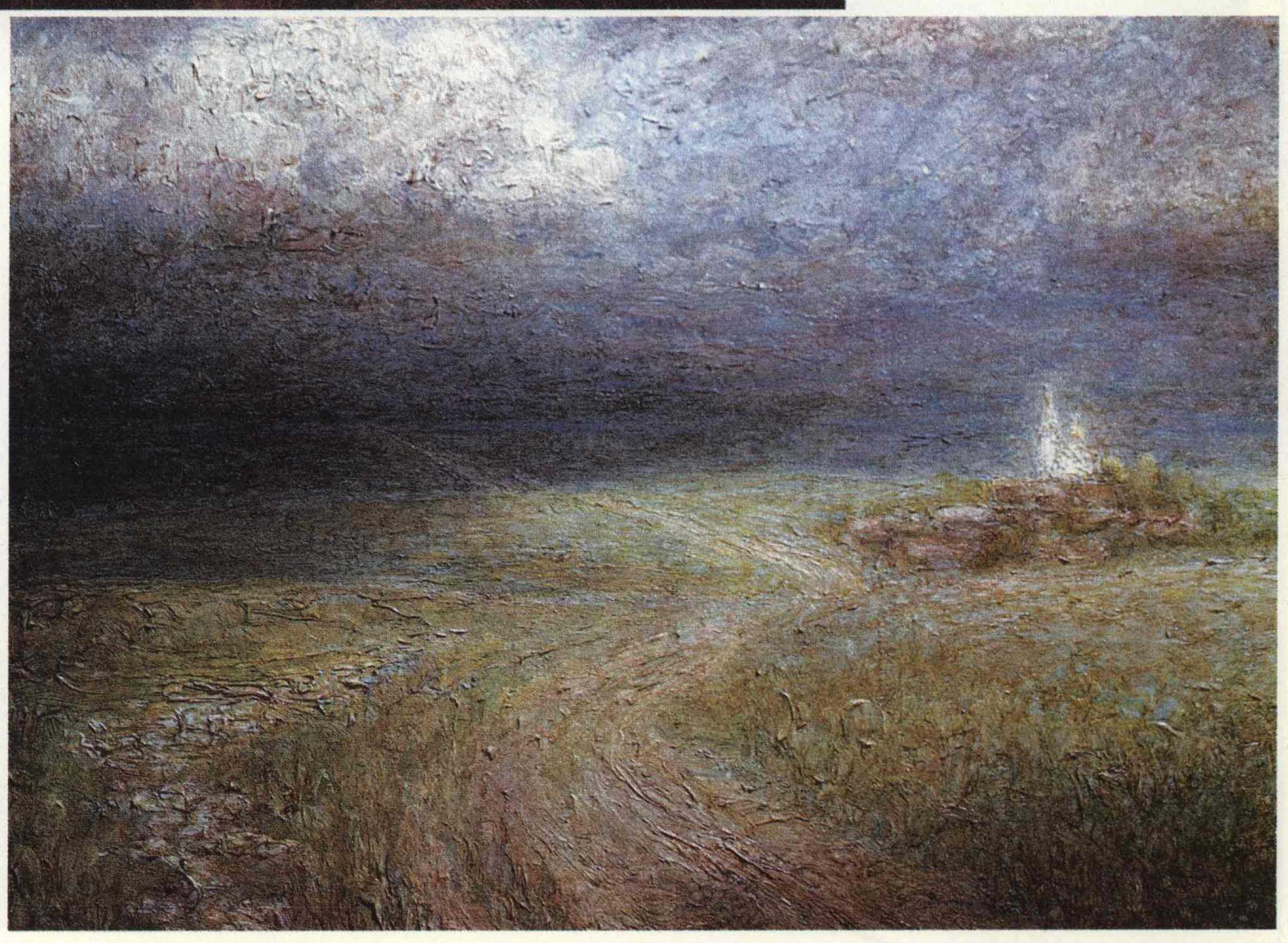
Во всех зрелых работах Биргер применяет восходящую к этим мастерам сложную технику масляной живописи. Поверх рельефно наложенных красочных пятен, определяющих основные массы предметов, наносятся многочисленные лессировки — прозрачные окрашенные лаки.

В последнее время в творчестве Биргера важное место занимают вечные темы, восходящие к традициям классического искусства: «Шествие на Голгофу», «Выход с тайной вечери», «Что есть истина?». «Когда-то в моем детстве, — вспоминает художник,— саврасовские «Грачи» и Левитан были для меня чем-то таким, что безумно нравилось. Я мог смотреть на «Вечерний звон» часами. Но в какой-то момент увлечение живописью французов, русских мастеров 10-х годов отодвинуло от меня нашу отечественную классику. А тут году в 1963-м я пошел посмотреть в Ленинграде Рокотова. И вдруг он «заговорил» со мной таким языком, что мне все стало близким. Не только Рокотов, и другие портретисты XVIII века. Потом зашел к Левитану. Нравится! Думаю, если нравится, то это мне очень нужно».

Присущее этим мастерам умение одухотворить даже самый простой мотив видно в пейзажах и интерьерах Биргера, в парных и групповых портретах, и особенно в портрете Владимира Владимировича Домогацкого, замечательного художника, друга и наставника Биргера. Здесь раскрывается многогранность человеческой личности, утверждается ее благородство и неповторимость, высокий этический пафос.

«С детства я стремился к психологическому портрету,— говорит Борис Георгиевич,— к той его жизни, к этому чуду, которое есть у русских мастеров XVIII века. И еще для меня важно: я стараюсь все время идти к тому, чтобы написать этот московский воздух, этих людей, эту жизнь».

Михаил КИСЕЛЕВ, Борис ШУМЯЦКИЙ.

ПЕЙЗАЖ. 1987.

Яков ЛИБЕРМАН,
доктор
экономических наук

О ПРИЧИНАХ, СИМПТОМАХ И СПОСОБАХ ЛЕЧЕНИЯ ЗАСТАРЕЛОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ

РУБЛЬ НАЧИНАЕТ ЗАНИМАТЬ ВСЕ БОЛЕЕ ЗАМЕТНОЕ МЕСТО В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ. ПРЕДПРИЯТИЯ УЧАТСЯ СЧИТАТЬ ДЕНЕЖНУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ. ПОТРЕБИТЕЛИ РАСХОДУЮТ ДЕНЬГИ В КООПЕРАТИВНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ ТОЧКАХ. ЗАЛЕЖАВШИЕСЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯМИ ДЕНЕЖНЫЕ СБЕРЕЖЕНИЯ — В КУБЫШКАХ, ЧУЛКАХ, МАТРАСАХ, А ТО И В БУМАЖНИКАХ, КАРМАНАХ, СУМКАХ — СТРЕМИТЕЛЬНО ВРЫВАЮТСЯ В ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБОРОТ. ОЖИВЛЯЕТСЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ, ПОДНИМАЕТСЯ УПАВШЕЕ БЫЛО ДОВЕРИЕ К ДЕНЬГАМ, ДЕЛАЕТСЯ БОЛЕЕ СКРУПУЛЕЗНЫМ ИХ СЧЕТ.

Актуальные экономические меры приносят первые результаты.

Хорошо? Бесспорно. Конечно, не надо закрывать глаза и на трудности. Их тоже пока немало. В сложившейся непростой хозяйственной ситуации наше внимание все больше концентрируется на денежной инфляции. Ее изображают этаким страшным джинном, вырвавшимся из бутылки, призывают загнать (интересно, какими заклинаниями?) обратно и прихлопнуть крышку. Все громче требование остановить инфляцию, принять срочные антиинфляционные меры (правда, не уточняется, какие именно). Словом, создается отталкивающий, пугающий, устрашающий образ инфляции, газетчики бойкими, но не всегда компетентными перьями бьют в гулкие барабаны тревóги, нагнетают страх, накаляют страсти, трубят боевую готовность, чтобы сомкнутыми рядами ополчиться против нависшей угрозы.

Чего здесь больше — отчаянного испуга или боевого задора? Преобладают все же эмоции. Когда читаешь про это, иной раз возникает впечатление, что инфляция появилась незваным гостем, яко тать в нощи, а раньше ее, мол, и не было. Тут слышится неявный подтекст: вот чего дождались, вот к чему ведет перестройка. Нелишне уточнить: инфляция существует давно, а со второй половины 60-х годов ускоренно, бешеными темпами набирала силу. Это болезнь не новая, а застарелая, запущенная, ставшая хронической. Она не сегодня и не вчера прочно утвердилась и обрела все черты застойности. Именно в эпоху застоя при мнимой, фальшивой «сверхцентрализации» денежное обращение вырвалось из-под всякого планового контроля и регулирования, инфляция, уже не таясь, поползла, разогналась, загалопировала... Разница по сравнению с сегодняшним днем только в одном: тогда сам термин «инфляция» был под строжайшим запретом.

Запретное вчера словечко нынче сделалось модным. Кто вчера в упор не «замечал» инфляции и старательно вымарывал из текста сам термин, ныне громче всех охает, не зная, что делать, требует не только анализа и дельных предложений, но, больше того, острой взыскательной критики. И опять приходится уточнить: инфляция — болезнь неприятная, но излечимая и, главное, не смертельная. Меньше всего я хочу приуменьшить опасность, однако и страх плохой советчик. Полезнее относиться к нездоровью денежного обращения со всей серьезностью, но спокойно, без паники, способной принести только новые осложнения.

«ГОРЬКАЯ И ПЕЧАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ»

Начну с определений (дотошный читатель все равно потребует), хотя они и покажутся «неожиданными». **Инфляция — это реакция рынка на избыток денежной массы в обращении.** Заметьте, это не сам по себе избыток (да и кто его взвесит на аптечных весах?), а реакция на него рынка: избыток может быть больше, а реакция меньше, и наоборот. К примеру, денежная масса растет семимильными шагами, а инфляции нет и нет, но вот маленькая прибавка — и инфляция разрастается как снежный ком. Имеется, стало быть, «критическая точка». Суммарное выражение инфляции — деньги дешевеют относительно товаров, происходит размен (разукрупнение) денежного масштаба.

Сразу назову и противоположную реакцию рынка — дефляцию (недостаток денежной массы). Что лучше, что хуже? — спросит читатель. И то, и другое одинаково пагубно.

Встречный вопрос: а где, собственно, пролегает демаркационная линия между инфляцией и дефляцией? Я надеюсь, что линия все-таки существует, только она не постоянная, а подвижная, изменяющаяся.

И самое «неожиданное»: инфляция и дефляция идут рука об руку, они не только попеременно чередуются друг с другом в последовательные интервалы времени, но и чаще всего сосуществуют. Вот почему в большой и достаточно представительной экономической аудитории вы редко встретите не только однозначные, но и похожие оценки инфляции. У всех одни и те же, номинально одинаковые деньги, но приглядитесь: денежный масштаб у пенсионера с солидным пенсионным «стажем» не тот же, что у горняка, даже немолодого, или, скажем, в центральных областях не тот же, что в Закавказье. Нет, отнюдь не сама по себе инфляция нас тревожит, а то, что она развивается крайне неравномерно — и во времени, и в пространстве.

Замечу также, что в экономике вообще имеет значение не столько мгновенная «фотография» (хотя именно она порой кажется самой достоверной), а кратковременные изменения и их направление. Бывает и так, что инфляционные тенденции оказываются лучше дефляционных. Откуда такие странности в многосложной экономической реальности? Обратимся-ка лучше к истории, тогда и абстрактные соображения обретут конкретную плоть.

Инфляция — болезнь, которой Россия переболела не раз. Из учебников мы знаем: деньги создает для себя рынок, товарный оборот, купля-продажа. Добавлю к этому: деньги и их нарицательный курс (номинал) всегда были прерогативой государства, его монополией. Денежное обращение — важнейший орган рынка — всегда (как и теперь) вместе с тем обслуживало государственные финансы. Денежная эмиссия (она определяет количество обращающихся денег) в руках государства (даже в условиях свободной чеканки и выпуска банкнот) была исторически самой первой формой разверстки. Непреложным нормам эквивалентного рынка противостояло внерыночное государственное принуждение.

В сочетании разверстки и рынка — объяснение всех «загадочных» перипетий в развитии экономики, в том числе и денежных инфляций. Русское самодержавие здесь постаралось не хуже, чем в любых других областях.

В самом начале первой мировой войны мощная инфляция постигла экономику, поразила не только государственные финансы, но и сферу производства. К 1916 году из обращения исчезла вся золотая, серебряная, даже мелкая медная монета.

Денежная эмиссия, обычная мера государственного регулирования, оказалась неэффективной и недостаточной. Внерыночное принуждение распространилось на сферу производства. В 1916 году царское правительство «объявило» продовольственную разверстку. Это была экстраординарная, чрезвычайная мера, она имела далеко идущие социальные последствия.

Единый рынок раскололся. На его обломках возник уродливый, ущербный рынок — разверстка, где господствовало внеэкономическое принуждение, а оно действовало против экономических интересов.

Помог ли такой рынок хотя бы умерить инфляцию? Ничуть не бывало. Он только подстегнул ее еще больше.

Этот процесс вполне довершило Временное правительство 25 марта 1917 года, введя государственную монополию хлебной торговли и «стеснив» торговлю другими предметами первой необходимости. Это означало запрещение свободы торговли. Свободный, «вольный» рынок сделался «черным», то есть нелегальным, но не исчез, а ушел в подполье.

Разверстка вместе с ее неизбежным спутником — черным рынком — досталась Советской власти в тяжелое наследие от прошлого в одном ряду с отсталостью, общим развалом и хозяйственной разрухой. В. И. Ленин говорил: «Разверстка не «идеал», а горькая и печальная необходимость».

РАЗВЕРСТКА ПРОТИВ РЫНКА

Только нэп приостановил течение инфляции и на время покончил с ней.

Однако нэп не был завершен. И теперь остается только гадать, к каким благотворным результатам он мог бы привести при условии последовательного и целеустремленного проведения.

За всю нашу послеоктябрьскую историю только три весны внушали трепетные надежды начавшимися историческими поворотами — в 1921, 1953 и 1985 годах. Накануне каждого из этих исторических рубежей — по прихоти истории их разделяют математически равные интервалы времени — экономика попадала в критическую кризисную ситуацию, в состояние развала и инфляции.

Почему каждый предыдущий исторический поворот не предотвратил последующего? Не в последнюю очередь по той причине, что ни один из них не затронул, даже не поколебал систему бюрократической разверстки.

Нэп успел покончить (да и то, как увидим, лишь на время) с наиболее одиозной разверсткой в деревне, но не задел остальных форм разверстки, других звеньев ее единой, разветвленной и целостной системы — прежде всего разверстки цен (заготовительных и розничных) и натуральной разверстки (карточного распределения продовольствия) в городах. Эти формы с теми или иными модификациями, включая нормированное натуральное распределение, сохраняются по сей день. Своя широкая подсистема разверстки, оставшаяся до наших дней, успела сложиться и в обобществленном государственном секторе — от разверстки натуральных поставок и финансовых платежей до разверстки материально-технического снабжения, капитальных вложений и дотаций.

Перед нами сегодня, с теми или иными несущественными изменениями, единая, универсальная и тотальная система разверстки — внеэкономического принуждения, основанного на безэквивалентном, иногда даже на безденежном распределении продукции и ресурсов, поставок и снабжения, цен и доходов, прибыли и дотаций. Если вырвать и уничтожить какое-нибудь из звеньев, пусть даже самое плохое, оставив в неприкосновенности систему в целом, она непременно возродится в своей целостности, в лучшем случае лишь слегка видоизменившись. Если одно звено создает в экономике чрезмерные перекосы, они подправляются противоположными перекосами в другом звене — так неудачная разверстка оптовых цен всегда корректировалась разверсткой доходов и дотаций. В системе все пригнано, не может быть «лишнего» звена, если «лишняя» система в целом. А не уничтожив систему, нельзя избавиться и от отдельного звена.

Так и произошло после нэпа: система разверстки возродилась, не успев отмереть.

Правда, восстановление этой системы прошло под шапкой-невидимкой: сам термин «разверстка» прочно исчез из экономического и политического лексикона, поэтому процесс не был замечен и никак не комментировался.

Нэп был и остается единственным реальным покушением на разверстку, уникальной серьезной попыткой возрождения единого эквивалентного рынка.

Почему же так легко был смят и свернут нэп? Почему так быстро удалось повернуть его вспять? Кто был инициатором реставрации разверстки? Сталин? Это было бы слишком простым ответом. Сталин был практик сугубо прагматического толка, он не был ни стратегом, ни теоретиком. Не имел он и самостоятельной, внутренне выстраданной программы, а составил ее из лоскутов программ тех ярких политических фигур, у кого он подобрал упущенную ими власть, подобрал и прибрал поистине стальной, мертвой хваткой. Не знал он и того драматизма, с которым, например, Бухарин так мучительно тяжело переболел «левачеством». При внешней приверженности ленинизму (в его развитии не простирающемся дальше лета 1921 года) внутри Сталина глубоко и тайно сидел троцкист (при всех личных антипатиях к Троцкому). Наиболее существенное расхождение с Лениным было в том, где они видели социальную базу политической власти Советов: Ленин — в демократическом обществе, не исключая крестьян (тогда — подавляющее большинство населения), Сталин же в своем авторитаризме опирался на часто сменяемую бюрократическую верхушку, высший аппарат принуждения и подавления. Сталин и был частью им же созданного аппарата. А клановый, сугубо материальный интерес привилегированной бюрократии зиждется как раз на отчуждении и перераспределении экономических ценностей в рамках «общего котла». Вот кто кровно был заинтересован в разверстке. Сталин был и Спасителем, и одновременно Демиургом (создателем) разверстки, и подлинным Корифеем связанной с ней бюрократии.

ИНФЛЯЦИЯ ОБ РУКУ С ДЕФЛЯЦИЕЙ

Тотальная государственная монополия разверстки создала всеобъемлющий «общий котел», в котором обезличивались и затраты, и результаты отдельных работников и коллективов. У «котла» бдительно стояла бюрократия. Это вело к неограниченному разгулу, настоящей стихии планового волюнтаризма, а в теории оправдывалось невесть какими потусторонними «объективными экономическими законами», которые действуют «независимо от сознания» подобно року.

Став универсальной формой во всех звеньях, областях и сферах внутреннего хозяйственного оборота, разверстка еще раз вновь показала свою неэффективность, не сумев предотвратить инфляции даже на своих заповедных территориях. Она порождала инфляцию не только вне, но и внутри своих границ.

Пройдемся по отдельным «отсекам» внутреннего рынка-разверстки.

Рынок сельскохозяйственного сырья. С 1953 года началось повышение заготовительных и закупочных цен, что сразу же отозвалось в колхозах: поднялись доходы, а с ними и трудовая активность. Но уже через пару лет подъем стал спадать, выработка трудодней пошла вниз, хотя доходы продолжали расти. В чем дело? Этого я никак не мог понять и в командировках без устали спрашивал: почему? Ответ получил не в конторах, а неожиданно — от хозяйки-колхозницы, когда расплачивался за постой. Она приняла деньги и открыла незапирающийся ящик комода: вон их сколько тут лежит, а какой толк? Купить-то на них нечего, даже телогрейки или резиновых сапог не достанешь в наших магазинах, на что только сгодятся эти бумажки?

Лишенный предрассудков Н. С. Хрущев нашел скорый выход из ситуации, продав колхозам амортизировавшуюся, изрядно сношенную и, безусловно, уже окупленную технику машинно-тракторных станций. Это на время восстановило денежный баланс, но к возрождению эквивалентного рынка не привело. Кто знает, что могли бы дать эти меры при их последовательном и целеустремленном проведении? Об этом теперь остается только гадать. Они не были завершены, для этого не хватило отпущенного времени. С 1965 года денежные накачки селу носили откровенно инфляционный характер, теперь одним ящичком старомодного комода не обойтись. В подмосковном совхозе я видел объявление: приглашались на уборку, за один выход сразу платили по десятке. Никто не вышел.

Рисунок А. ШТАБЕЛЯ

Рынок средств производства. Дефляция здесь носила сугубо формальный характер, так как разверстка низких и стабильных оптовых цен лишь служила необязательным, излишним, избыточным привеском к натуральной разверстке — фондированному и лимитированному материально-техническому снабжению, а также к разверстке финансовых платежей. Здесь наиболее ярко проявились свойства разверстки. Хозяйственная реформа 1965 года полностью сохранила и вновь узаконила все существовавшие формы разверстки (разверстку платежей, разверстку материально-технического снабжения и т.д.), но вместе с тем широко распахнула двери перед инфляцией. Она ворвалась и на оптовый рынок, хотя протекала неравномерно (более всего задела машиностроение).

Рынок инвестиций. Искусственное взвинчивание инвестиционного спроса уже с первой пятилетки создало длительную, устойчивую, хроническую ситуацию перенакопления, что служило одним из факторов инфляции. При дефляционных ценах капиталовложения осваивались с трудом и всегда неполностью. С 1965 года к разверстке бюджетного финансирования добавилась также быстро расширявшаяся разверстка банковского кредитования. Фанатичное расширение кредита происходило опять-таки в форме бюрократической разверстки и придало всей инфляции преимущественно кредитный характер.

Рынок труда. Ограничение в росте зарплаты (покупательского спроса) держалось на административном сдерживании: разверстка норм выработки на основе тарифной системы дополнялась — уже независимо от тарифной системы — также разверсткой самого фонда зарплаты (так что под него зачастую уже задним числом подгонялись нормы выработки). Планирование зарплаты имело следующий дефект: оно никак не зависело от товарного наполнения потребительского рынка, а осуществлялось в ориентировочной прикидке на рост производительности труда (но и «закон опережающего роста производительности труда» не выполнялся). Так как производительность больше всего росла в производстве средств производства, зарплата все

больше отклонялась от своего товарного насыщения, создаваемого в производстве предметов потребления (изделий и услуг). Инфляционный избыток неудовлетворенного денежного спроса нарастал быстрыми темпами.

Потребительский рынок. Здесь инфляцию можно считать традиционной. Только дважды — накануне Отечественной войны и после денежной реформы 16 декабря 1947 года — она прерывалась непродолжительными, то есть эпизодическими дефляциями, причем это достигалось силовыми приемами административного прессинга и каждый раз — после сильных инфляций, что по контрасту создавало ощущение определенного потребительского комфорта. Это остается на памяти живущих поколений, вызывая до сих пор ностальгические чувства. Еще бы! Магазины «ломились» от товарного избытка, хотя снабжение по физическому объему оставалось низким. Общее мнение: «До войны только начали жить». С октября 1940 года по июнь 1941 года из обращения была изъята примерно треть налично-денежной массы. Дефляция была настолько безобразной, что усиленно готовились проекты — со второго полугодия 1941 года поднять доходы до уровня товарного предложения либо снизить кусающиеся цены.

Такой же характер носила дефляция и после войны: часть напечатанных новых денег была «придержана» в виде эмиссионных резервов. Регулярные снижения весьма высоких цен полностью компенсировались ежегодной же «добровольной» подпиской на государственные займы. Однако дефляция даже на короткий срок не уничтожила черного рынка. Только к традиционному ассортименту там добавилась нелегальная торговля облигациями госзаймов, продававшимися много ниже своей нарицательной стоимости, чтобы возместить всеобщую нехватку платежных средств. Налично-денежное обращение можно считать относительно стабильным между серединой 50-х и серединой 60-х годов. Реформа 1965 года положила начало денежным выплатам, не обеспеченным товарными ресурсами. Инфляция стала ускоренно набирать темпы. Начали один за другим исчезать с магазинных полок прежде всего дорогостоящие товары. Именно инфляция питает сейчас ностальгические сетования по прошлому.

К середине 80-х годов темпы инфляции почти сравнялись с общими темпами экономического роста, а на отдельные товары потребительского рынка достигли двузначных цифр. Так как денежные выплаты росли все это время впереди их товарного обеспечения, образовался громадный неудовлетворенный денежный спрос. Сейчас текущие доходы населения вместе с накопленными за прошлые годы сбережениями значительно превышают годовые покупки (розничный товарооборот и платные услуги). Это означает, что текущими доходами и прошлыми сбережениями население в среднем обеспечено на несколько лет вперед, а значит, может в течение этого срока сохранить свой жизненный уровень, если вообще не будет работать или, оставив за собой рабочие места, полностью «выкладываться» на работе. Это если не отбивает вовсе желание трудиться, то, во всяком случае, сильно ослабляет мотивации к труду, повышению его квалификации и эффективности.

Приведу рассказ одного первоклассного шофера. В родном южном городе ему захотелось устроиться в таксопарк, но с него заломили такую взятку, что он в сердцах, по-южному темпераментно выпалил свой убедительный резон: да имей я та-акие деньги, зачем бы вообще пошел работать? Что ж, вполне естественная, нормальная и справедливая реакция. Не в последнюю очередь именно по этой причине инфляция приобрела черты стагфляции (инфляция как фактор стагнации, застоя), экономический рост попал в состояние прострации.

Безденежный рынок. Это часть потребительского рынка, представляющая натуральную разверстку «бесплатных» (безденежных) социально-культурных услуг, искусственно и произвольно отторгнутых от нормального денежного рынка. Такое необоснованное ограничение сферы денежного обращения, как видим, не привело ни к чему, кроме инфляции. К тому же товарная дефицитность на безденежном рынке скорее больше, чем на денежном.

Каждой из названных позиций соответствуют аналогичные компоненты черного рынка, где продается все — от лимитированных средств производства сверх фондируемого материально-технического снабжения до формально безденежных, но остродефицитных услуг. Здесь издавна существуют и свобода потребительского выбора, не ограничиваемого разверсткой, и свободная конвертируемость валюты, и ценовое равновесие спроса и предложения, и равновесные цены «бесплатных» услуг. Все это служит необходимым противовесом разверстке, компенсацией за дефляционные льготы, реакцией на натурализацию рынка и протестом против бюрократического произвола.

ЦЕНА БЕСПЛАТНОСТИ

В экономике не бывает даровых благ, все они стоят затраченного труда. Откуда же берутся бесплатные услуги, кто их дарит? Государство? Но чтобы дарить, оно должно забирать больше, чем раздавать. Это наше мифологизированное сознание создает сказочный образ источника благоденствия, дарителя благодеяний и гаранта справедливого распределения. В действительности все наоборот: источником и дарителем государства служит производство, наш собственный труд. Если услуги бесплатны, а труд тех, кто их оказывает, далеко не бесплатен, то, значит, частично бесплатен труд тех, кто услуги получает. Мнимая бесплатность сполна оплачивается бесплатным же трудом. Нас постоянно вводит в заблуждение обманчивая видимость, слепая вера. Бесплатность не манна небесная, а заурядная бюрократическая разверстка, при которой часть перераспределяемой денежной стоимости к тому же как обычно оседает у бюрократов, что дежурят у «общего котла».

Принцип социализма утверждает: критерий распределения один — владыка-труд. При бесплатном распределении труд оказывается в положении раба. Плохо не только то, что услуги распределяются по разверстке, хотя надо признать: мы больше нуждаемся, извините за каламбур, в безблатных, чем в бесплатных услугах. Гораздо хуже то, что бесплатность предполагает всеобщую универсальную разверстку продуктов труда, зиждется на ней. И свой бюджет государство формирует не подлинно справедливым путем твердых денежных налогов, а методом денежной разверстки, всеохватывающей и всепроникающей тотальной системы трудовых и натуральных повинностей.

ЕДИНЫЙ РЫНОК

Полностью избавиться от инфляции возможно будет только с помощью денежной реформы. Только так удастся твердо фиксировать денежный масштаб, поставить надежный заслон его дальнейшему размену. Да и не только это. Давно пора изжить многие накопившиеся атавизмы денежной системы. К чему, например, сейчас деление купюр на банковские и казначейские билеты? Верим ли мы в их золотое обеспечение? Да и нужен ли вообще их свободный размен на золото? Много вопросов призвана решить будущая денежная реформа, без нее не дадут должного эффекта и реформы цен, бюджетно-финансовая и кредитная реформы, ведь все это связанные частички единого комплекса радикальных мер по оздоровлению денежного, ценового, финансового и кредитного хозяйства. Требуется обеспечить свободную конвертируемость нашей валюты, облегчить ее беспрепятственный выход на международную арену. Но все это в будущем.

А сегодня? Ползучая инфляция доходов вызвала скачущую инфляцию цен, а та опять требует еще большего, галопирующего повышения доходов. И так по кругу. Возникла инфляционная спираль. Она напоминает ярмарочную карусель, в которой усиленно крутятся, тщетно пытаясь догнать друг друга, растущие доходы и то отстающие, то нагоняющие их цены. Впереди неизбежен новый виток этой спирали. А если разом, крутым рывком вдруг остановить карусель? Все полетят со своих мест, расшибаясь. Тем более не удержать равновесия.

Необходима четко ранжированная очередность целей. Пока денежный масштаб пребывает в движении, можно и нужно повлиять на его ход. В качестве первого шага существующую стагфляцию следует повернуть в русло инфляционного бума, содействующего оживлению хозяйственной, особенно инновационной деятельности, преодолению длительного застоя. Необходимо обеспечить возрастающую отовариваемость рубля. Накопленные запасы денежных сбережений нужно полностью втянуть в экономический оборот. Не будет ничего плохого, если предприятия получат возможность свободно продавать населению ненужное или избыточное оборудование и материалы, а за счет вырученных доходов формировать свои инвестиционные фонды для технической реконструкции и перевооружения. Тем же целям послужит расширение свободной реализации предприятиями своих акций и облигаций. Чем больше будет процент по ним, тем выше будет для предприятий нижний рубеж эффективности соответствующих вложений в производство (если эффективность окажется ниже процента, предприятие прогорит). Поэтому рост процента будет выгоден не только держателям ценных бумаг, но и предприятиям, и тем, кто нуждается в их продукции. И чем выше будет подниматься нижняя «планка» для эффективности, тем выгоднее обществу. Только так можно добиться достаточно товарного предложения. Пока же оно в дефиците, пока не преодолена тенденция к росту цен, было бы абсурдно сдерживать рост денежных доходов, наоборот, он должен компенсировать повышение цен.

Рядовых потребителей тревожит не сама по себе инфляция (тем более, что даже ученые не могут между собой договориться, что же это такое в конце концов), а больше всего ее неравномерность. Это разные вещи.

Мы успели отвыкнуть от нормального рынка и от свободы потребительского выбора. Жизнь долго приучала нас к тому, что нам предлагали урезанный ассортимент по одним и тем же ценам. Мы отучились выбирать. И кое-кого сама возможность свободного (без указки или привычки) выбора приводит чуть ли не в шоковое состояние. Тем более, если мы сталкиваемся с таким ненормальным явлением, когда одним и тем же товаром буквально рядом торгуют по разным ценам. За одну и ту же сумму на разных рынках можно приобрести разные количества одного и того же товара. Единство денежной системы не терпит раскола единого рынка на несколько самостоятельных и независимых друг от друга рынков со своими особыми ценами и денежными масштабами. Это создает неустойчивость денежной единицы, подрывает веру во всеобщность денежного эквивалента, а без доверия деньги существовать не могут.

Но ведь множественность рынков существует с давних пор. Вроде должны были бы привыкнуть. Я имею в виду не естественное их разделение (например, рынок цветной капусты и рынок шерстяных тканей или рынок сырья и рынок инвестиций — тоже ведь «разные» рынки), а искусственное дробление рынков на дефляционные и инфляционные, на привилегированные и общедоступные. Но ведь и такое дробление тоже появилось не вчера или сегодня.

Сейчас к этой множественности рынков добавился еще один — рынок кооперативного и индивидуального секторов. Он является равновесным, но пока еще инфляционным. Новое явление? Ой ли? Давайте покопаемся в памяти. Я не припомню случая, чтобы в южных аэропортах даже 20 лет назад можно было бы взять государственное такси, таксисты наотрез отказывались, а частники тут как тут. Но вот лет пять назад в Москве, на улице Куйбышева, на том самом углу, куда как раз выходят окна Минфина и где машины замедляют ход, я тщетно пытался остановить одно за другим такси с зеленым огоньком (подумал: едут по спецзаказу). Подошел мужчина без красной повязки: нужна машина? Тут же подкатил частник, открыл дверцу, поправил коврик. Взял почти по государственной таксе.

Еще случай. В Кисловодске лет 15 назад живописный старик с седой бородой бойко торговал гипсовыми нарзанными орлами, стояла очередь, брали нарасхват. «Куда только смотрит Минфин! Почему не прищучит частника?» — возмутился мой коллега. «Минфин,— ответил я,— должен был бы выдать ему похвальную грамоту и денежную премию».— «Как так?» — «Старик делает то, что обязан, да разучился: Минфин нормализует денежное обращение на курорте, сдерживает яростный натиск денежного спроса, который здесь собрался отовсюду. Давайте спросим у очереди, согласятся ли отвести старика в милицию?» Впрочем, потом я старика не видел: все-таки заграбастали?..

Легализация такого рынка — дело нужное, своевременное и подлинно демократическое: он (если не прячется в подворотнях) гарантирует свободу покупательского выбора, свободное состязание продавца и покупателя, а не только конкуренцию между продавцами. Будущее за таким рынком, а не за привилегированным для избранных, куда входят по спецпропускам, а «посторонним вход воспрещен». По-другому смотрят на вещи обладатели спецпропусков, они привыкли к привилегиям и льготам, к деньгам в конвертах и к дефициту в спецраспределителях, к черным «Волгам» и госдачам, им непривычно платить наравне со всеми за такси и деликатесы. Это у них инфляция вызывает страх, отчаяние, обиду, негодование. Какие поистине театральные страсти бушуют в этих вовсе не артистических натурах!

Но странны, воистину неисповедимы причуды общественного сознания, массовой психологии. Мы спокойно относимся к прощелыге-доставале, нас не смущает уникальная способность «доставать» дефицитную колбасу или строителей для срочного ремонта, не удивляет купленная по дешевке дубленка на бывшей генеральше, мы вос-

принимаем без протеста, чуть ли не как должное, все эти несуразности бюрократизированного рынка. Зато нас задевают за живое «индивидуалы» и кооператоры, делающие колбасу, дубленки или срочный ремонт, так как к ним в карман перепадают наши собственные кровные денежки. А разве не теми же денежками кормятся и наживаются монстры привилегированного рынка? Что переплачивают одни, покрывает недоплату других. Все разрозненные рынки связаны общим «коромыслом».

Возможно, следует полностью перекрыть нормированное снабжение дефицитными продуктами, а высвободившиеся товарные ресурсы включить в нормальный оборот торговли или распределять по талонам среди пенсионеров, инвалидов, ветеранов. Что касается повышения государственных цен, то общество к этому совершенно не подготовлено психологически. Для чего это нужно? Для искусственного поддержания дефляции? Но привилегированность давно превратилась в анахронизм. Чтобы возместить бюджету дотации (на разницу закупочных и розничных цен)? Для этого достаточно перераспределить товарные ресурсы между государственной и комиссионной торговлей. Арифметический подход к ценам опасен. Надо взвесить выгоды и потери от повышения, чтобы увидеть: ущерб неизмеримо больше. Они никак не отразятся на производстве, а значит, и товарном предложении (это зависит от закупочных цен, а они и так выше розничных), и массовый потребитель окажется в двойном проигрыше: при более высокой цене количество дефицита в продаже не увеличится. Кто же выиграет? Спекулянты и бюрократы, покупающие дефицит по государственным ценам (даже при повышении все равно ниже комиссионных). Выиграет заскорузлый стереотип цены, главной функцией которой признается не нормативная, как следует по логике вещей, а учетная, то есть пассивно отражающая в цене затраты. Победит замшелая догма, служащая первоосновой затратной ориентации экономики.

А главное, нельзя избавиться от инфляции, если оставить ее напарника и двойника — дефляцию, а значит, всю систему разверстки в целом.

Деньги — лишь орган рынка, адекватный ему инструмент. Если рынок здоров, не болеют и деньги. И оборониться от инфляции нельзя помимо рынка.

Призывы «остановить» инфляцию, оставив рынок в его нынешнем состоянии,— утопия. Что за этим стоит? Благородный порыв из страстного чувства? Или подспудное стремление подтолкнуть к неправильным, заведомо обреченным решениям, способным лишь дискредитировать, опорочить подлинно благородные цели перестройки? Пугая «гиперинфляцией», заскорузлое мышление истерически протестует против рынка с его непреложными нормами, которые столь долго и усердно попирала плановая бюрократия. А к чему призывают? Снова дать волю этой «плановой» анархии, которая и вызвала неуправляемую инфляцию? Цели всегда должны быть соразмерны средствам. Надо быть реалистами. Нас тяготят сегодня не столько высокие цены относительно доходов, сколько непреодоленные затруднения в отовариваемости денег. В этих условиях искусственно затормозить рост доходов и цен значит воспрепятствовать ускорению социально-экономического развития, максимально полному товарному насыщению рынка, а значит, и решению стратегической задачи восстановления покупательной силы денег. Парадокс?

Давайте разберемся в диалектике целей и средств.

Какая стоит стратегическая задача? Постепенно возродить единство эквивалентного рынка, создать единый рынок в соответствии с его внутренними непреложными нормами, а для этого постепенно устранять искусственные «перегородки» между рынками, сделать более свободной конкуренцию между ними, включив в нее и региональные рынки, обеспечить свободное передвижение товаров, имея в виду, что свободный, неограничиваемый приток товаров только один и в состоянии сбить пока что монопольно высокие, почти спекулятивные цены. И на этой основе объединить все рынки в один, равняясь на эквивалентные рынки, обеспечивающие равновесие спроса и предложения. Возможно, единый рынок будет смешанным — государственно-кооперативным.

В качестве первого шага к решению этой стратегической задачи, мне кажется, надо решительно упразднить такой уродливый, ущербный рынок, как разверстка во всех ее разновидностях, включая и новейшие ее рецидивы. Нужно, наконец, понять, что нельзя эффективно и надежно управлять рынком методами разверстки, требуются более тонкие, но зато и гораздо более действенные приемы и средства.

Решить эту задачу непросто. Прежде всего, мне кажется, надо обновить высшие эшелоны планирования, сильно пострадавшие в годы застоя, за счет новых работников, не приверженных замшелым предрассудкам, стереотипу разверстки.

Нельзя устранить инфляцию, не устранив до конца ее первопричину.

Однако, имея в виду нарисованную перспективу, инфляцию можно повернуть против нее самой. Точнее, управляемая инфляция может стать одним из средств постепенного окончательного оздоровления денежного обращения, то есть преодоления в конечном счете инфляционных явлений.

В самом деле, сейчас инфляционному денежному спросу реально можно противопоставить на стороне товарной массы акции и облигации предприятий. В дальнейшем, однако, ценные бумаги ворвутся в денежное обращение наряду с «обычными» деньгами, денежная масса в обращении увеличится. Надо ли этого бояться? Да это только укрепит денежное обращение, втянет в него застоявшиеся запасы денежных сбережений, которые лежат сейчас без движения мертвым грузом и тяжелым бременем давят на экономику и денежные стимулы. Разве нам легче от того, что этот груз «спрятан» в сберкассах, подобно тому, как статистика «прячет» индексы цен? Дать нормальный, рыночный выход залежавшимся прошлым запасам значит укрепить доверие к деньгам. Да ведь и реальный жизненный уровень народа определяется не только и не столько «физическим объемом» потребления, а и скоростью обращения, быстротой оборачиваемости текущих и накопленных доходов. Пусть быстрее вливаются они в обращение, в циркулирующую массу.

Не будем забывать, что самые глубокие корни инфляции таятся в дефицитном государственном бюджете. Если не уменьшить бюджетную разверстку до 20—30 процентов национального дохода (бюджет и сейчас реально перераспределяет не больше, хотя переплачивает около 70 процентов национального дохода), корни останутся, сколько бы мы ни срывали листьев и даже ветвей.

Самая безобразная разверстка — бюджетные дотации. Сейчас они предоставляются производителям убыточной продукции — изделий и услуг (например, сельскому хозяйству или театрам). Такой порядок не стимулирует, не побуждает к удешевлению продукции, не препятствует и систематическому росту дотаций. Ясно: рационально, разумно использовать дотации можно, только направляя их не производителям, а потребителям, причем обязательно в денежной форме (то есть с полной свободой потребительских предпочтений). Только так удастся приостановить рост дотаций (одна из причин бюджетного дефицита), стабилизировать их.

Увеличение же денежных выплат населению только укрепит и поднимет их социальный престиж. Размен денежного масштаба будет ему на пользу. Надо ли ограничивать образующуюся денежную массу, если это не приводит ни к чему, кроме инфляции? Ту же самую операцию я предлагаю проделать и с бюджетным финансированием «бесплатных» социально-культурных услуг. Речь идет о том, чтобы целиком всю сумму бюджетных дотаций и финансирования социально-культурной сферы строго уравнительно поделить между денежными доходами населения (зарплатой, пенсиями, пособиями и т. д.) и включить в нормальный, рыночный оборот, а саму социально-культурную сферу перевести на полный хозрасчет, предусмотренный Законом о государственном предприятии. Что даст предлагаемая акция?

Наличноденежная масса опять увеличится, но в той же мере возрастет и реальное товарное наполнение каждого рубля, его практическая покупательная сила. Ведь социально-культурная сфера и теперь существует, только сейчас она паскудно-бюрократическая: режиссер-бюрократ, врач-бюрократ, учитель-бюрократ. С переводом этой сферы на хозрасчет отпадут наконец взятки, стыдливые «подарки» и подношения, которыми сопровождаются ныне бесплатные услуги, вся сфера подпадет наконец под массовый контроль потребителей столь важных для всех услуг. Выигрыш очевиден.

— А как же социальные гарантии? — слышу я возмущенный вопрос. Ох, это не первый случай, когда «преимущества» социализма на поверку оказываются его деформациями и искажениями. Подлинные социальные гарантии должны по-настоящему обеспечивать прежде всего отовариваемость, реальную покупательную силу денег. Без этого или помимо этого они по меньшей мере самообман. Конечно, нужно обязательно предусмотреть льготы и пособия для нуждающихся, но выдаваться они должны опять-таки обязательно в денежной форме и не бюрократическим, а демократическим путем (например, через профсоюзы). И если социальные гарантии будут осуществляться через рубль, только тогда он по-настоящему окрепнет и осилит инфляцию.

Регулирование денежного обращения должно ловко лавировать между Сциллой инфляции и Харибдой. дефляции, обе эти неприятные болезни подстерегают его с двух сторон и настигают не только поочередно, но и одновременно. Нужно держаться «правила коромысла», избегать кренов и промашек в любую сторону, а если случилось, выруливать осторожно и аккуратно.

В таких неприятных случаях общественное сознание, массовую психологию нужно подстраивать под реальности, а не пытаться кроить эти реальности по застарелым предрассудкам. Не забывать, что экономика — это сфера социальной психологии, а сознание всегда отстает.

Повернуть вспять набравший силу инфляционный процесс не удается в одночасье. И ничего другого не остается, как до поры мириться и сносить инфляционные вихри как неизбежное зло, подобное неотвратимым паводкам и засухам или неустойчивой погоде: не успели привыкнуть к одной, а она вдруг резко меняется. То нужны зонтики от дождя, а то от солнца. Что ж, вынесли холод, перетерпим и жару. Никуда не денешься, приходится терпеть. Что делать? Своевременно менять зонтики.

ПРОШУ СЛОВА!

СТРЕЛЬБА ПО ОБЕЛИСКАМ

В №№ 4—6 журнала «Отчизна» за 1988 год напечатана повесть «Мышеловка».

Один из ее центральных персонажей литератор Зиновий Соколов, не бездарный, но с преувеличенным самомнением, уверившийся в том, что лишь на Западе он будет оценен по достоинству. Оказавшись за рубежом, он быстро становится ненужным своим недолгим «покровителям» из зарубежных радиостанций и ЦРУ; опасаясь, что он может выйти из повиновения, они избавляются от него в прямом смысле слова — отравляют. Узнав об этом, его бывший знакомый — советский корреспондент вспоминает с горечью строки, написанные будто бы в юности этим потерявшим себя и бесславно кончившим литератором и напечатанные им некогда на родине:

И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох, как пес, от ностальгии
В любом кокосовом раю...

Стихи эти в советской печати опубликованы, и не однажды. Но принадлежат они не вымышленному «антигерою», а вполне реальному ГЕРОЮ Отечественной войны — русскому советскому поэту Павлу Когану, входят в его «Лирическое отступление» из романа в стихах «Первая треть».

Как это назвать? Духовным мародерством? Стрельбой по обелискам? Помоему, как ни горько,— только так.

Остается назвать «героев» этой истории — авторов повести «Мышеловка»: Леонид Колосов и Вадим Брянцев. Стрельба по обелискам не должна оставаться безнаказанной.

Александр КОГАН,
член Союза писателей СССР,
участник Великой
Отечественной войны,
НЕ родственник Павла Когана,
а лишь его однофамилец,
автор книг о писателях,
погибших на войне,
составитель сборника «Строка,
оборванная пулей»

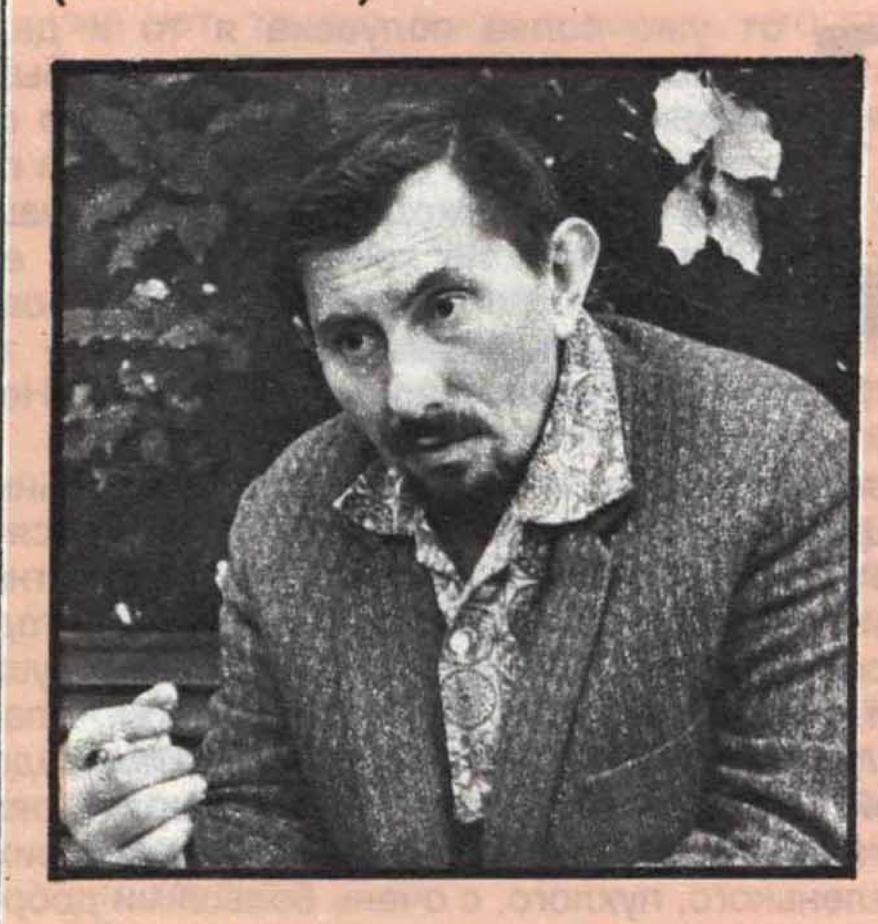
P. S. Когда это письмо было уже написано, почта принесла выпуск «Московского литератора» (1988, 4 ноября, № 41). В нем напечатано присланное по тому же поводу письмо учительницы О. Ф. Репиной, руководительницы поискового отряда «Лира» (вместе с архитектором А. Н. Ларкиной она создала в селе Крюковщина под Киевом сад, где каждое дерево носит имя поэта, погибшего на войне). В письме процитирован ответ, полученный читательницей от главного редактора «Отчизны» В. Кассиса.

Читательница возмущена, что «изменнику Родины приписаны стихи Павла Когана», а редактор «Отчизны» успокаивает: «Вы правы — в текст вкралась ошибка. И состоит она в том, что ВМЕСТО «ЗИНОВИЯ» следует читать: КОГАНА (?). Это ведь очень известные строки поэта, погибшего под СЕВАСТОПОЛЕМ...»

Ничего себе поправочка! Выходит, подари авторы повести вымышленному ими «антигерою» не только стихи Павла Когана, но и его подлинную фамилию,— и все было бы в порядке?! Не говорю уже о том, что, исправляя одну ошибку, В. Кассис умудрился совершить другую: Павел Коган погиб не «под Севастополем», как указывается в ответе В. Кассиса, а под НОВОРОССИЙСКОМ, у сопки Сахарная голова. Одна из улиц города названа его именем.

Николай ГЛАЗКОВ

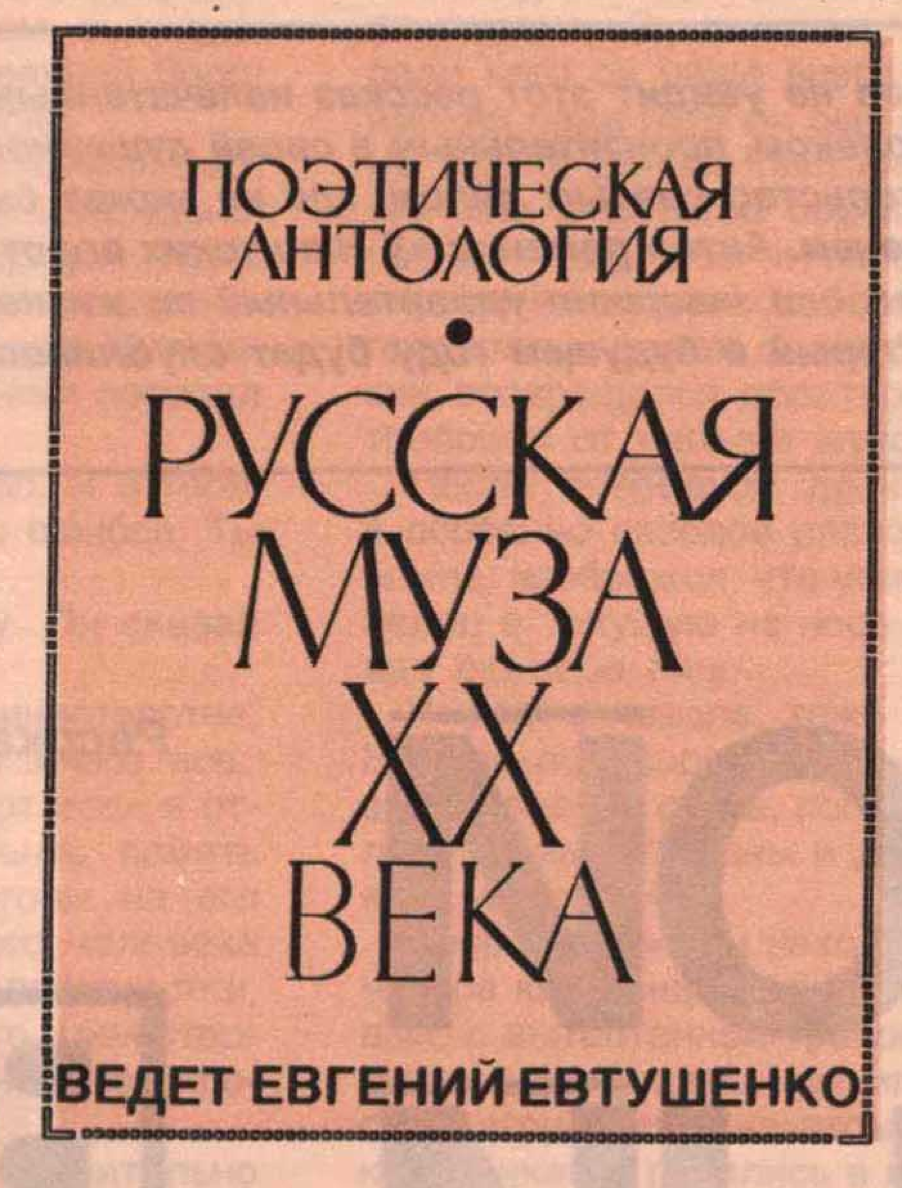
(1919—1979)

Помните летающего мужика из фильма Тарковского «Андрей Рублев»? Это была единственная роль поэта Николая Глазкова. Таким летающим русским мужиком он стал и в поэзии. Глазков — это русский Омар Хайям, но из нашего века, где существуют атомные бомбы и бюро пропусков. Все молодые поэты в тридцатых цитировали ходившие в списках или просто устно стихи Глазкова, тогда не печатавшегося. Луконин, Межиров, Гудзенко, с которыми я встретился после войны, читали Глазкова наизусть огромными блоками. Глазков, начав печататься, как будто нарочно мстил поэзии за то, что она изрыгнула его лучшие стихи, и писал замаскированные самопародии с рифмами типа «коммунизм — социализм». Лишь изредка его шедевры просачивались на страницы этих его графоманских книжек. Сейчас, после смерти Глазкова, положение резко изменилось, и все больше и больше стихов из его подпольного золотого фонда становится достоянием читателей. Это был поэт великого дарования, изломанный эпохой, притворившийся шутом гороховым и поэтому уцелевший, тем не менее все-таки состоявшийся как уникальное явление. Я составлял недавно книгу Глазкова вместе с Николаем Старшиновым, и мы мучительно путались в бесчисленных авторских вариантах, в строчках, перетекающих из одного стихотворения в другое. Поэтому я решаюсь на то, чтобы опубликовать мою свободную композицию из стихов Глазкова — то, как она сама собой сложилась в моей памяти. Думаю, что Коля меня простил бы.

КОМПОЗИЦИЯ ПО СТИХАМ

Не ищу от стихов спасения
и не вижу я в них вреда.
У меня все дни — воскресения,
и меня не заела среда.
Сочиняю вечно стихи мои,
хоть и жажду иного счастья,
и рассказываю о Хихиморе,
чтоб к ней больше не возвращаться.

Она смотрит куда-то глáзами
и покачивается, как чёлн,
и не в чувствах ее, не в разуме
смысл всего, а черт знает в чем.
Астрология и алхимия,
повседневные наши труды,
дорогая моя Хихимора,
все зависит от ерунды!
Все идет, пропадает пропадом,
остается лишь чувство любви.
Я годов занимаюсь проводом
и сжигаю мои корабли.
Но, нарушив предел вероятия,
корабли мои не горят,
и тогда мне друзья-приятели
очень ласково говорят:
«Ступай, мне говорят, навстречу
удаче и врагу».
Согласен. Не противоречу.
Желаю и могу.
Могу в стихах добыть победу,
которую творю,
но так и следует поэту
и богатырю.
Неутомимым и усталым,
как все богатыри,
вхожу я со своим уставом
во все монастыри.
И если мой устав не понят,
а их устав старей,
тогда меня монахи гонят
из монастырей.
В мои творенья не вникая,
шипят из-за угла,
и нет Америки, какая
меня б открыть могла.

Жаль дней, которые минуют
бесследьем разозля,
и гибнут тысячи минут,
который раз зазря.
Я сам себе корежу жизнь,
валяя дурака.
От моря лжи до поля ржи
дорога далека.
Но хорошо, что солнце жжет,
а стих предельно сжат.
И хорошо, что колос желт
накануне жатв.
И хорошо, что будет хлеб,
когда его сберут,—
и хорошо, что были нэп,
и Вавилон, и Брут...
Я к цели не пришел еще,
и к ней идти века...
Дорога — это хорошо.
Дорога далека.

Пусть ложная скромность сказать
не велит,
но все говорить мы вольны.
Я не был на фронте, но я инвалид
Отечественной войны.
На фронте дела обстояли хреново,
и стало поэтам не до стихов.
Поэзия — сильные руки хромого.
Я вечный твой раб, сумасшедший
Глазков.

Ко мне отношение
иных невежд
зависит от ношения
мной тех или иных одежд.
Но равнодушен я к болванцам
и пребываю оборванцем...
Когда грузил баржу, немало
тяжелых бревен перенес,
и мне вода напоминала
стволы развернутых берез.
И мир во всем многообразии
вставал, ликуя и звеня,
над Волгой Чкалова, и Разина,
и Хлебникова, и меня.
Куда спешим? Чего мы ищем,
какого мы хотим пожара?
Был Хлебников. Он умер нищим,
но председателем Земшара.
Стал я. На Хлебникова очень,
как говорили мне, похожий.
В делах бессмыслен, в мыслях
точен,
однако не такой хороший.
Пусть я ленивый, неупрямый,
но все равно согласен с Марксом:
в истории что было драмой,
то может повториться фарсом.

Лез всю жизнь в богатыри
да в гении,
оказалось вдруг — все это зря.
Я без бочки Диогена диогеннее —
сам себя нашел без фонаря.
Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый — век необычайный.
Чем столетье интересней
для историка,
тем для современника печальней.
Человек я был особый,
человек я был хороший,
изумительно способный,
но не очень осторожный.
Был не лучше Дон Кихота,
но не хуже Санчо Пансы.
Жил в особенные годы,
но не очень опасался.
Все начали ворочать тыщами
и в то же время стали нищими.
По решению очень сложному
положение близко к ложному.
Подают суду заявления,
ну, а я сойду за явление.
Решил господь однажды, сразу:
поотниму
у большинства людей по глазу
по одному.
Куда ни глянь, везде циклопы:
но волей бога
кой у кого остались оба
ока.
Циклопы, вырвавшись из сказок,
входили в моду,
и стали звать они двуглазок:
«Уроды!»
Двуглазки в меньшинстве остались,
и между ними
нашлись, которые старались
глядеть одними.
Хоть это было неудобно
двуглазым массам,
зато доступно и подобно
всем одноглазым.

Всем смелым начинаньям человека
они дают отпор.
Так бюрократы каменного века
отвергли первый бронзовый топор.
Не признан я бездарными, такими,
которые боятся, как огня,
непризнанных.
Им нужно только имя,
но именно имени нет у меня!
Вы, которые не взяли
корабля на абордаж,
но в страницы книг вонзали
красно-синий карандаш.
Созерцатели и судьи,
люди славы и культуры,
бросьте это и рисуйте
на меня карикатуры...
Слава — шкура барабана.
Каждый колоти в нее!
А история покажет,
кто дегенеративнее.
Темнотой и светом объята
в ночь июля столица Родины.
От Таганки и до Арбата
расстояние было пройдено...
Или так начинается повесть,
или небо за тучами синее?
Почему ты такая — то есть
очень добрая и красивая?..

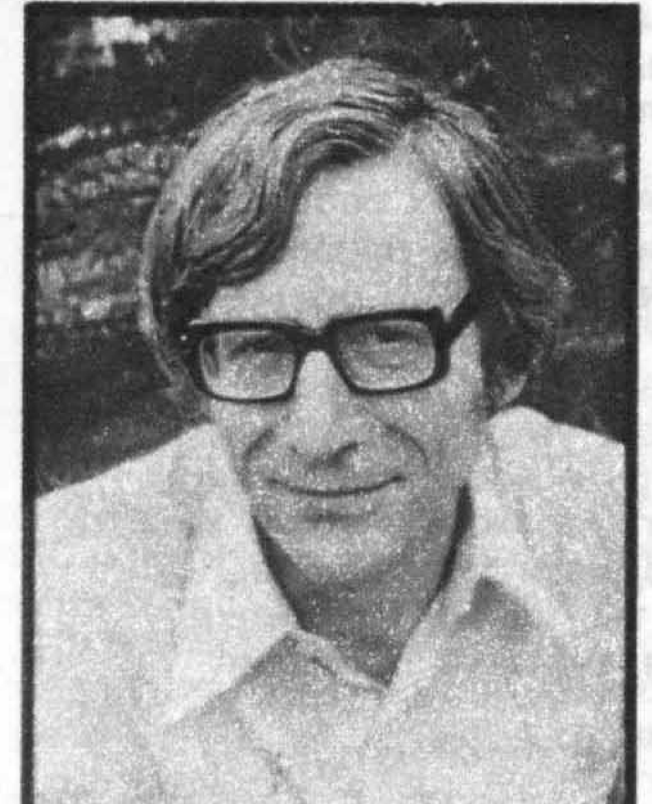
В силу установленных привычек
я играю сыгранную роль:
Прометей — изобретатель спичек,
а отнюдь не спичечный король...
Повседневно-будничная праздность
невозможным сделала успех.
В результате появилась разность:
все могли и упустили всех.
И тогда упрямы, как решенья,
может быть, самих себя рабы,
испугались мы не пораженья,
а того, что не было борьбы.
Славен, кто выламывает двери
и сквозь них врывается в миры,
кто силен, умен и откровенен,
любит труд, искусство и пиры.
А не тот, кто жизнь ведет монаха,
у кого одна и та же лень...
Тяжела ты, шапка Мономаха,
без тебя, однако, тяжелей!

Москва. Декабрь. Пятьдесят
первый год.
Двадцатый, а не двадцать
первый век.
Я друг своих удач и враг невзгод
и очень примитивный человек.
Я к сложным отношеньям
не привык.
Одна особа, кончившая вуз,
сказала мне, что я простой мужик.
Да, я мужик, и этим я горжусь.
Мужик велик. Как богатырь былин,
он идолищ поганых погромил,
и покорил Сибирь, и взял Берлин,
и написал ромáн «Война и мир».
Прекрасно отразить двадцатый век
сумел в своих стихах поэт Глазков.
А что он сделал, сложный человек?..
Бюро, бюро придумал пропусков.

Дни твои, наверно, прогорели
и тобой, наверно, не осознаны:
помнишь, в Третьяковской
галерее —
Суриков — боярыня Морозова?
Правильна какая из религий?
И раскол уже воспринят родиной.
Нищий там, и у него вериги,
он старообрядец и юродивый...
Что ему церковные реформы,
если даже цепь вериг не режется?..
Поезда отходят от платформы —
это ему даже не мерещится.
На платформе мы. Над нами —
ночи черность
прежде, чем рассвет забрезжит
розовый.
У тебя такая ж обреченность,
как у той боярыни Морозовой.
Милая, хорошая, не надо!
И к чему теперь такие крайности?..
Я юродивый Поэтограда.
Я заплачу для оригинальности...
У меня костер нетленной веры,
и на нем сгорают все грехи.
Я, поэт ненаступившей эры,
лучше всех пишу свои стихи!

Луконин Миша, ты теперь
как депутат почти,
и я пишу письмо тебе,
а ты его прочти.
С чего же мне письмо начать?
Начну с того хотя б,
что можешь и не отвечать
мне ямбами на ямб,
поскольку дóроги словá
таких, как ты, людей,
и стоит каждая строфа
не меньше ста рублей.
Ты побывал в огне, в воде
и медных трубах, но
Кульчицкий где, Майоров где
сегодня пьют вино?..
Они поэзию творят
в немыслимой стране,
они сегодня говорят,
наверно, обо мне:
что я остался в стороне
от жизненных побед...
Нет, нужен я своей стране
как гений и поэт!..
Встает рассвет, я вижу дом,
течет из дома дым,
и я, поэт, пишу о том,
что буду молодым...
Не молодым поэтом, нет,
поскольку в наши дни
прозванье «молодой поэт»
ругательству сродни...

Я к цели не дошел еще,
и к ней идти века...
Дорога — это хорошо,
дорога далека!

Федор Колунцев не увидит этот рассказ напечатанным. Он умер два месяца назад. Он был уникальным человеком, пронзительным в своей душевной чистоте, чуткости и незащищенности, считавший писательство святым делом, где не может быть никаких компромиссов ни с совестью, ни со временем. Автор романов «У Никитских ворот», «Ожидание», «Утро, день, вечер», он незадолго до кончины завершил удивительный по жизнелюбию и нравственной чистоте роман «Свет зимы», который в будущем году будет опубликован.

Николай **ЕВДОКИМОВ**

Федор **КОЛУНЦЕВ**

Рассказ

МОЙ ШКОЛЬНЫЙ ТОВАРИЩ

Рисунок
Петра **ПИНКИСЕВИЧА**

Вот уже более полувека я то и дело вспоминаю об этом человеке. Было время, когда я совсем забыл о его существовании, но почему-то с годами память о нем приходит ко мне все чаще и чаще. Мне не хочется называть его настоящее имя,— могила этого человека осталась безымянной, и он это заслужил. Пусть называется, например, Нерсик. Нерсес.

Мои воспоминания о нем непоследовательные и скачущие. Часто я вспоминаю его осенью тысяча девятьсот тридцатого года, когда мы — семилетние мальчики — пришли в первый раз в школу. В те годы в Тбилиси, а может, и в других городах, еще существовали так называемые нулевые классы. Класс этот был чем-то средним между детским садом и школой. В комнате-нулевке вместо парт стояли белые столики и стулья, как в детском саду. Я вижу его — маленького, пухлого, с очень большими добрыми глазами барашка и низеньким напряженным лбом. Он был глупым человеком. А у глупых людей часто бывает такой напряженный лоб. Им тоже приходят мысли, но мысли эти трудно ворочаются в их головах. Есть глупые думающие люди, и на лицах их движение мысли, затрудненность этой мысли иногда проступает четче, чем у людей, мысль которых легка и раскованна. У него всегда был именно такой лоб, и еще в детстве на нем пролегали три ровные морщинки. Но главным все-таки в его облике были глаза, главным была доброта этих черных глаз. И он действительно был безотказно добрым.

И тогда, когда спустя много лет, уже в 1949 году, я увидел его на проспекте Руставели в Тбилиси и на нем была шинель из роскошного сукна, а на плечах были роскошные погоны подполковника, и тогда глаза его на уже привычно надменном лице были добрыми, как в детстве.

Он был шутник. Или, если говорить точнее, он был шут. Всегда находится в компании такой человек, который ради удовольствия других способен унизиться. Он мог перекувыркнуться через голову в самый неподходящий момент, чтобы друзьям стало весело, он вставлял иногда заведомо глупые замечания в беседу тоже с одной целью — развеселить. Он охотно приносил в жертву чужому веселью собственное самолюбие, и мы это ценили.

Меня он любил, и чувства его ко мне были искренними. Может быть, потому, что мне никогда не доставляло удовольствия пользоваться его добротой, подталкивать его на унижения, на которые он, впрочем, ради моего удовольствия пошел бы охотно. Но я этого никогда не делал, и, может быть, поэтому на протяжении всех школьных лет, а потом и тех двух-трех лет, в течение которых мы встречались с ним после школы, он сохранил ко мне привязанность, хотя я никогда не принимал его как друга. Я просто был к нему снисходителен, единственная жертва, которую я ему приносил, заключалась в том, что я не смеялся над ним. Но именно это было для него ценным, потому что, даже охотно унижаясь ради удовольствия других, человек, вероятно, страдает. Может, это и определило его путь.

На проспекте Руставели передо мной стоял самоуверенный, грозный подполковник в фуражке, пронзительно-синий цвет околыша которой вызывал в те годы трепет у любого человека, живущего в любом конце страны. В сорок девятом году он был подполковником государственной безопасности.

Мы случайно встретились тогда. Я только что приехал из Москвы, окончив Литературный институт, и работал актером Тбилисского театра юного зрителя, вернее — статистом, получая триста шестьдесят рублей в месяц, хотя у меня был диплом с отличием московского института и двухгодичный стаж работы в Совинформбюро. Но на другую работу меня в Тбилиси не брали, тому были свои причины.

Он был рад встрече, он положил мне на плечо свою пухлую руку, и в этом жесте его была и ласка, и дружеская доверительность, и уже та мера снисхо-

дительности, на которую он имел право, потому что был подполковником, а я был человеком, выходившим в театральных массовках с приклеенной бородой за триста шестьдесят рублей в месяц.

Разговаривая со мной, он смотрел в сторону, смотрел, утомленно сдвинув три свои морщины на узеньком лбу, слегка сощурив большие черные глаза, и расспрашивал меня о делах. Когда я начал рассказывать о том, что учился в Москве и окончил Литературный институт, он через некоторое время прервал меня и сказал:

— Знаю, дорогой, я про тебя все знаю. Я в тебя, дорогой, всегда верил. И не ошибся. Не ошибся. Ты будешь писателем, я в тебя верю.

Потом он просил меня позвонить ему. Он сказал так:

— Наберешь коммутатор нашего министерства, попросишь меня. Соединят сразу. Меня знают все.

Надо сказать, что к этому «Меня знают все» я отнесся не без иронии. Еще свежа была память о школьном шуте, и хотя золотые погоны на его толстых плечах говорили о том, что того человека уже нет, трудно было поверить, что телефонистки, сидящие на коммутаторе этого грозного министерства, наизусть знают номер его добавочного телефона.

Я не позвонил ему. Но потом, уже значительно позже, я понял, что он не хвастал,— номер его добавочного телефона наверняка знали наизусть и министр, и его заместители, и телефонистки, и все те, кому положено было знать этот номер.

Прощаясь, он впервые за все время беседы посмотрел мне прямо в глаза. И была в этом взгляде прежняя, давняя-давняя, школьных лет доброта, но было еще и нечто другое. В эту секунду я подумал о том, что он действительно знает обо мне все.

Может, виной тому был его мундир, его золотые погоны, но мне стало страшно именно этой снисходительной, всезнающей ласковости его взгляда. И я подумал тогда, что он не просто достиг чинов за прошедшие годы, но и стал умней. Ведь он был думающим глупцом.

Во всяком случае, ему всегда нравились так называемые умные игры. Иногда он вмешивался в них специально для того, чтобы доставить нам удовольствие своей глупостью, а иногда это все-таки были попытки как-то уравняться с другими. Помню, как мы однажды вечером, сидя на школьном дворе, играли от скуки в «великих людей». Один задумывал великого человека, другие, задавая ему вопросы, отгадывали.

Он долго не вмешивался в игру и морщил лоб, а потом вдруг попросил, чтобы и ему разрешили задумать великого человека. И тогда рыжеволосый Шура Донцов, которому всегда нравилось забавляться его глупостью, сказал:

— Давай задумывай.

Он еще больше наморщил свои три морщинки и сказал:

— Все. Задумал.

И тогда, прежде чем кто-нибудь успел задать ему наводящий вопрос, Шурка спросил:

— Чарли Чаплина задумал?

— Да.

Нерсик был раздавлен догадливостью Шурки.

— Почему ты узнал?

— А! — сказал Шурка.— Кого еще из великих людей ты можешь знать, кроме Чарли Чаплина?

В то время в Тбилиси шли «Огни большого города» и «Новые времена», и Чарли Чаплин был у нас самым популярным в городе человеком.

Пожалуй, это был единственный случай, когда общий хохот не был Нерсику наградой за шутовство. Впрочем, шутовство было только одной гранью его характера.

Как это ни покажется странным, он был смелым человеком. Ему вообще было чуждо чувство страха. И смеясь над ним, подзадоривая его, толкая его на неумные шутки, мы все-таки знали, что, если дело дойдет до драки, он не отступит. Он умел драться. Он жил на Авлабаре,— это был район над Курой, где жили бедные ремесленники и торговцы вразнос, район со своими танцами и своими песнями, своим кодексом чести, и в этот кодекс чести обязательно входило умение мужчины биться один на один, одному с тремя, одному с пятью. Он умел это делать, умел и находил в этом удовольствие, и мы знали, что, если дело дойдет до драки, приземистый, с пухлыми кулаками Нерсик одолеет любого из нас, одолеет не потому что сильней, а потому что в драке бесстрашен, безжалостен и весел. Весел так же, как в своих неумных шутках.

И когда мы компанией ходили провожать кого-нибудь из наших приятелей с девушкой в чужой район, потому что без сопровождения провожать в Тбилиси девушку в чужой район было опасно, побьют, Нерсик, спрятав в рукав отполированную, тяжелую ножку от венского стула, шел всегда во главе нашей компании. Если начиналась драка, ему доставалось больше всех, но с поля брани он всегда уходил последним.

С Шуркой Донцовым у Нерсика были сложные отношения. Он пытался завоевать Шурку. Именно ради него он чаще всего кувыркался через голову, именно ради него он был готов пойти на что угодно. Но Шурка Донцов был интеллектуал и честолюбец, его еще в детстве обучили английскому языку, он прочел уйму книг и снисходительно относился ко многим из нас, а особенно к Нерсику. Нерсика он презирал и бывал с ним безжалостен. И тогда Нерсик возвращался обратно ко мне, потому что я не требовал от него ни шуток, ни преданности.

После очередной драки Нерсик обычно впадал в особенно веселое расположение духа, катался по земле, изображая, что умирает от побоев, обмакивал палец в текущую из носа кровь, смешно разрисовывал ею себе лицо.

У нас в школе тоже был свой кодекс чести. В школьных коридорах и классах не дрались. Если завязывалась ссора, поссорившихся быстро разводили в разные стороны и договаривались: «После уроков, на горке».

Напротив школы находилось заброшенное католическое кладбище, и в дальнем краю его был плешивый, с вытоптанной травой бугор. На нем сводились счеты чести, здесь мы играли в жестокую тбилисскую игру лахты, на этом бугре позже, уже десятиклассниками, резались в очко на деньги. По окончании уроков поссорившиеся в сопровождении многочисленных секундантов отправлялись на этот бугор. Драки обычно шли до первой крови. Побежденным считался тот, у кого пойдет кровь. Тогда дерущихся разводили.

По неписаному кодексу нашей школы можно было выставить на драку вместо себя кого-нибудь из друзей посильней. Тогда второй, прикинув свои силы, тоже мог выставить кого-нибудь вместо себя.

Помню, как однажды Нерсик дрался за Шурку. Это была, пожалуй, самая тяжелая драка в его жизни, потому что противником его был знаменитый Шапур. Был у нас такой парень. Говорили, что отец его был абиссинец, а мать грузинка. Но они умерли давно, Шапур был сиротой и жил неизвестно на что и как. Это был удивительный парень. Он был ленив и большую часть времени проводил в сладостной неподвижности, и вместе с тем природа наделила его атлетической мускулатурой. Когда в жаркий денек Шапур, раздевшись по пояс, грелся на солнце в углу школьного двора, мы с завистью смотрели на его могучие мышцы, обтянутые прекрасной, нежной, смуглой кожей, на его широкую грудь.

Шапур был королем школы. Он учился в ней с незапамятных времен, отсиживал по два года в каждом классе, был старше нас, и мы всегда исполняли все его желания, любые его приказания.

И вот случилось так, что однажды высокомерный Шурка чем-то обидел Шапура. Может, он это сделал нарочно, потому что власть Шапура над нашими душами не устраивала Шурку. Это было соперничество тщеславного интеллекта и первобытной силы. Шурка обидел Шапура и получил вызов «на горку». Мы ждали этого боя все уроки. Мы не слушали объяснений учителей, мы думали только о предстоящем бое.

Когда мы явились на бугор, побросали на землю портфели, Шурка сказал:

— Он будет вместо меня.

И указал на Нерсика. Шапур кивнул, ему было все равно, кого изуродовать. Среди нас не было для него достойных соперников. Шурка даже не потрудился спросить Нерсика, согласен ли он драться за него. Он просто сказал так: «Он будет вместо меня»,— и Нерсик стал покорно стаскивать через голову рубаху. Разделся по пояс и Шапур. Мы разошлись широким кругом, освобождая площадку для боя.

Оставалось оговорить условия.

— До первой крови,— сказал Шурка.

Шапур оглядел стоящего напротив низенького Нерсика и сказал, усмехнувшись:

— Нет, я из него всю кровь возьму.

Началась драка. У Нерсика был свой прием: он кидался на противника, пригнувшись, обхватывал его за пояс, валил на землю и уже после этого, лежа сверху, добывал из него первую кровь. Но когда он, согнувшись, кинулся на Шапура, тот успел ударить его снизу коленом в наклоненное лицо. Это было против правил, ногами драться не разрешалось. Но авторитет Шапура был столь велик, что никто из нас не сказал ни слова.

Нерсик отлетел в сторону, прикрыл обеими ладонями лицо, оглушенно помотал головой, а потом бросился снова.

Это была отвратительная драка, потому что в ней не соблюдались никакие из наших неписаных правил. Но когда она кончилась, когда мы наконец поняли, что их нужно развести, мы не могли определить, кто из двух оказался победителем.

Шапур, весь в крови, то ли своей, то ли Нерсика, ссутулив свои могучие плечи, отошел в сторону за кусты и лег ничком на старую могильную плиту. Его рвало.

Нерсик сел прямо посреди площадки, согнувшись, втиснув голову между колен. На этот раз он не шутил, не притворялся, не разрисовывал себе лицо кровью. Ему действительно было худо.

— А королем все-таки остался Шапур, потому что он сумел уйти с поля боя сам, а Нерсика нам пришлось нести.

Шурка не был жестоким человеком, но почему-то именно с Нерсиком он бывал жесток. Не надо было ему тогда затевать этой шутки с Чарли Чаплином.

— Случилось это, когда мы уже учились в девятом классе и нам было уже по пятнадцать-шестнадцать лет. Пора первой влюбленности. Именно тогда появилась в нашем классе Надя, приехавшая из Москвы.

Теперь, когда я уже много лет прожил в Москве, я понимаю, что Надя была вполне заурядной московской девочкой. Конечно же, и в Москве у нее нашелся бы свой парень. В общем-то в ней не было ничего особенного, такие бегают по Москве тысячами. Но нам, привыкшим к черноглазым, смуглым, худым девчонкам, Надя казалась чудом. Чудом были ее сразу же выгоревшие на южном солнце легкие волосы, чудом был ее нежный русский румянец на белом лице и непривычная для нас голубизна глаз. И пышное не по годам тело ее будоражило нашу азиатскую кровь: в отличие от ее московских одноклассников мы были вынуждены бриться уже с пятого класса и греховные мысли начинали смущать наши души в том возрасте, когда по общесоюзным нормам мы еще считались детьми. Мы влюбились в Надю всем классом, а больше всех Нерсик.

И, наверное, именно для того, чтобы самоутвердиться перед Надей, вмешался он тогда в эту злополучную игру. И, наверное, ради нее Шурка унизил его.

Надя жила вдвоем с матерью, такой же русоволосой, пышной и голубоглазой, как она сама. Отца у нее не было. Мы не знали, почему они вдруг переехали из Москвы в Тбилиси. Не знали, что стало с ее отцом.

Наша общая влюбленность была мимолетной, вскоре мы привыкли к ее глазам, к цвету ее волос и румянцу, и она уже ничем не отличалась для нас от других девчонок, и только один Нерсик на несколько лет сохранил свое чувство.

Помню, как уже после школы, когда началась война, в году сорок втором или сорок третьем он пришел ко мне. Он уже тогда служил в Министерстве госбезопасности, но мундир на нем был еще обыкновенный, а не сшитый по спецзаказу, и на погонах его скромно блестела единственная маленькая звездочка младшего лейтенанта. Тогда в наружности его еще не было заметно никаких перемен. Толстый, неуклюжий юноша с добрыми, глупыми глазами. И только плохо сшитый мундир отличал его от прежнего Нерсика.

Это было трудное и голодное военное время. Он пришел ко мне и попросил, чтобы я вместе с ним пошел навестить Надю. В руках у него был какой-то сверток, и он очень волновался. Мне не хотелось идти с ним, но я пожалел его. И мы пошли. Надя жила далеко, в районе, называвшемся Дидубе, но мы пошли пешком, потому что в ту пору трамваи ходили очень неаккуратно, да, кроме того Нерсику, очевидно, надо было по дороге выговориться и успокоиться.

Он сопел, вздыхал, шел ссутулясь, зажав под мышкой свой загадочный пакет. Потом вдруг остановился, взял меня за руку, провел в какую-то подворотню и, когда мы остановились там, сказал почему-то шепотом:

— Только тебе. Как другу. Хочу жениться. Сейчас придем, скажу ей. Все скажу.

И, как бы боясь, что я высмею его, торопливо добавил:

— Я же теперь могу жениться. У меня положение есть.— И он приподнял свои плечи с погонами, украшенными маленькой звездочкой младшего лейтенанта.

— Ну, что же, женись,— сказал я.

Мне было все равно, собирается он жениться или нет. Я ведь никогда не был его другом. Я только терпел его. И все же, наверное, я должен был удержать его от этого решения, потому что заранее знал, что Надя, несмотря на его положение, никогда не согласится выйти за него замуж. И все это сватовство кончится для него очередным позором. А в пакете у него, наверное, была какая-нибудь еда, что-нибудь из его младшелейтенантского пайка. Время тогда было голодное, и к невесте лучше было идти с пайкой хлеба, чем с букетом цветов.

Он придвинулся ко мне еще ближе и заговорил еще тише, и из того, что он сказал, я понял, почему он вел этот разговор шепотом.

— У нее отец врага народа,— сказал он.— Поэтому они из Москвы уехали. Там все знакомые знают, здесь никто не знает. Но я узнал. Сам понимаешь, у меня есть возможности...

Он помолчал, стер сжатым в комок носовым платком пот со своих трех морщин.

— Мне нельзя на ней жениться. Начальство не разрешит. У меня теперь такое положение, что я на женитьбу разрешение должен просить. Если я попрошу, меня выгонят. Но я женюсь.

— А что будет тогда с твоим положением? — безжалостно спросил я.— Не будет у тебя никакого положения...

Он долго молча смотрел на меня, и его черные глаза были как у овцы, приготовленной к закланию, когда уже сложен хворост для шашлычного костра.

— Сапожником буду,— наконец сказал он.— У меня отец сапожник, дед тоже сапожником был.— И добавил торопливо: — Я уже умею. В детстве отцу помогал. Немного еще поучусь, туфли-люкс шить буду...

Надо сказать, что впервые за многие годы нашего с ним знакомства в душе моей шевельнулось что-то похожее на уважение к нему.

Я хорошо знал, как долго и трудно добивался он того, чтобы его взяли работать в органы. В детстве он болел туберкулезом, и из-за этого в июне сорок первого его не взяли в армию, и это же целых полгода мешало ему поступить на работу в министерство. Он пустил в ход разные знакомства, он уговаривал врачей, может быть, дал кому-то взятку и в конце концов обрел свое положение. И теперь он был готов принести все это в жертву. Ради любви.

И, глядя в его тоскующие глаза, я подумал о том, что любовь эта, по всей видимости, настоящая. Он повернулся, покрепче прижал локтем свой пакет и пошел на улицу. Вид у него в эти минуты был несчастный. Он был готов принести в жертву все, чего достиг, но, видимо, привыкнув к унижениям, не ждал удачи.

Надя жила в обыкновенном старинном тбилисском доме. Вдоль по фасаду его тянулись сплошные деревянные балконы-террасы, на которые выходили двери из комнат. Мы поднялись по винтовой лестнице на второй этаж. Со всех балконов на нас смотрели люди. Жизнь в Тбилиси в те годы, а может, и сейчас, протекала в основном во дворах и на этих балконах. Там женщины перебирали рис к обеду, стряпали на керосинках, стирали, перекликались друг с другом через этажи и через дворы. Дух еды витал над этими дворами. В комнаты уходили только спать. И пока мы пересекали с Нерсиком двор и поднимались по винтовой лестнице, на нас смотрели со всех балконов, и мы чувствовали эти взгляды.

Но было тихо. На нас смотрели молча. Молчание это наступило внезапно, как только мы вошли во двор. И тогда я впервые подумал о том, что все-таки форма, надетая на Нерсике, его фуражка с нарядно-васильковым верхом и красным околышем чем-то прочно отделили его ото всех людей и от меня тоже.

Мы поднялись на второй этаж, прошли по длинному балкону мимо замерших у своих керосинок, столиков, корыт женщин, мимо ребятишек, прервавших свою возню и смотревших на нас круглыми глазами, и постучали в дверь комнаты Нади. И пока мы дожидались ответа на стук, Нерсик почему-то взял свой пакет обеими руками и выставил его перед собой, словно защищаясь от чего-то. Да, он определенно ждал очередного унижения. И все получилось так, как я и предполагал.

Но если прежде Нерсик унижался сам добровольно и делал это весело, то это унижение было другим, тяжким. Тогда он еще, очевидно, не понимал всей силы отделившего его от людей мундира, и еще не умел пользоваться ею. И потому принял это унижение покорно.

Мы пробыли у Нади не более десяти минут. И, выйдя из ее комнаты, опять прошли сквозь молчаливый строй женщин, мимо их керосинок и корыт, полных замоченного белья, мимо смуглолицых ребятишек, снова прервавших, как по сигналу, свою возню. Вероятно, они слышали, что произошло в комнате Нади, или просто догадались, что мы уходим опозоренные.

Мать Нади говорила громко, она не считалась с тем, что от соседок на балконах нас отделяла только тонкая стеклянная дверь с ситцевой занавеской. Она была не в силах сдержать своей ненависти... Мы прошли мимо женщин по бесконечно длинному балкону, спустились по винтовой лестнице, пересекли двор, вымощенный булыжником. И нас опять сопровождали любопытные взгляды (мы чувствовали их) и молчание.

У ворот нас догнала Надя. Она была очень взволнована. Она кинулась к Нерсику, положила ему на грудь свою ладошку и забормотала:

— Миленький, я все понимаю... Но ты не сердись на маму. Ей трудно, у нее была тяжелая жизнь... Ты не сердись, пожалуйста... Не надо на нее сердиться.

Надя была не только взволнована, она была испугана, очень испугана. Тогда мне был непонятен ее испуг. Мне было непонятно, что кто-то и почему-то может бояться Нерсика. Тем более Надя. Но ее лицо, потерявшее за два тяжелых военных года детскую пухлость и румянец, было определенно испуганным. Только потом, спустя многие годы, я понял всю меру ее испуга. И не просто испуга, а может быть, ужаса, который она испытывала в ту минуту. И понял, каких усилий ей стоило скрыть это. Она старалась изо всех сил и сказала, улыбнувшись:

— Зачем ты все это придумал? С этой женитьбой! Ну, какое сейчас время... для этого?

И добавила, продолжая улыбаться:

— Ведь для того, чтобы жениться, нужна любовь.

Нерсик посмотрел на нее исподлобья и сказал:

— Есть любовь.

Надя засмеялась ласково и заискивающе.

— Нет, ты все придумал. Вот увидишь, уже через неделю ты все забудешь. Это тебе только кажется, что ты влюблен в меня. Неправда это все, миленький. Посмотришь, неделька, ну, может, две, и все пройдет.

Нерсик молчал, опустив голову. Вид у него был совсем не грозный, а потерянный, а лицо искренне огорченное, такое, каким много лет назад оно у него было однажды, еще в нулевке, когда мы сидели с ним за одним столиком и он получил первую в своей жизни двойку, потому что никак не мог прибавить к шести три. Эта двойка очень огорчила его. Он тогда еще не был шутом, он был просто живым, веселым ребенком и кувыркался через голову ради собственного, а не чужого удовольствия.

А Надя, стараясь показаться прежней, беззаботной, бесстрашной, все что-то говорила. Он слушал молча и, кажется, не улавливал приниженных ноток в ее щебечущем голоске.

Она была опытней меня, она понимала, что Нерсика уже надо бояться. Она стояла перед нами, смеясь, но выдавала себя беспокойством в глазах, суетливостью рук, теребящих светлую косу, и я неожиданно с удивлением подумал, что душа ее, кажется, уже давно заражена этим непонятным мне страхом, как болезнью. Я тогда и не подозревал, что знакомый мне с детства шут с добрыми глазами всегда будет носить в себе эту заразу, поначалу, может, и не осознавая того, но потом обязательно научится упиваться своей властью над замученными душами. Ничего этого я тогда еще не понимал, но впервые за годы знакомства с ним я вдруг тоже почувствовал какое-то опасение и еще непонятную мне до конца брезгливость к нему...

Мать Нади сказала Нерсику:

— Уходите и никогда больше не переступайте порога моего дома... Со своими свертками, фуражкой и сапогами.

И лицо ее, тоже изменившееся и поблекшее за два трудных военных года, было в эту минуту каменным от ненависти.

— Ничего не пройдет, Надя,— сказал наконец Нерсик.— Ни через неделю, ни через две. Никогда не пройдет. Всю жизнь не пройдет. Верь мне.

Слова его прозвучали с истинной болью, но он почему-то ничего не сказал ей о том, что согласен ради любви отказаться от своего положения и даже стать сапожником.

Потом мы оказались с ним в каком-то винном подвальчике неподалеку от Надиного дома. Мы сели в углу за столик, и хозяин нацедил нам из бочки в зеленую литровую бутылку кислого виноградного вина, которое стоило в то время баснословных денег. Мы долго сидели молча. Мне было жаль Нерсика, но я не знал, о чем заговорить с ним, как отвлечь его от тяжелых мыслей. Я не помню, виделись ли мы с ним после этого до последней встречи на проспекте Руставели...

Он и мне тогда за стаканом вина уже не повторил, что готов пожертвовать своим положением ради любви. Наоборот, он что-то бормотал о том, что в трудное время войны работа его необходима и нужна и что эта жестокая женщина — мать Нади не может понять этого. Не может потому, что муж ее был враг народа и она, наверное, такая же. Но он простит ее, потому что она мать Нади, а все, что связано с Надей, для него свято. И еще он говорил о том, что теперь, когда его единственная любовь окончательно отвергнута, растоптана, ему не остается ничего другого, как отдать свою жизнь той полезной и ответственной работе, которую ему доверила Родина.

В этих винных подвальчиках обычно не подавали еды. Но хозяин молча поставил перед нами возле бутылки с вином тарелку с большим куском белого тушинского сыра, влажного от рассола, и положил свежий чурек. Это стоило еще дороже, чем вино, и, наверное, было данью Нерсикову мундиру. Но Нерсик не стал есть. Он все говорил, и говорил, и крошил своими короткими пальцами дефицитный чурек, и скатывал из него шарики. В подвальчике влажно и кисло пахло бочками, пропитанными вином. В те годы мы не чурались громких слов и все, что он говорил, звучало вполне искренне.

По-моему, это все-таки была наша последняя встреча перед той, в сорок девятом году на проспекте Руставели. А может, мы с ним и виделись еще два-три раза, но те встречи мне не запомнились.

Одноклассники наши были разбросаны по фронтам, меня не взяли в армию из-за плохого зрения, Нерсик не подлежал мобилизации как офицер государственной безопасности. Наша школьная компания распалась, мы уже получили с фронта несколько похоронок, а к концу сорок четвертого года Шурка Донцов вернулся из-под Керчи без правой руки. Он поступил в Тбилисский университет, а я вскоре уехал учиться в Москву.

Вернулся я в Тбилиси уже после войны. За годы, проведенные в Москве, город этот стал для меня почти чужим, потому что почти все мои одноклассники погибли. Девочки наши работали и ждали замужества, еще не зная, что большинству из них пожизненно уготована участь военных вдов, не успевших побывать в женах.

Мне заново надо было привыкать к городу, в котором я провел все свои школьные и первые студенческие годы. Я был принят в Тбилисский ТЮЗ и играл в театральных массовках за триста шестьдесят рублей в месяц, а в свободное время писал рассказы, посылал их в Москву и неизменно получал обратно. Надю я не встречал и ничего не знал о ней.

Я уже говорил, что, когда Нерсик в последнюю нашу встречу на проспекте Руставели, положив мне на плечо свою пухлую руку, сказал: «Я знаю о тебе, дорогой, все»,— мне на какую-то минуту стало страшно. Но в этом страхе был повинен, наверное, его грозный мундир.

Он сказал, что знает обо мне все. Но он не сказал, откуда он это знает. Это было служебной тайной. А он и его коллеги умели хранить служебные тайны. Когда мы встретились, он шел на работу в министерство, шел неторопливо в своей роскошной шинели, поскрипывая прекрасно сшитыми сапогами с жесткими лакированными голенищами, не шел, а шествовал с отрешенным, хмурым видом. Лицо его слегка пожелтело за прошедшие годы, он выглядел старше своих лет.

Он шел работать, делать свое важное государственное дело, служить которому поклялся в тот злополучный день за бутылкой кислого крестьянского вина в подвале, наполненном древним запахом пропитанного вином дерева.

Он шел работать в министерство, а в одной из камер подземной тюрьмы этого министерства уже полгода сидел Шурка Донцов. Его взяли с группой малознакомых мне ребят, студентов-филологов, за то, что, отправившись как-то купаться на озеро Лиси, они что-то наговорили там неуважительное о Лаврентии Павловиче Берия. И, конечно, нашелся доносчик.

Разговаривая с Нерсиком на проспекте Руставели, я ничего не знал об этом. И обо всем остальном я узнал много лет спустя. Да, Нерсик оказался самоотверженным работягой, он не преувеличивал, когда говорил, что в министерстве его знают все. Дело в том, что он заведовал там камерой пыток или, не знаю, как еще называлась его должность.

Он знал обо мне все, потому что, как спустя многие годы мне рассказали, он упорно и подробно расспрашивал обо мне каждого, кто попадал в его руки, используя при этом все имевшиеся в его распоряжении средства. А Шурке, присоединяя к его рыжей бритой голове конец оголенного электрического провода, он говорил:

— Это тебе, мерзавец, за то, что ты опозорил нашу школу.

Не знаю, может быть, после встречи со мной на проспекте Руставели, придя в министерство, он сразу же вытребовал к себе Шурку. И, может, наша короткая встреча стоила Шурке дополнительных мук.

Ну, а я остался цел. Меня не тронули. И вот тут-то и заключается мучающая меня загадка, которой не дано разрешиться, потому что работящий Нерсик удостоился чести быть расстрелянным вместе с министром и его заместителями вскоре после двадцатого съезда... Я не знаю, почему так упрямо и настойчиво он выспрашивал и выпытывал обо мне все у участников злополучного похода на озеро Лиси. Ведь ему ничего не стоило легко и просто пристегнуть меня к этой группе, потому что я многие годы знал главного обвиняемого Шурку Донцова да и был знаком, хотя и не очень близко, почти со всеми остальными арестованными. Может, он выспрашивал их только для того, чтобы сразу же пресечь любую попытку оговорить меня? Ведь он уже знал тогда, что может сказать человек, если его долго допрашивать с пристрастием.

И вот тут-то возникает мучающая меня мысль: не обязан ли я ему тем, что остался жив? Может, выспрашивая и мучая их, он старался уберечь меня в благодарность за то, что я ни разу в жизни не посмеялся над ним и тогда в духане за бутылкой вина отнесся к нему с искренним сочувствием? Одно я знаю точно: ни Шурка Донцов и никто из тех, кто прошел сквозь страшный кабинет Нерсика, не сказал обо мне ничего дурного.

Публикация Аллы БЕЛЯКОВОЙ

КРАЙ ЗЕМЛИ

Фото Павла КРИВЦОВА

Если случай забросит вас в центральную часть Советской Арктики, вам не разминуться с Диксоном. Так уж получилось, что этот остров и поселок с тем же названием, расположившийся одновременно и на острове, и на материке по ту сторону неширокого пролива, ухитрились лечь на перекрестке двух самых торных здешних дорог: Северного морского пути и могучего Енисея. Так что откуда бы вы ни летели или ни шли кораблем — с юга ли на север, с запада ли на восток,— Диксона вам не избежать.

Собственно, этому удобному географическому расположению остров и обязан своей известностью, а поселок — и рождением. Считают, что первыми тут побывали поморы еще в начале XVII века.

Официальное имя острову дал в 1878 году шведский мореплаватель и исследователь Арктики Нильс Адольф Эрик Норденшельд, увековечивший, таким образом, купца, финансировавшего его экспедицию.

Северный морской путь издавна был для России заветной целью, и Диксону в ее достижении отводилась одна из ключевых ролей. Еще в 1915—1916 годах на острове стала работать одна из первых арктических радиостанций. В тридцатые годы тут были построены первые на Северном морском пути радиометеорологический центр и геофизическая обсерватория, создана бункерная база морского флота, которые обслуживали суда, работавшие в Западном секторе Арктики.

С началом войны Диксон обеспечивал коммуникации Северного флота в Карском море. Именно поэтому в августе 1942 года фашистское командование послало в район Диксона тяжелый крейсер «Адмирал Шеер». И вот когда «Адмирал Шеер» вошел в бухту, два 152-миллиметровых орудия прямо с причала повели по немецкому рейдеру огонь. Героически сражался с фашистским крейсером и ледокольный пароход «Дежнев». Получив несколько прямых попаданий, немецкий корабль вынужден был прекратить огонь и уйти в открытое море.

Вся недолгая, но достаточно яркая биография Диксона запечатлена в памятниках, которые установлены в поселке.

Снимки, которые рассказывают о сегодняшнем Диксоне, сделаны в мае, в самом цветущем месяце года. Для Диксона май — это еще не весна, а только несколько потеплевшая зима. Но, несмотря ни на что, тут живут, работают, любят, отмечают свои дни рождения наши замечательные, отважные северяне.

Леонид ПЕТРОВ.

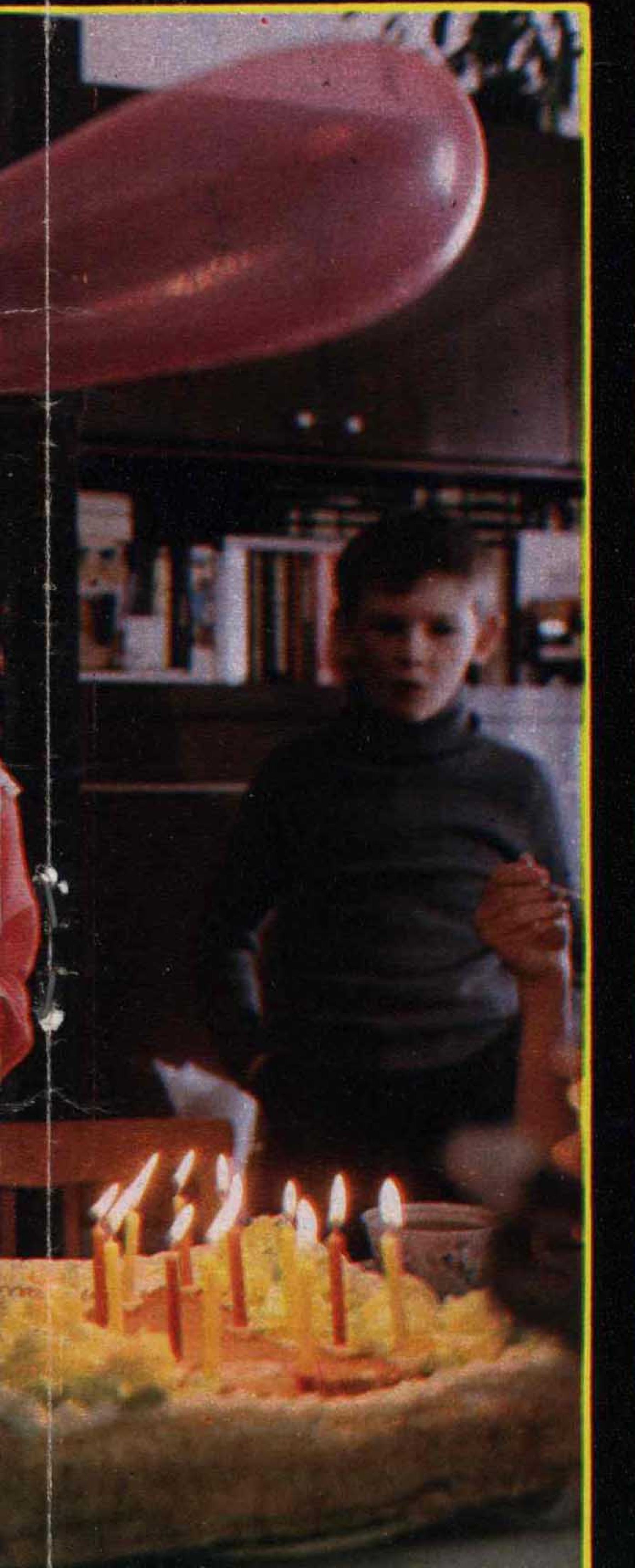

Комсомольская
жизнь

WILL POWER
OREGON

С АНДРЕЕМ МИХАЛКОВЫМ-КОНЧАЛОВСКИМ БЕСЕДУЕТ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ МАРИЯ ДЕМЕНТЬЕВА

"ОСТАЮСЬ СОВЕТСКИМ..."

▲ Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

— Вы приехали надолго?

— Этот вопрос напоминает мне еще такой — «А когда вы приедете обратно?» Или — «А вы вернетесь?» Когда стало известно, что я выбрал для постоянного жительства Францию, начались разговоры — Кончаловский остался. Тогда так говорили обо всех, оказавшихся в подобной ситуации. И я понимаю, откуда это взялось. Последние пятьдесят лет нас преследовало ощущение дальности Европы, недосягаемости заграницы. Как ни парадоксально, но от Москвы до Владивостока гораздо ближе, чем до Варшавы, я уж не говорю — до Стокгольма, хотя лететь туда всего час десять. Утвердились такие понятия, как «пустили», «не пустили», «невыездной», замечательная формула: «Мы тут посоветовались и решили — не стоит вам ехать». И у меня, как у любого нормального советского человека, все время было чувство — когда я еще смогу выехать, когда еще «пустят»? Вот это ощущение, что кто-то может распоряжаться вами, решать за вас, меня лично угнетало ужасно. И если что-то и унижало меня в нашей системе, так это невозможность передвижения.

Конечно, я более счастливый, чем другие. Я был в числе немногих привилегированных, кто ездил за границу относительно часто — со своими картинами или в делегации. Но в этих поездках ты все равно зависим. И если тебе понравился какой-то город, ты не можешь остаться там даже на полдня больше, чем положено. Нужно специальное разрешение.

Вот эта невозможность передвигаться по земному шару ужасна. Ведь мы подходим к концу XX века, практически одной ногой в XXI. Никто же не спрашивает у Миклоша Янчо, у Вайды, у Занусси, когда они уезжают работать в другие страны,— «вы вернетесь?». Никто же не говорит про итальянца Бертолуччи, который живет в Лондоне, снимает картину в Китае для американской компании, что он невозвращенец.

— Но все же, я думаю, вопрос — на сколько вы приехали — вполне возможен...

— Я реагирую так остро, потому что это очень часто связано с другим: вы — надолго к нам? ВЫ — к НАМ? Я имею в виду то, что у нас пока еще связывается с советскими людьми, которые волею обстоятельств, судьбы поменяли страну «прописки».

— Но, наверное, невозможность свободного передвижения была не единственной причиной?

— Нет, я уехал именно потому, что мне хотелось путешествовать. Не потому, что у меня не было свободы творчества — я всегда в Советском Союзе делал то, что хотел. Снимал картины — хорошие, плохие, с ошибками,— но те, что хотел, никто меня не принуждал.

Честно говоря, мне повезло. Я был женат на француженке, и у меня было легальное право на выезд из страны, получить которое тогда было очень трудно. Я женился очень давно, семнадцать лет назад, десять лет мы прожили здесь. У нас родилась дочка, которая стала жить в Париже. И я попросил многократную визу, чтобы ездить более часто. Мне отказали. Это было уже после «Сибириады». Отказало мне Госкино. И я решил — поеду на полгода. А потом подумал, что имею право на смену места жительства, и остался советским гражданином, постоянно проживающим во Франции.

— Вы говорите, что в Союзе всегда делали, что хотели. Вы хотите сказать, что в творческом смысле ваши желания не выходили за пределы разрешенного тогдашним Госкино?

— Делал не все, что хотел, это не так. Я хотел снимать рассказ Платонова «Река Потудань» после «Аси»...

— Вам запретили?

— Не было смысла даже разговаривать на эту тему. Я знал, что можно, что нельзя. Я предлагал несколько картин, которые были отвергнуты. О Че Геваре. Мне сказали — ты что, провокатор? Потом я хотел сделать картину о стачке. Опять не дали... Замыслов было много, но я не могу сказать, что нахожусь на кладбище своих идей. Я человек конструктивный. Многие говорили — обжегся и ушел от современной темы. Это не так, я очень хотел сделать картину о девятнадцатом веке. После «Аси» и «Первого учителя» я так устал от коровьего и овечьего помета, этих одежд... Мечтал — эх, снять бы что-нибудь в кринолинах! («Ася» еще не была запрещена.) И я собирался делать «Где тонко, там и рвется» Тургенева. И когда «Асю» запретили, я не знал, чем все это кончится, меня вызвали и спросили, что я хочу снимать. Я ответил. И тогдашний главный редактор Госкино предложил: а не хочешь снять роман «Отцы и дети», «Вешние воды»? Я сказал — давайте «Дворянское гнездо». Ну, а «Дядю Ваню» мы с Иннокентием Смоктуновским на улице Горького придумали...То есть, в общем, я снимал, что хотел. Другой вопрос, что когда картины принимали, шла жесточайшая борьба за кадры — что выбросить, что оставить. Особенно плохо было на «Сибириаде». Картину закрыли. Сказали, что надо ее переснимать. Я хотел сохранить замысел и многие вещи выбросил.

— А как вы сейчас относитесь к «Сибириаде»?

— Очень хорошо. Если бы я снимал ее сейчас, я бы только роль секретаря обкома изменил — сделал бы жестче. То есть в этой картине мне не стыдно ни за что абсолютно. «Романс о влюбленных» — эта не получилась. А «Сибириада» могла бы быть сильнее. Каждая эпоха отделялась хроникой, и замечательный режиссер А. Пелешян мне смонтировал хронику смерти Сталина. Ее вырезали. Ведь «Сибириаду» не выпускали почти год — бесконечные переделывания, поправки. И только когда в Каннах картина получила премию, ее вроде бы разрешили. Были разговоры — конъюнктурная картина. Не знаю, в данном случае я делал искренне.

— За рубежом вы собирались продолжать режиссерскую деятельность?

— Для того чтобы жить, надо зарабатывать. Наследства нет, рубли не обмениваются. Я пытался работать в первый год во Франции.

— Из Советского Союза вы уезжали режиссером с именем. Были ли вы известны там к моменту вашего приезда?

— Во Франции меня знали относительно хорошо — все мои картины там шли, только-только был успех «Сибириады». Но когда вдруг выяснилось, что я по каким-то необъяснимым для французов причинам переехал во Францию, ко мне стали относиться подозрительно. Дело в том, что для западного человека существовало только две категории советских людей, живущих там,— или диссиденты, «невозвращенцы», или шпионы. К шпионам причисляли всех — внешторговцев, дипломатов, сотрудников «Экспортфильма», то есть официальных лиц, работающих за рубежом. (Такого отношения давно нет ни к югославам, ни к полякам — у них выезд более свободный.) Поскольку я не был диссидентом (у меня были конфликты с Госкино или власть имущими, и довольно сильные, и была запрещена картина, но я никогда не жаловался, считая, что это дело внутреннее), то я, с точки зрения французов, расценивался как агент. И когда я задумал картину с Симоной Синьоре, она сначала согласилась, но потом кто-то вызвал у нее подозрение, что я заслан подорвать ее карьеру... В общем, мне было туго. Рухнуло несколько постановок, хотя я писал сценарии с очень хорошим сценаристом.

Вообще надо сказать, что очень часто приезжающие из Восточной Европы режиссеры пытались начинать во Франции. Всем кажется: Париж — центр. И Форман, и Полански, и Иван Пассер — все они пытались остаться работать в Париже, и у них почему-то ничего не получилось. Возможно, оттого, что двери в Париже с восточной стороны не так открыты, как с западной. Вот после того, как я сделал несколько картин в Америке, теперь во Франции могу делать все, что угодно: добро пожаловать.

А в Америку меня пригласил Джон Войт. (Он играл в таких известных картинах, как «Возвращение домой», «Полуночный ковбой».) Войт посмотрел «Сибириаду», «Первый учитель» и был чрезвычайно взволнован. Вообще я обрел много друзей после просмотра этих картин: Шерли Мак-Лейн, Джек Николсон. Так вот Войт позвонил мне в Париж и спросил: «Не хотел бы ты работать для меня?» Это было просто счастьем! И он сделал мне первый контракт с компанией «Юниверсал», а потом «Коламбия», чтобы написать сценарии. Я их написал, и они не пошли. Затем прогорела и компания самого Войта...

Я пробыл в Америке уже почти год, и мне было довольно сложно. К этому времени моя личная жизнь изменилась, я остался один. Контракты мизерные... Я начал преподавать в университете кинодраматургию, и было ощущение — вот-вот... У меня, конечно, всегда был обратный билет в Москву. Это делает положение человека там очень прочным.

— Дает чувство уверенности в завтрашнем дне?

— Точно. Обратный билет в Москву очень важен. Но не хотелось приезжать с поджатым хвостом, чтобы говорили — вернулся, потому что не получилось. Очень хотелось снять какую-нибудь картину. Мне предлагали — о Хрущеве, о пражских событиях... Но это меня мало интересовало.

— И кроме того, такие картины сделали бы ваш приезд в Союз невозможным в то время.

— Тоже. Но я вам скажу, я верил. Я не думал, что здесь не изменится ситуация. Было ясно, что что-то произойдет. Кроме того, если бы мне предложили картину, которая была бы с этой точки зрения довольно рискованная, я бы ее все-таки сделал. При условии, что это не была бы картина о русских, которую надо снимать в России. Это бессмысленно, потому что в Америке надо снимать картины про американцев. Если я сейчас буду снимать о Рахманинове, то его американский период, естественно, логично будет снимать в Америке. Короче, те картины, которые мне предлагали, не имели смысла, были малоинтересны. И я предпочитал преподавать.

В общем-то жаловаться мне грех. Конечно, было тяжело. Но сказать, что я страдал, я не могу. Просто иногда было очень унизительно. Но это порой полезно. У человека, который пользуется определенным авторитетом в какой-либо среде, возникает о себе ложное представление. И это очень влияет на его поведение. И вот когда вдруг выясняется, что... Я бы даже сказал, что это шок. Выяснилось, что никто меня не знает. Откуда вы? Режиссер из Турции? Из Афганистана? И вот в течение двух лет, да даже и сейчас я должен по-прежнему всем рассказывать одно и то же: как уехал из России, кто я такой. А поначалу было совсем плохо — я ничего не мог доказать, потому

что картин моих никто не знал. Америка вообще страна очень мало информированная, живут они на большом «острове», и если кто и знает советское кино, то это фанаты, синемафилы.

И вот я сделал первую свою картину на студии «Кеннон».

— Насколько мне известно, вы были первым, что называется, серьезным режиссером, который начал работать на студии «Кеннон», имеющей, прямо скажем, славу весьма неважную. Сотрудничество с ней было для вашей репутации весьма рискованным...

— Должен сказать, что свою репутацию я связью с ними довольно подмочил. Но мне было безразлично. Картина была для меня гораздо важнее, чем репутация. Мне нужно было делать кино, а не преподавать, причем то кино, которое я хотел. Компания в этом смысле дала мне карт-бланш. Видимо, решила изменить свою политику и начать производить престижное кино. Кстати, после меня «Кеннон» заключил контракты с Годаром, Дзеффирелли, Франкенхеймером, Иваном Пассером, Гартмюллером — целая плеяда режиссеров сделала для них картины. Проблема этой студии заключалась даже не в том, что они производили не очень хорошие картины, они не умели их прокатывать. Мои картины в прокате за исключением каких-то европейских стран прошли очень неважно. Сейчас я с «Кеннон» расстался.

...Вспоминая свою жизнь, я в основном вспоминаю солнечные дни. Всегда стараюсь найти позитивную сторону в любом явлении. И я бы сказал, что мне везло. С актерами, со сценариями. Повезло и там. И потом не могу сказать, что я человек очень несгибаемый, который фанатически преследует одну «синюю птицу». Есть художники, которые работают над одной вещью, долбят в одну точку, и у них получаются определенного рода монументальные результаты — например, Тарковский. Я человек жадный до работы, берущий проекты легкомысленно, порой безответственно (потом думаю: как выкарабкиваться?). Люблю несколько проектов сразу. Меня не преследует одна и та же картина. Я погружаюсь в абсолютно разные миры и от этого получаю удовольствие. Я должен делать картины о людях, которых очень люблю. Для того чтобы любить, надо знать. И поэтому я несколько лет не мог делать картины на Западе. Ведь представления наши о Западе чрезвычайно поверхностны. Очень важно понять ментальность, комплекс психологических черт, которые определяют не только поведение человека, но и политическую структуру. Меня это давно уже занимало — несоответствие идеалов и понятий в разных нациях. И это было одной из причин, по которым мне хотелось посмотреть мир.

Я уехал в сорок два года. Думаю, именно в это время человек однажды глядит на себя в зеркало и вдруг за спиной впервые видит тень с косой. И понимает, что уже не молод, уже пора что-то делать. И поэтому очень часто к сорока годам человек принимает радикальные решения и меняет свою судьбу. Для меня отъезд был как раз таким поступком. Я хотел построить свою жизнь согласно своим представлениям.

— В каком городе вы сейчас живете?

— Я бы сказал, что живу между Лондоном, Парижем, Лос-Анджелесом и Москвой... Я работаю в Лос-Анджелесе, монтирую картины в Лондоне, ставлю пьесы в Париже и готовлю картину в Москве. То есть практически живу там, где в данный момент работаю.

— А как материально?

— Очень трудно сопоставлять размеры денег. Я бы сказал так: богатый человек от бедного отличается тем, что может себе позволить больше долгов — в Америке жизнь в общем-то идет в долг. Определяется тем, сколько ты можешь занять в банке. Одно дело занять, чтобы заплатить за квартиру, и другое — чтобы купить дом. Я могу позволить себе купить дом. Но так было не сразу. За первую картину я получил очень мало, мог снимать однокомнатную квартиру (это довольно дорого) и прожить год. После «Поезда» я мог уже снимать дом...

— Работая там, считаете ли вы себя русским художником?

— Конечно.

— Легко ли им оставаться?

— Главный вопрос — выбора. То есть хочу ли я иметь успех или делать то, что хочу. Я всегда работаю для удовольствия. Конечно, хорошо, когда за это еще и платят. Я выражал в своих картинах то, что я думаю, в формах, которые мне близки. Поэтому, я должен сказать, мои картины не пользовались большим успехом на Западе. Только в Союзе их понимают до конца.

...Вообще меня очень занимает эмоциональное начало, которое существует в русском искусстве. Это искусство чрезвычайно чувственно. Думаю, это связано с преобладанием эмоций над интеллектом. Посмотрите — вся французская литература построена на «бель леттр» — изящной форме. В России особенно ярко это проявилось в музыке, форма всегда имела второстепенное значение. Художников больше заботила сущность. У русского человека — не только у русского, можно сравнить и с юго-латинской культурой, и в каком-то смысле с мусульманством — реакция построена больше на эмоции, чем на рацио. И у тех наций, где чувства важнее, чем разум, жизнь строится в основном на любви и ненависти, а не на уважении. Свою картину «Застенчивые люди» я как раз посвятил этому. Она о том, что одно из наших заблуждений — что можно любить и одновременно быть свободным. Это можно отнести и к частным отношениям, и к отношениям между социальными группами. Там, где подход эмоциональный, человек становится гораздо более нетерпимым. И эмоции, как правило, кончаются актом подавления (в лучшем случае — подавлением самого себя). При подходе интеллектуальном эмоции более контролируемы. И, как следствие — гораздо больше свободы. Возможно, эти мысли спорные, но это моя точка зрения.

А оставаться самим собой — тоже ведь насильно нельзя. Человек с возрастом эволюционирует, изменяются определенные понятия. Думаю, изменился и я. ...Может, обеднил себя в какой-то степени, работая на Западе. Здесь было можно (не знаю, можно ли будет сейчас, с переходом на хозрасчет, работать так, как мы в свое время) построить деревню, снять эпизод, потом построить деревню во второй раз и снять этот же эпизод через год. На Западе же надо быть абсолютно подготовленным до конца. Здесь свои последние картины я бы снимал по-другому. У меня было бы больше свободы самовыражения. Я имею в виду не идеологическую, а язык, синтаксис.

— Многие русские деятели культуры работают за рубежом. Создалась ли, по вашему мнению, определенная традиция русской эмигрантской культуры?

— Мне кажется, что деление на наших и «ихних» искусственно. В XIX веке многие русские писатели, живя за границей, создавали произведения, которые мы проходим в школе — хрестоматийную русскую литературу. В двадцатые годы произошел водораздел. Появилась стена. Люди, уехавшие туда, потеряли свою Россию. Рахманинов говорил: России, которую я знал, не существует. Ему было очень трудно писать музыку, он потерял родную почву. У него экспроприировали все, во что он вложил деньги. Он очень любил свое гнездо, свое имение, его отняли, и Рахманинову пришлось уехать. Трагическая судьба... Трагические судьбы... Создали ли эти художники какую-то специальную ветвь? Я думаю, они продолжали быть русскими. Живя там, оставались частью России. Это связь непрерываемая. Ведь и Прокофьев писал свои произведения в Париже, а теперь их считают неотъемлемой частью советской культуры. Цветаева, великая русская поэтесса, писала в Праге. Это все едино. И делить, повторяю, не надо.

Я думаю, что теперь становится гораздо важнее единство всех людей мира. От этого зависит судьба планеты, выживание человечества. И если мы об этом не будем думать, то через несколько десятилетий и борьба классов не поможет. Зачем, как сказал кто-то, грызть друг другу глотки из-за «единственно правильного пути»?

Американцы абсолютно убеждены, что их система единственно лучшая в мире. Поэтому, приезжая к нам, они мгновенно начинали нас учить: у вас нет никакой свободы и т. д. Нации очень различны, и нельзя прилагать к ним одни и те же законы. Мы все чрезвычайно разные. И вот когда мы поймем эту нашу разность, научимся ее уважать, тогда и начнутся настоящие взаимоотношения. Должна быть терпимость к различию.

— Не беспокоит ли вас, что фильмы, созданные вами за рубежом, практически недоступны советскому зрителю?

— Очень беспокоит! Я мечтаю, чтобы эти картины были куплены и советский зритель их увидел. Я слышал, что такие возможности появляются.

Не так давно Госкино организовало просмотры моих картин. Дело в том, что мне в прошлом году исполнилось 50 лет. Было большим счастьем, что вышла «Ася», которая 20 лет была запрещена. Показ этих картин ознаменовал для меня исторический момент: я наконец перестал быть искусственно отрезанным. Наши отношения с Госкино стали естественными.

И, судя по тому, как мои картины смотрели здесь, как реагировали, мне кажется, что их примут гораздо с большим энтузиазмом, чем где-либо в мире. Потому что они — русские. ...Как-то говорили: Кончаловский продался, занялся коммерческим кино. Это была странная реакция.

— А это не коммерческое кино?

— Абсолютно! Я никогда... то есть я был бы рад, если бы оно было коммерческое. Ведь это значит, что все люди хотят смотреть. Что же в этом плохого? Я бы хотел разделить радость с каждым человеком, чтобы на мои картины миллионы стояли в очередях. Нет ничего печальнее для режиссера, чем видеть публику зевающей. Но, к сожалению, еще нужно, чтобы твои картины нравились тебе самому. И здесь весь вопрос — сочетал или нет...

Моя картина «Поезд-беглец» могла быть коммерческой. Она снята по сценарию Куросавы, великого художника, и у него это довольно коммерческий сюжет. Но там, по-моему, есть и глубокая философская концепция. Люди убегают из тюрьмы и попадают на проходящий поезд. Они на свободе. А поезд остается без машиниста. Машинист умер. И они на полной скорости несутся в этом поезде. Свободны они или нет? Вот вам относительность свободы. Для меня было чисто снять этот сценарий.

Питер Брук однажды сравнил великое произведение искусства с пирамидой, поставленной на острие. Поверхность этой пирамиды охватывает максимальное количество людей. Но чем глубже произведение, тем более узкая и просвещенная часть зрителей, я бы сказал, элитарная, понимает всю глубину. Великое произведение искусства, мне кажется, всегда многослойно. Поэтому я ориентирую себя на классические образцы.

— Однажды вас спросили, не хотели бы вы снять что-то подобное «Асе Клячиной». И вы сказали, что сейчас бы взяли тему более сенсационную: еще живы люди 20-х, 30-х, 40-х годов, и если бы вы что-то подобное делали, то об этом. Эти ваши слова были просто теоретизированием или подобные планы есть в действительности?

— Планы есть и были всегда. Меня очень занимало, что такое Россия, в том смысле, что... Вот когда вы читаете Достоевского, Чехова, какого-нибудь большого русского писателя, вы видите, что он свой народ любит не слепо. У каждой нации есть свои достоинства и недостатки. У Чехова, например, есть такая фраза: «Когда в нас что-нибудь неладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим: «Это француз гадит, это жиды, это Вильгельм...»Это призраки, но зато как они облегчают наше беспокойство!». Вот это очень свойственно русскому человеку — сваливать вину на тех, кто обладает властью. И очень часто находят «козла отпущения». Вот сейчас то, что происходило, сваливают на Сталина и Брежнева. А я задаю себе вопрос: где же были русские-то люди? Где была нация, чем она занималась? Кто голосовал? Кто стучал? Кто расстреливал? Евреи? Иностранцы? Очевидно, что не только Сталин виноват в отсутствии свободы, но и сами люди, которые не сумели ее защитить.

У Чаадаева есть фраза: «Любовь к отечеству — прекрасная вещь. Но еще более высокая — любовь к истине». Или: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло. Теперь прежде всего мы обязаны родине истиной». И мне очень хочется сделать картину и о Рахманинове, и о сталинском времени. Понять природу — откуда вырос этот культ? Почему? Как взаимоотносятся власть и русский индивидуум?

И я готовлю сценарий о советской, очень простой семье, живущей во времена Сталина.

— И где будете его снимать?

— В Москве, на «Мосфильме», скорее всего.

— Как же вы будете работать с нашей пленкой и аппаратурой?

— Ну, пленку и аппаратуру, используя свои возможности, свои связи с Западом, думаю, я смогу достать. Важно написать правильный сценарий.

Человека переменить нельзя. За сто, двести, тысячу лет нация практически не изменилась. Есть этногенез — береза как жила, так и будет березой. Ее можно срубить, но корни останутся, и вырастет то же дерево. Так и люди. Человека нельзя освободить больше, чем он свободен изнутри. И для меня важно, как я могу помочь человеку понять самого себя. Понять, что он свободен больше быть не может и, может быть, даже не должен. Я вообще немного «съехал» на почве свободы, потому что это очень важный момент. И это меня интересует в картинах, которые я хочу делать здесь.

— Что вы думаете о столь часто обсуждаемой сегодня проблеме совместных постановок?

— Часто режиссер и группа хотят работать там, где есть заграничные поездки. Не волнует, хорош ли сценарий, режиссер, важно поехать, посмотреть, купить одну вещь — на большее просто не хватит денег. Поскольку это состояние само по себе ненормально, оно, естественно, отражается на всей психологии совместных постановок... Если вопрос выезда перестанет быть таким острым и рубль станет конвертируемым, проблема перейдет в другую плоскость. Режиссеры будут заинтересованы сделать картину, которая принесет какие-то деньги, будет иметь успех.

Еще десять лет назад я писал в инстанции, что положение, при котором — я уже не говорю об Америке, но в Европе, где зарубежные картины смотрят с гораздо большим интересом,— наше кино известно только синемафилам, ужасно. Мы загубили несколько удивительных возможностей для открытия им наших актрис — Самойловой, Чурси-

ной (американские компании предлагали им большие контракты). Чего мы этим добились? Эти актрисы имели шанс стать международными звездами. Пускай бы они снимались в каком-нибудь голливудском барахле, но завоевали бы имя, при котором открываются и другие возможности. Люди, особенно в Америке, идут смотреть на звезду. И мы получили бы возможность американцам хотя бы приоткрыть, что русское кино — не только бесконечно скучные картины с огромным количеством народа, ходящего слева направо со знаменами и справа налево — со штыками...

Я считаю, что надо стараться создать все возможности для наших артистов, наших режиссеров заключать контракты. Если есть шанс, его использовать. Учиться, проваливаться, но снимать там как можно больше еще и по другой причине. Наши по-другому начнут мыслить. Будут оценивать собственное кино в контексте мировой культуры. У нас же нет представления о стилистике, царит домашний сюрреализм. Смотрят по 16 раз картину Феллини и думают: сделаю лучше. Глядишь — и Феллини, и Антониони, и Бюнюэля, и Куросаву — всех налепил в кучу, и сбивы времени тебе, и черно-белое, и цветное, и молчание по шесть минут... И думает, что таким образом забьет всех. Чем больше мы будем видеть другое, экспериментальное кино, тем больше будем становиться самими собой. К самому себе приводит только отсутствие изоляции.

— Конечно, совместные постановки в этом смысле дают шанс. А можно говорить о том, что путем этих постановок мы сможем завоевать мировой кинопрокатный рынок?

— Говорить так нельзя — «не до жиру, быть бы живу». Можно говорить о том, что у нас есть режиссеры мирового класса, которые абсолютно неизвестны на Западе. Вот, например, оба Шенгелая. Георгий сейчас будет снимать «Хаджи-Мурата». Надеюсь, с американским и немецким капиталом, с хорошей пленкой, с роскошными костюмами. Может, пригласит де Ниро. Сценарий должен быть сделан так, чтобы его смотрел весь мир. Перед Георгием Шенгелая в первый раз открыта возможность рассказать о своем существовании другим странам. А для этого нужны средства — то есть совместная постановка.

— А как вы относитесь к творчеству своего брата Никиты Михалкова? К его последней картине «Очи черные»?

— С удивительным интересом. Я бы даже сказал — с определенной завистью. Это связано с обаянием, которое ему присуще и в жизни, и в творчестве. Его картины очень отражают его самого, они также чрезвычайно обаятельны. Хотя с их философской концепцией иногда мне трудно согласиться.

— Ну да, вы как-то сказали, что вы — западник, а он — славянофил...

— Ну, это разделение... Пожалуй, скорее так: я западник, когда пересекаю границу СССР в нашу сторону. А когда выезжаю туда, то становлюсь славянофилом.

Так вот, мне кажется, что мой брат обладает исключительной кинематографической пластикой. Я могу у него учиться, как он пользуется общим планом. У него есть способность — редкая и заимствованная у больших режиссеров — сосредоточиваться на второстепенном в кадре: улететь за шляпой, например. Это тенденция, идущая от Чехова, и он ей пользуется виртуозно.

Что же касается его последней картины, «Очи черные», она вызвала много недовольства, я не знаю, с чем связанного. Я отношу ее к одной из картин, где он двигается в определенном направлении. Мне не кажется, что это лучшая его картина. Лучшие — это «Механическое пианино» и «Пять вечеров». В них он удивительно сосредоточился, умерил себя, и там не было перебора, порой ему свойственного. Тем не менее я завидую его виртуозности, способности разводить мизансцены. Он каллиграф. Я же человек нетерпеливый, для меня есть сцены неважные и важные. На важной сцене я могу сидеть до опупения, потому что знаю — тут сосредоточено определенное философское кредо, а «соединительную ткань» могу снять небрежно. Для Никиты нет неважных эпизодов. Он снимает каждый как самый главный. Я же мыслю по-другому, с возрастом все более полагаюсь больше на интуицию, чем на тщательную подготовку. Может, в этом режиссерская лень, а может — техника...

— Я хочу спросить о влиянии на вас Сергея Михалкова, вашего отца. Мне иногда кажется, что он сыграл большую роль в вашем духовном развитии, даже независимо от вас... Вы не чувствуете иногда в своих поступках почти генетического влияния?

— Безусловно, родители накладывают огромный отпечаток, думаю, в любом случае. Нашим воспитанием в основном занималась мать. Живопись, музыка — все это было в доме благодаря ей. А отец... Я стал с ним сближаться в последние годы. У нас был период крупных разногласий, были споры. Но особенно близким он стал в последние десять лет, когда я сам состарился, стал отцом и начал понимать его проблемы, все обаяние его литературы для детей.

Поэтому, чье влияние больше — я не могу сказать. В общем-то наша семья была построена на традициях больших русских семей. Уважение к старшим всегда считалось хорошим тоном.

— Какие видятся вам проблемы в нашем сегодняшнем кинематографе?

— Сейчас большая проблема, что дали свободу. Снимай что хочешь. И все вдруг растерялись. Невозможно снимать только про тридцать седьмой год, про то, как арестовывают по ночам. Из этого кино не вырастает. Оно вырастает из оценки события.

И критики растерялись тоже. Раньше картину судили по тому, какие скрытые кукиши, идеи там видны. А когда оказалось нужным судить не по идеям, а просто по искусству, оказалось, что это трудно. Оказывается, для этого надо иметь культуру. И для того, чтобы что-то сказать, надо иметь способность оценить. Нас не профессии надо учить, а способности самостоятельно мыслить. А качество мысли зависит от уровня культуры.

И еще. Я против того, чтобы, когда разрешили быть смелыми, все очень ретиво и легко стали смелыми. Теперь говорят, что некоторые режиссеры чуть ли не голодали в период Брежнева. Я не знаю, кто голодал, я этих людей не видел. И неправда, что голодал Тарковский. У него была тяжелая жизнь, картины запрещались, но он не голодал. Я знаю, были режиссеры, которым не давали работать. Но действительно трагическую судьбу имели двое: Муратова и Аскольдов. Но все равно шестидесятые отметать нельзя. И что бы ни делал Бондарчук... Да, он снимал не очень хорошие картины. Но за то, что снял «Судьбу человека», дальше он мог снимать бог знает что, и его нельзя сбрасывать со счетов. Поэтому наивно разрушение одного пантеона и замена его другим.

Мы коррумпированы все равно. Правильно сказал один режиссер в ленинградском Союзе: мы коррумпированы дружбой. Картина плохая, но мы никогда ее не ругаем, потому что снял друг. А как скажешь правду, он тут же становится врагом. Но может ли развиваться искусство, если не говоришь друг другу правду?

Важная вещь — терпимость. Если мы не научимся терпимости, мы никогда не научимся свободе. Есть замечательная формула: я ненавижу ваши мысли, но я отдам жизнь за то, чтобы вы имели возможность их высказать.

Виталий ВИТАЛЬЕВ

ПАМЯТНИК ОЧЕВИДЦУ

ПРОШУ СЛОВА!

Душный августовский день 1988 года. И хотя эпоха застоя давно миновала, воздух буквально застыл от влажного кавказского зноя. Группа измученных впечатлениями экскурсантов, послушно осмотрев панораму новороссийских цементных заводов и прочитав лозунг «Цемент — это мы с вами, товарищи рабочий класс!», украшающий проходную одного из этих заводов, прибывает на автобусе к «Мемориальному комплексу «Малая земля». Группа и впрямь слегка зацементировалась от жары и потому, наверное, все не сразу замечают вдали странное сооружение — наклоненную под углом 45° к земле железобетонную конструкцию, которая, кажется, того гляди и рухнет.

Экскурсовод поясняет, что сие сооружение призвано символизировать собою нос корабля. Подойдя поближе к символическому носу, мы различаем на одном из символических бортов символического корабля отнюдь не символическую, а вполне конкретную надпись золотыми буквами. Под ней — опять же до глубокого удовлетворения знакомая подпись. «А здесь вы можете прочесть слова очевидца событий на Малой земле Леонида Ильича Брежнева»,— говорит экскурсовод, не подозревая о том, что на ходу изобрела новое почетное звание — «очевидец»...

Я вспоминаю, как приходил к этому мемориалу четыре года назад. Тогда речь экскурсовода была несколько иной и звучала примерно так: «С правой стороны величественного монумента — отрывок из исторической речи выдающегося государственного деятеля современности, прославленного полководца Леонида Ильича Брежнева»...

Четыре года понадобилось, чтобы выдающийся деятель превратился в простого очевидца.

Однако очевидец оказался не столь уж и простым. Это выяснилось чуть позже, когда наша группа вкатилась в чрево символического корабля, оказавшееся довольно просторным и прохладным. Здесь все дышало «выдающимся очевидцем». С его гранитного барельефа начиналась портретная галерея героев Малой земли. Цитаты из не его произведений, но за его подписью были повсюду. Пространный отрывок из книги «Малая земля» служил фоном для (опять-таки!) символического сердца, которое то загоралось, то потухало под светом прожекторов. Отрывок был исполнен рубиновыми буквами, имитирующими почерк вождя. Другая цитата из той же книги — на сей раз позолоченная — красовалась перед выходом из музея.

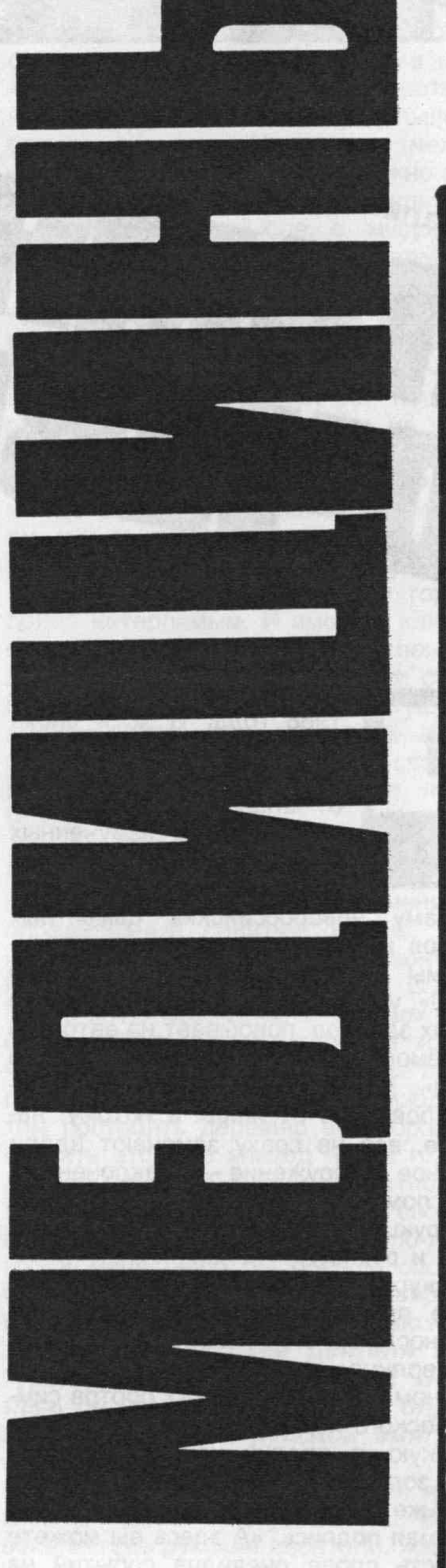
Я глядел на откровенно пошленькое сердце — яркий образчик характерного для недавней эпохи стиля «кич» — и думал об... авторском праве. Ведь если известно достоверно, что «Малую землю» написал не Брежнев, то и подписи под цитатами следует сменить, скажем, на «Коллектив авторов»...

Думал я и о том, какое право имели устроители помпезного и — прямо скажем — безвкусного мемориала превращать его в памятник одному человеку — пусть даже и очевидцу событий на Малой земле...

И еще об одном праве думал я тогда — о праве памяти. Памяти о сотнях бойцов, действительно сражавшихся за Малую землю, об их командире Цезаре Куникове, погибшем на этой земле. Именно им — этим бойцам — и должен быть посвящен мемориал. В нынешнем же виде ансамбль «Малая земля» представляет собою памятник разве что эпохе застоя, когда все наши победы приписывались одному человеку, бывшему на деле всего лишь заурядным очевидцем.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

НОВЫЙ „ЛиК“ МЕДИЦИНЫ

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

ПОЛОЖЕНИЕМ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ СТРАНЫ СЕГОДНЯ ОЗАБОЧЕНЫ ВСЕ — И БОЛЬНЫЕ, И ЗДОРОВЫЕ, И ПАЦИЕНТЫ, И ВРАЧИ. ЛЮДИ ДУМАЮТ, ПОДСКАЗЫВАЮТ РЕШЕНИЯ, ИЩУТ, ПРОБУЮТ... НЕДАВНИЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД ВРАЧЕЙ НАГЛЯДНО ПОКАЗАЛ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ В ЭТОЙ ВАЖНЕЙШЕЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА СФЕРЕ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА. МНОГИЕ ДЕЛЕГАТЫ СЪЕЗДА С ГОРЕЧЬЮ КОНСТАТИРОВАЛИ, ЧТО КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СТИЛЬ В РАБОТЕ СОХРАНИЛСЯ И МЕХАНИЗМА, КОТОРЫЙ ОБЕСПЕЧИТ ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ В ПЕРЕСТРОЙКЕ МЕДИЦИНЫ, ПОКА НЕТ.

НЕ ПРОШЛО И МЕСЯЦА, КАК, СЛОВНО ПОДТВЕРЖДАЯ «КОМАНДНЫЙ СТИЛЬ РУКОВОДСТВА», МИНЗДРАВОМ СССР БЫЛ ИЗДАН ПРИКАЗ, РЕЗКО ОГРАНИЧИВАЮЩИЙ ВОЗМОЖНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ КООПЕРАТИВОВ. ОБЕСПОКОЕННЫЕ ВРАЧИ-КООПЕРАТОРЫ СОБРАЛИСЬ НА СВОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД...

ВСЕГО ОДИН ГОД

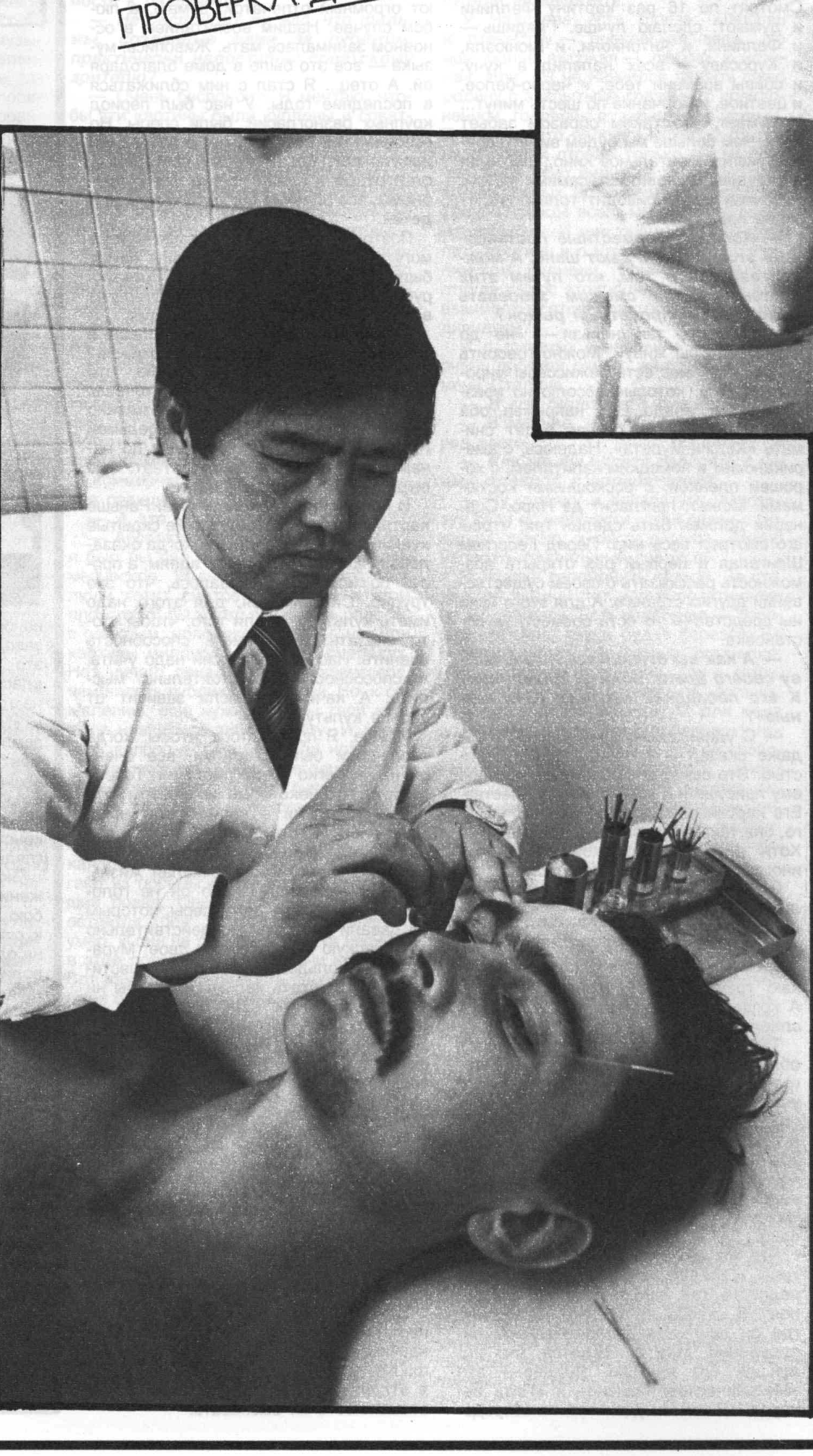
Год назад в стране медицинских кооперативов не было. Сейчас их сотни. Они возникли не только в Москве, но и в других городах страны, по справедливости считая себя порождением перестройки.

Первый из таких кооперативов, «Лечение и консультация» («ЛиК»), всего за год работы из небольшой, в три кабинета поликлиники превратился в мощное объединение. Тут ведут прием более семисот врачей высшей категории, кандидатов и докторов наук. Среди высококвалифицированных специалистов есть академики и члены-корреспонденты АМН СССР.

Запись к врачам ведется без направлений, паспортов и прочих документов. Если больной не знает, к какому специалисту ему следует обратиться, регистратор, узнав жалобы пациента, подскажет адрес. Картотека как таковая отсутствует — карточку искать не надо, она со всеми записями и анализами всегда находится у больного. Врача можно вызвать на дом. Стоимость консультации — 10 рублей, столько же получает за час работы специалист, ведущий прием.

Пациенты, обращающиеся в «ЛиК», как правило, сложные, «хроники», часто с неустановленным диагнозом, уже помыкавшиеся по своим поликлиникам. Они требуют повышенного внимания. Недавно к взрослым прибавились и дети. Более тридцати процентов лечащихся — из других городов.

Чтобы помочь приезжим устроиться

в Москве с жильем, где так трудно с гостиницами, кооператив вступил в переговоры с туристским объединением «Измайлово». Впервые в нашей стране появился медицинский туризм, кстати, существующий во всем мире. Теперь и у нас можно купить путевку на срок от трех до десяти дней, гарантирующую номер в гостинице комплекса «Измайлово», трехразовое питание, в том числе и диетическое, круглосуточное дежурство медсестры в гостинице, медицинские консультации на месте, в Измайлове, и поликлиниках кооператива, а также обычные туристские мероприятия — экскурсии, посещение музеев, театров.

— «ЛиК» включает шесть поликлинических отделений в разных районах Москвы и два стационара,— поясняет председатель кооператива, один из его создателей, Владимир Сергеевич Воронченко.— К нам за советом обратилось руководство хозрасчетной гомеопатической поликлиники. Их стационар оказался нерентабельным, поликлиника терпела убытки.

Мы побывали у своих коллег и поняли, что сделать учреждение рентабельным в старых рамках невозможно. В свою очередь, главврач гомеопатической поликлиники Мария Михайловна Жукова, представители парткома и профкома ознакомились с работой кооператива и решили с нами объединиться. Руководство московского здравоохранения поддержало решение. Так возникла новая форма слияния государственного и кооперативного учреждений, делящих прибыль на долевых началах. Надеемся, что теперь из убыточной больница превратится в рентабельное учреждение, даст прибыль, что станет весьма существенным источником финансирования городского здравоохранения. Средства можно пустить на развитие той же гомеопатии, науки, весьма нуждающейся в поддержке. Слишком долго была она «золушкой» медицины.

С удовлетворением говорил Воронченко о новом стационаре «ЛиКа», где больные находятся 10—12 дней, о стационаре одного дня матери и ребенка. Ведь многие хирургические операции — косметологические, отоларингологические — требуют малого срока госпитализации.

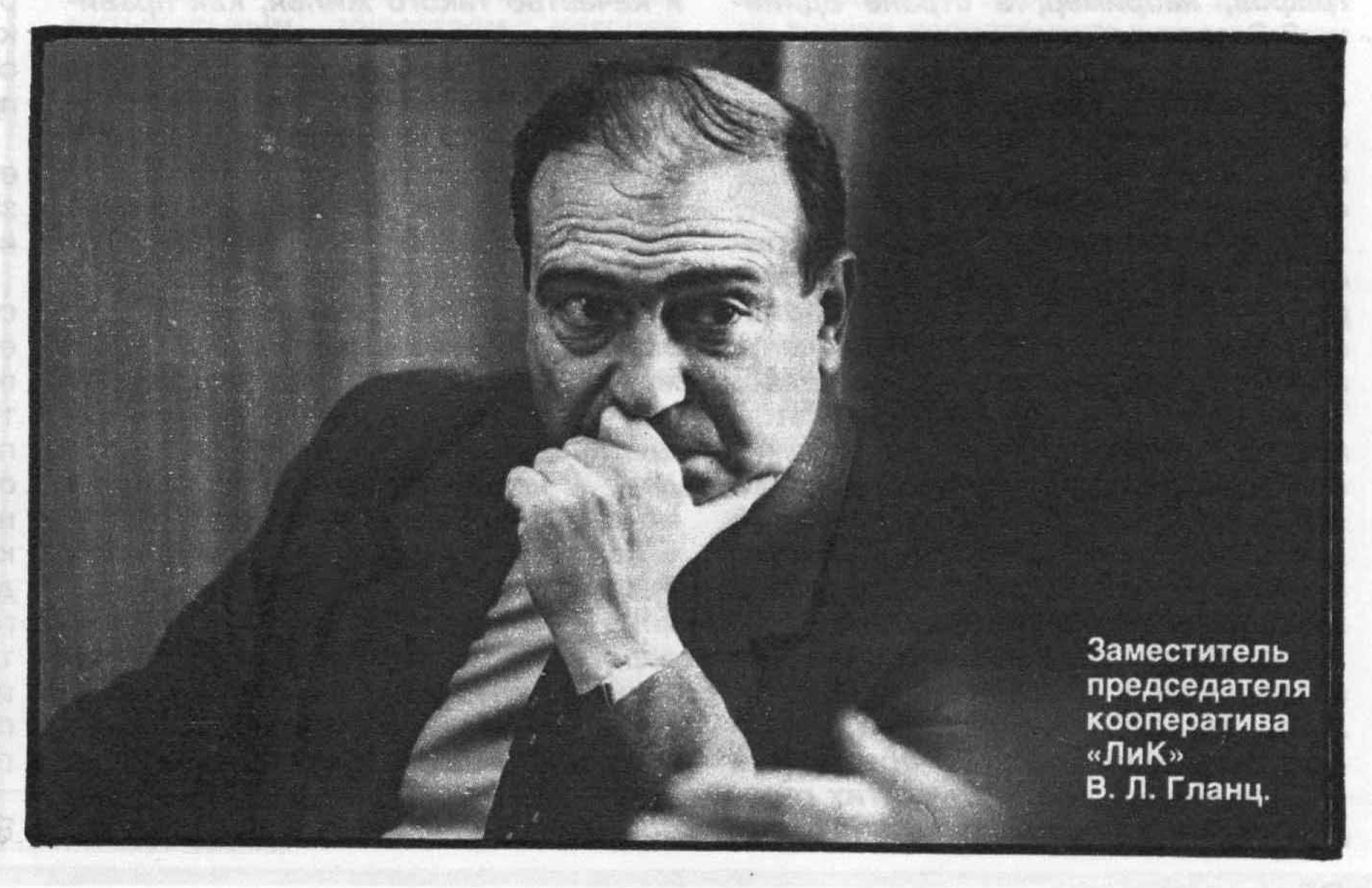
— Создается весь комплекс услуг по планированию молодой семьи,— подчеркивал Владимир Сергеевич,— лечение бесплодия, генетическая консультация, помощь врача-сексопатолога, гинекологические операции, микроаборты, о проблеме которых писал и ваш журнал.

Закон о кооперации дал нам возможность заниматься и внешнеэкономической деятельностью,— продолжал Воронченко.— С американской корпорацией «Беруса» мы создаем совместное предприятие для обслуживания советских и иностранных граждан за валюту.

Предприятие сможет также проводить выставки нового современного медицинского оборудования, рекламировать его. Мы получим возможность привлечь к исследованиям медицинские установки и приборы, созданные за рубежом, послать на стажировку в США работающих в кооперативе специалистов и принимать американских врачей у себя, отрабатывать совместные методики обследования и лечения больных. Договоры с корпорацией подписаны, деньги подсчитаны...

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА
Директор Института сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева, академик медицины В. И. БУРАКОВСКИЙ

— Вас интересует мое отношение к медицинским кооперативам? Извольте. Меня здесь привлекают выгоды, которые дает такое сотрудничество. У института или клиники оказываются дополнительные средства на развитие медицинской науки, приоритетных исследований. Это —

Заместитель председателя кооператива «ЛиК» В. Л. Гланц.

первое. Второе — появляются финансы на ремонт и профилактику медицинского оборудования, сложных установок, в основном зарубежных. И, наконец, третье. Если наш медицинский персонал (сами понимаете, в институтах, где разрабатываются новые операции и находятся тяжелые больные, все хирурги, анестезиологи, сестры «высшего пилотажа») работает сверх положенного времени, мы можем соответственно оплатить его тяжелый труд.

КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Купить дорогостоящие медицинские диагностические установки в нашей стране фактически невозможно — кооперативы стали искать пути арендовать оборудование, заключать договоры с лечебными и исследовательскими учреждениями, которые его имели.

Первыми откликнулись на призыв кооператоров институты Академии медицинских наук. За ними робко потянулись поликлиники и больницы. Кооператив заключал договоры на аренду помещения и оборудования в нерабочее время, а с теми, кто обслуживает приборы,— трудовые соглашения. Как правило, 30—40 процентов прибыли получал хозяин приборов и помещения.

Листаю толстую папку, где аккуратно подшиты экземпляры договоров «ЛиКа» с академическими, научно-исследовательскими институтами и лечебными учреждениями Москвы. В том числе и с Всесоюзным онкологическим центром, на оборудовании которого проводилось одно из сложнейших обследований — компьютерная томография. Кооперативная стоимость обследования для пациента 107 рублей. Здесь же финансовые документы, как расходовались деньги. Из 107 рублей врачи, сестры, инженеры получали 7 рублей, прибыль кооператива составляла 8 рублей. Почти 85 рублей с каждой процедуры шли онкоцентру, то есть государству, на улучшение онкологической помощи населению. Остальные — налог, ремонт и прочие отчисления.

И еще цифры. За полтора месяца «ЛиКом» обследовано на компьютерном томографе 230 человек. У 60 из них выявлена онкологическая патология.

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Заместитель председателя кооператива «ЛиК», кандидат медицинских наук В. Л. ГЛАНЦ

— Приказ Министерства здравоохранения СССР запрещает сдавать в аренду нам оборудование. В результате страдают пациенты. Разве не известно, что компьютерных томографов, например, в стране единицы? В ряде районов, даже республиках нет ни одной такой установки. Обследования больному приходится ждать очень долго. Будем честными и скажем о «теневой» медицине, о которой все знают и все молчат: подпольная рыночная цена на компьютерную томографию до тысячи рублей! Так, может, лучше для больного заплатить кооперативную цену, скажем, сто рублей? Официально. Тем более что 85 процентов от этой цены по договору идет не кому-то в карман, а государству — тому же онкоцентру на его научные работы. И еще: тот, кто имеет возможность сделать компьютерную томографию вовремя и бесплатно, к нам не обратится. Сюда идут отчаявшиеся, настоявшиеся в очередях... А получилось, что забота о больных, проявленная Минздравом, обернулась против них же. Люди из других городов взяли отпуска, купили билеты и приехали в Москву. И уехали ни с чем...

Томографы — частный случай. Меня же как врача с большим стажем беспокоит общая позиция по отношению к медицинским кооперативам, несправедливость, проявленная к нашим пациентам.

Министерство здравоохранения высказалось против лечебных и диагностических кооперативов, рекомендуя создавать лишь оздоровительные, по уходу за лежачими больными и кооперативы ритуальных услуг (что совсем непонятно, какое имеет отношение к медицине?).

Здесь не сходятся концы с концами. Почему, например, безнравственно брать деньги за лечение амбулаторного больного, а за уход за лежачим больным — нравственно?

У населения не без помощи чиновников от медицины, теряющих сейчас свои распорядительные функции, создается ошибочное впечатление, что медицинские кооперативы хотят полностью заменить бесплатное государственное здравоохранение. Чиновникам не нравится, что, существуя параллельно с бюджетным здравоохранением, кооперативы оказывают услуги часто как раз в тех сферах, где имеются явные недостатки в медицинской помощи населению, усовершенствование которой возможно только в условиях конкуренции. В этом смысле медицинские кооперативы — детище перестройки и одно из ее орудий.

Демагоги кидают нам упрек в нарушении принципа социальной справедливости, считая, видимо, что каждый истраченный трудящимися на охрану своего и своих близких здоровья рубль заработан нечестным путем.

Приведу параллель между кооперацией в сфере жилищного строительства и медицины. И та, и другая форма призвана привлечь средства трудящихся, помочь социалистическому государству в осуществлении его (государства) первейшей обязанности — обеспечении граждан достойным жильем и здравоохранением, гарантированным Конституцией СССР. Разница между этими двумя формами кооперации заключается в том, что жилье иногда можно подождать год-другой, а при болезни медицинская помощь нужна сегодня, завтра она опоздает. Никого не смущает то обстоятельство, что, заплатив не меньше десяти тысяч рублей, можно получить отдельную квартиру, скажем, лет на 5 раньше того, кто получает ее за счет государства. Но и государственное, и кооперативное жилье строят в одинаковых районах и сходного качества. Часто даже кооперативное строительство ведут в более удобных районах города, да и качество такого жилья, как правило, выше.

Минздрав действует по-другому. Советские граждане, решившие через медицинскую кооперацию хотя бы частично снять с государства финансовое бремя расходов на охрану своего здоровья, вынуждены обращаться за медицинской помощью в наиболее неудобное время (после окончания работы лечебных учреждений) и с целым рядом ограничений на использование современных диагностических и лечебных методов. А какое эффективное лечение может быть без диагностики?

Если неукоснительно следовать букве и духу Закона СССР о кооперации, то следует признать, что государственные и кооперативные (не частные!) лечебные учреждения должны быть равны в своих правах, а главное, в своих обязанностях предоставить пациентам квалифицированную медицинскую помощь.

ВЗГЛЯД ИЗ РАЙОННОЙ ПОЛИКЛИНИКИ

Когда главному врачу поликлиники № 42 Краснопресненского района Москвы А. С. Семенову кооператив предложил сдать в аренду помещение восстановительного отделения, Анатолий Степанович крепко задумался. Нет, не о том, стоит ли сдавать помещение. Отделение, где долечивались сердечники, легочники, больные после различных травм, работало в одну смену. Продлить часы работы у поликлиники не было возможности. Доктор Семенов задумался о другом — о моральных, этических аспектах сотрудничества с медицинским кооперативом, о том, что это даст поликлинике, пациентам. Он поставил кооперативу условие: в арендованном на вторую смену восстановительном отделении должны принимать врачи остродефицитных в районе специальностей, которых не хватало в поликлинике,— окулист, невропатолог, эндокринолог. Пациентов, имеющих возможность заплатить за прием десятку и остро нуждающихся в лечении, по договоренности стали направлять в кооператив. Но как быть с пенсионерами? Из пенсии заплатить десятку трудно, иногда просто невозможно. И тогда родилось такое решение: районная поликлиника имеет право каждую неделю посылать в кооператив к нужному специалисту до восьми своих больных (пенсионеров) бесплатно. Так же обслуживается молодежь. Ведущий прием в кооперативе врач ничего об этом не знает — он получает свои 10 рублей в час, но не за счет больного, а за счет прибыли кооператива.

Семенов сумел повернуть дело так, что арендующий у него помещение кооператив стал чем-то вроде структурного подразделения районной поликлиники. Если больной его района собирается обратиться в «ЛиК», где принимают врачи более высокой квалификации, то обследование и анализы поликлиника полностью берет на себя, и на консультацию к профессору пациент идет «во всеоружии», получая за свою десятку максимум, не тратя деньги на анализы и предварительный прием. Так кооператив помог в какой-то степени разгрузить районного врача, работающего с большой нагрузкой.

Кроме того, у бедной районной поликлиники появились теперь реальные деньги, полученные за аренду помещения. Главврачи районных поликлиник знают, какая пытка для них мелкий ремонт помещения, водопроводчики, электрики, грузчики, когда необходимо перенести из кабинета в кабинет установки, разгрузить новое оборудование. Ведь своими силами не обойдешься — работают почти сплошь женщины. Как платить? Наличных денег у поликлиники нет. Разрешенные по договору сто рублей в год берегут на зиму — «на крышу» — заплатить тем, кто будет сбрасывать снег, ремонтировать, если протечет.

Я поинтересовалась, сколько получает теперь поликлиника за аренду. Оказывается, около четырех тысяч рублей в квартал!

— Сначала мы положили деньги на счет своего профсоюза,— рассказывает Анатолий Степанович Семенов,— но потом решили оставлять деньги на счету кооператива и брать их по письму поликлиники по мере надобности. Мы отремонтировали и утеплили помещение поликлиники, купили мебель, кое-какие медицинские приборы, оплатили для детей сотрудников пионерские лагеря, ясли, нуждающимся в лечении сотрудникам путевки в санатории. Словом, сделали все, что нашли нужным профсоюзная и партийная организации поликлиники.

— Участковые врачи ходят на дом. Если у доктора есть личная машина и он хочет ездить на ней на вызов, может ли поликлиника из арендных денег оплачивать ему бензин, амортизацию?

— В принципе да, хотя это будет нам дорого. Но поскольку машина создает удобство и врачу, то можно договориться и по обоюдному согласию лишь доплачивать ему какую-то сумму. Однако для участкового врача машина большая редкость, сами знаете о нашей зарплате...

— А увеличить зарплату сестрам и врачам за счет денег, полученных с кооператива, вы можете?

— Честно говоря, именно поэтому я завел отношения с кооперативом. Но пока боюсь,— признается Анатолий Степанович.— Кооперативное движение развивается быстрее нашего законодательства, и многое еще не ясно. Прибавить деньги к зарплате можно, если всем поровну. А надо ли поровну? Сегодня нет еще объективной информации о качестве работы врача, нет четких критериев труда медиков для дифференцированной оплаты. Над этим мы как раз и работаем, чтобы в следующем году рискнуть.

СТАТИСТИКА ЗНАЕТ ВСЕ

Побывала я и в НИИ труда Госкомитета СССР по труду и социальным вопросам, где почти год ведутся исследования социально-экономических проблем кооперативной и индивидуально-трудовой деятельности по оказанию медицинской и культурно-оздоровительной помощи населению.

Опрос и анкетирование показали, что 50,4 процента населения полностью одобряют создание лечебных кооперативов, 14,9 процента не одобряют. Любопытно, что анкетирование на ту же тему среди медиков — работников административно-хозяйственного и управленческого аппарата дало иные цифры. По их мнению, лишь 30,8 процента населения одобряет создание лечебных кооперативов. Что касается самих практикующих медиков, не работающих в кооперативах, то 42,2 процента целиком и полностью поддерживают кооперативы, так как считают их деятельность важной для общества; 17,4 процента не поддерживают, полагая, что работа в кооперативе снижает отдачу врача и медсестры на основной работе; 8,7 процента категорически против, они убеждены, что индивидуальная и кооперативная деятельность разжигает частнособственнические интересы.

На вопрос, можно ли работать врачу и медсестре только в кооперативе, больше половины опрошенных медиков ответили «да» (61,5 процента) и 28,6 процента сказали «нет».

НИИ труда проводил исследования и о том, что препятствует вступлению медиков в кооператив. На первом месте, особенно у женщин, отсутствие свободного времени (28,5 процента), на втором — недостаток информации о медицинских кооперативах (27,9 процента). 1,2 процента сослались на недоброжелательное отношение к медицинским кооперативам.

Был в анкете и вопрос об отношении медиков к аренде по месту основной работы помещения, оборудования, приборов. За аренду помещения высказались 65,8 процента, против — 19,9; за аренду оборудования — 65,2 процента, против — 19,9; за аренду приборов — 64,6 процента, против — 19,9.

Средний возраст заполнивших анкеты — 38 лет. Средняя зарплата по месту основной работы — 156 рублей 60 копеек.

А вот данные о зарплате врачей, сотрудничающих в медицинских кооперативах. Речь идет о врачах экстра-класса, в том числе и о профессорах. За прием больных в течение пяти часов в неделю врач получает в месяц от 180

до 200 рублей. Медсестра, получая по 2 рубля 50 копеек в час, в месяц зарабатывает 200—240 рублей.

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА
Научный сотрудник НИИ труда Госкомитета по труду и социальным вопросам
В. Н. МИХАЙЛОВА

— После анкетирования стало ясно, что свыше половины населения относится к созданию медицинских кооперативов положительно. Наибольшую осторожность проявляют работники административно-хозяйственного и управленческого аппарата.

Год существования лечебных и спортивно-оздоровительных кооперативов показал, что работают они наиболее успешно в тех направлениях, где бюджетное здравоохранение не удовлетворяет спрос населения.

Известно, как нелегко больному «простому советскому человеку» попасть на прием к профессору, медику высокого ранга. Именно такие врачи консультируют в медицинских кооперативах. В кооперативах «Диагностика» и «Гиппократ» 70—75 процентов сотрудников — кандидаты и доктора наук, профессора; в кооперативе «ЛиК» их свыше 90 процентов. Наибольшее число посещений в кооперативах падает на те области медицины, которым до сих пор уделялось мало внимания, наибольшее количество заявок — на обследования, где существует длинная очередь.

Особенно нас интересовала проблема взаимодействия кооперативного и бюджетного здравоохранения. Ведь есть существенное отличие медицинской кооперации от других ее форм. Покупая товары и услуги в кооперации, население уменьшает доходы государственных предприятий. Расходуя же свои собственные средства в медицинских кооперативах, оно увеличивает суммарный бюджет здравоохранения, уменьшает нагрузку на государственные поликлиники и больницы. Представляется вполне реальным уже в ближайшие год-два привлечь через широкую сеть кооперативных лечебных учреждений к нуждам здравоохранения дополнительно к бюджетным ассигнованиям до 12—15 миллиардов рублей ежегодно.

НЕ КОНФРОНТАЦИЯ, А СОТРУДНИЧЕСТВО

Под таким лозунгом проходил недавно чрезвычайный съезд медицинских кооперативов. Выступившие делегаты говорили о необходимости сотрудничества кооперативных и бюджетных медицинских учреждений, подчеркивая их взаимные выгоды для решения общей цели — максимального обслуживания больных. И в то же время в выступлениях звучала обида, сыпались упреки в адрес Министерства здравоохранения СССР, по мнению участников съезда, не разобравшегося из-за отсутствия объективной информации в кооперативном медицинском движении. Любые поспешные решения здесь неуместны.

Делегаты, представляющие медицинские кооперативы на периферии, были особенно резки — суперцентрализация не оставляет никакой инициативы другим методам, появился повод к массированному наступлению на кооперативы, которым с удовольствием воспользовались чиновники на местах.

Со всей откровенностью говорилось на съезде о «теневой» медицине, о «позвоночных» пациентах, лишившихся своих привилегий, о простаивающем без пользы диагностическом оборудовании в то время, как больные ждут месяцами обследования. Запрет Минздрава сдавать это оборудование в аренду, кроме всего прочего, ограничивает участие в кооперативах врачей по функциональной диагностике и медиков ряда других специальностей, которых уже сегодня не хватает, а завтра не станет совсем.

Восемьдесят процентов диагностического медицинского оборудования находится в стационарах, оно недоступно обычным амбулаторным больным. Строительство межрайонных диагностических центров — дело хорошее, но оно рассчитано на годы, а больным надо помогать сейчас, сегодня...

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА
Ответственный секретарь комиссии Мосгорисполкома по кооперативной и индивидуально-трудовой деятельности, кандидат экономических наук
А. А. ПАНИН

— Все медицинское оборудование в нашей стране куплено в основном на средства населения, население уже оплатило его стоимость из своих налогов.

В силу разных причин загружено оборудование не на сто, а лишь процентов на сорок. Кооперативы берутся использовать его более полно, но получая с пациента сумму денег, в которую входит не только стоимость работы врача, инженера, сестры, но и арендная плата, возвращаемая хозяину приборов, т. е. государству. Таким образом, получается, что население дважды оплатило медицинское оборудование, а государство (не кооператив!) дважды получило деньги.

Минздрав недоволен высокой ценой за обследование, взимаемой кооперативом с пациента. Но ведь в воле именно Минздрава снизить эту цену сразу примерно на 80 процентов, уменьшив арендную плату или в данном случае вовсе отказавшись от нее. Во всяком случае, цена должна устанавливаться совместно. В то же время Минздрав мог бы предоставить возможность кооперативам приобретать неиспользуемое медицинское оборудование.

Больных же, особенно живущих на периферии, существующее положение удовлетворить не может. Запись на целый ряд обследований идет на месяцы вперед. В Институте нейрохирургии им. Бурденко на компьютерную томографию записывают сейчас на декабрь 1989 года. Больные из других городов вынуждены по нескольку раз приезжать в Москву, чтобы получить в Минздраве направление, записаться в институте и, наконец, в назначенное время обследоваться.

Вероятно, вопрос о более полном использовании диагностической аппаратуры можно решать разными способами, но для этого необходимы не просто новые ставки — надо дополнительно подготовить специалистов по функциональной диагностике, решить вопрос с кадрами, с новой оплатой труда медиков и еще целый ряд проблем. Минздрав же поспешил сначала «запретить», а теперь начал решать сложнейшие проблемы, что требует немалого времени. Как тут не напомнить руководителям министерства, что больные ждать не могут — речь идет о ранней диагностике болезни! Вопрос сложный. Надо всем вместе искать выход.

Население пошло в медицинские кооперативы. Чем успешнее они будут работать, чем их будет больше, тем дешевле для пациентов станет там лечение. Да и государственное бесплатное здравоохранение, получая от кооперативов большую помощь, не прогадает, а станет для больных более доступным.

ПОСЛЕ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ «ПОЛУРЕАБИЛИТАЦИЯ»

(«Огонек» № 48)

●

редакция получила ряд откликов

Центральное правление Всесоюзного музыкального общества считает статью Т. Емельянова «Полуреабилитация», опубликованную на страницах журнала «Огонек», весьма своевременной, а предложения по увековечению памяти выдающегося певца Федора Ивановича Шаляпина заслуживающими внимания.

На ближайшем заседании президиума нашего правления будет рассмотрен ряд вопросов, в частности: о ходатайстве перед Президиумом Верховного Совета РСФСР о восстановлении Ф. И. Шаляпина в звании первого народного артиста республики и о целесообразности присвоения имени артиста одному из высших музыкальных учебных заведений. По нашему мнению, таким вузом может стать Казанская государственная консерватория. С этим музыкальным центром России связаны многие страницы жизни и творчества Ф. Шаляпина.

ВМО обратится совместно с другими общественными организациями и органами управления культурой в соответствующие инстанции об учреждении в ряде консерваторий страны именных стипендий.

Музыкальная общественность считает важной вехой на пути мемориализации памятных мест, связанных с именем Федора Ивановича, открытие в Москве дома-музея Шаляпина. Мы убеждены, что этот музей должен быть исконно национальным достоянием, однако создание при нем своеобразного музыкального клуба друзей и почитателей гения Шаляпина, куда могли бы войти видные музыканты и любители музыки из нашей страны и из-за рубежа, безусловно, будет поддержано Всесоюзным музыкальным обществом, которое заинтересовано в расширении международных контактов в области музыкальной культуры и готово оказать со своей стороны посильную помощь.

В связи с проведением в 1990 году очередного Международного конкурса имени П. И. Чайковского президиум ЦП ВМО обсудит вопрос об учреждении для его участников-вокалистов постоянной специальной премии имени Ф. И. Шаляпина, которая будет присуждаться Всесоюзным музыкальным обществом.

Председатель правления
Всесоюзного музыкального общества,
народная артистка СССР
И. К. АРХИПОВА

Нам кажется неуместным просить сегодня вернуть Ф. И. Шаляпину звание народного артиста РСФСР — их сейчас предостаточно, а уникальный талант великого артиста и его всемирная известность никем и никогда не подвергались сомнению. Но вот одну из новых улиц Москвы назвать именем Федора Шаляпина было бы замечательно, и Секретариат такое решение принял. Улица в честь Ф. И. Шаляпина — живое свидетельство любви и уважения народа к памяти своего гениального соотечественника.

Председатель правления
Союза театральных деятелей РСФСР,
народный артист СССР
Михаил УЛЬЯНОВ

Союз кинематографистов СССР поддерживает предложения, выдвинутые в статье «Полуреабилитация» и берет на себя инициативу по созданию советско-франко-американо-итальянского художественно-документального фильма о великом артисте. Уже есть договоренность с режиссером Мариной Голдовской, которая готова осуществить проект.

Ближайшая задача перед нами — найти объединения в СССР и заинтересованные кинофирмы за рубежом для решения организационных проблем по фильму.

И. о. первого секретаря
правления Союза
кинематографистов СССР
А. СМИРНОВ

Мы обращаемся к Президиуму Верховного Совета РСФСР с настоятельной просьбой вернуть Ф. И. Шаляпину звание первого народного артиста Советской Республики: он заслужил это признание.

Мы обращаемся также к исполкому Моссовета: пора назвать именем Шаляпина улицу в Москве. Есть хорошая возможность: рядом с домом-музеем Шаляпина будет возведен Дом музыки (его проект уже готов), фасад которого украсит Кудринский проезд. Предлагается переименовать этот проезд в аллею Шаляпина. Она будет вливаться в улицу Чайковского, а музей Шаляпина и Дом музыки образуют новый музыкальный центр столицы.

Народная артистка СССР,
лауреат Ленинской премии
Елена ОБРАЗЦОВА,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии
Евгений НЕСТЕРЕНКО

Герман ПЛИСЕЦКИЙ

ТРУБА

В Госцирке львы рычали.
На Цветном
цветы склонялись к утреннему
рынку.
Никто из нас не думал
про Неглинку,
подземную, укрытую в бетон.
Все думали о чем-нибудь ином.
Цветная жизнь поверхностна,
как шар,
как праздничный, готовый лопнуть
шарик.
А там, в трубе, река вслепую
шарит
и каплет мгла из вертикальных
шахт.

Когда на город рушатся дожди —
вода на Трубной вышибает люки.
Когда в Кремле кончаются вожди —
в парадных двери вышибают люди.
От Самотеки, Сретенских ворот
неудержимо катится народ
лавиною вдоль черного бульвара.
Труба, Труба, ночной водоворот,
накрытый сверху белой шапкой
пара!
Двенадцать лет до нынешнего дня
ты уходила в землю от меня.
Твои газоны зарастали бытом.
Ты стать хотела прошлым позабытым,
веселыми трамваями звеня.

Двенадцать лет до этого числа
ты в подземельях памяти росла,
лишенная движения и звуков.
И вырвалась, и хлынула из люков,
и понесла меня, и понесла!

Нет мысли в наводненье — только
страх.
И мужество — остаться на постах,
не шкуру, а достоинство спасая.
Утопленница, истина босая,
до ужаса убога и утла...

У черных репродукторов с утра
с каймою траурной у глаз бессонных
отцы стоят навытяжку в кальсонах.
Свой черный бархат мягко
стелет там
безликий глас незыблемых устоев,
который точно так же клеветал,
вещал приказы, объявлял героев.
Сегодня он, как лента в кумаче:
у бога много сахара в моче...

С утра был март, в сосульках
и слезах.
Остатки снега с мостовых слизав,
стекались в лужи слезы пролитые.
По мостовым, не замечая луж,
стекались на места учеб и служб
со всех сторон лунатики слепые.
Торжественно всплывали к небесам
над городом огромные портреты,
всемирный гимн, с тридцатых лет
не петый,
восторгом скорби душу сотрясал.

В той пешеходной, кочевой Москве
я растворяюсь, становлюсь, как все,
объем теряю, становлюсь
картонным.
Безликая, подобная волне,
стихия подымается во мне,
сметая милицейские кордоны.

И я вливаюсь каплею в поток
на тротуары выплеснутой черни,
прибоем бьющий в небосвод вечерний
над городом, в котором бог подох,
над городом, где вымер автопарк,
где у пустых троллейбусов инфаркт,
где полный паралич трамвайных
линий
и где-то в центре, в самой
сердцевине,
дымится эта черная дыра...

О, чувство локтя около ребра!
Вокруг тебя — поборники добра
всех профсоюзов, возрастов
и званий.
Там, впереди, между гранитных
зданий,
как волнорезы поперек реки,
поставленные в ряд грузовики.

Бездушен и железен этот строй.
Он знает только «Осади!»
и «Стой!».
Он норовит ревущую лавину
направить в русло, втиснуть
в горловину.
Не дрогнув, может он перемолоть
всю плещущую, плачущую плоть...

Там, впереди, куда несет река,
аляповатой вкладкой «Огонька»,
как риза, раззолоченно и ало,
встает виденье траурного зала.
Там саркофаг, поставленный торчком
с приподнятым над миром старичком,
чтоб не лежал, как рядовые трупы.
Его еще приподымают трубы
превыше толп рыдающих и стен...
Работают Бетховен и Шопен.

Вперед, вперед — в водоворот Трубы!
Там, впереди, награда за труды,
там, впереди, проходы перекрыты.
Давитесь, разевайте рты, как рыбы.
Вперед, вперед, истории творцы!

Вам мостовых достанутся торцы,
хруст ребер и чугунная ограда,
и топот обезумевшего стада,
и грязь, и кровь в углах
бескровных губ...
Вы обойдетесь без высоких труб.

Спрессованные, сжатые с боков,
вы обойдетесь небом без богов,
безбожным небом в клочьях облаков.
Вы обойдетесь этим черным небом,
как прежде обходились черным
хлебом.
До самой глубины глазного дна
постигнете, что истина черна.

Земля, среди кромешной черноты,
одна как перст, а все ее цветы,
ее веселый купол голубой —
цветной мираж, рассеянный Трубой.
Весь кислород земли сгорел дотла
в бурлящей топке этого котла.

Опомнимся! Попробуем спасти
ту девочку босую, лет шести.
Дерзнем в толпе безлюдной быть
людьми,
отдельными людьми, детьми любви.
Отчаемся и побредем домой
сушить над газом брюки с бахромой,
пол-литра пить и до утра решать:
чем в безвоздушном городе дышать?

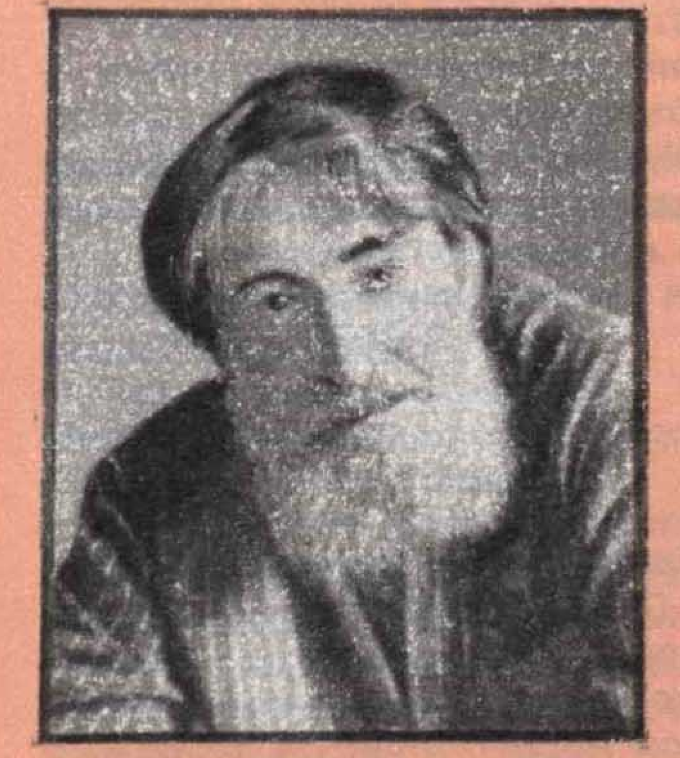
Труба, Труба! В день
Страшного Суда
ты будешь мертвых созывать сюда:
тех девочек, прозрачных, как слюда,
задавленных безумьем белоглазым,
и тех владельцев почерневших морд,
доставленных из подворотен в морг
и снова воскрешенных трубным
гласом!

Дымись во мгле, подземная река,
бурли во мраке, исходи парами.
Мы забываем о тебе, пока
цветная жизнь сияет в панораме
и кислород переполняет грудь.
Ты существуешь, загнанная вглубь,
в моей крови, насыщенной железом.

Вперед, вперед! Обратный путь
отрезан,
закрыт, как люк, который
не поднять...

И это все, что нам дано понять.

1965

Николай ПАНЧЕНКО

НЕЛЕГКИЕ УРОКИ

* * *

Нам не верят.
Не верьте, не верьте!
Тут одно оправданье — смерть.
Мы ходили на локоть от смерти.
Смели то, что и вам не посметь.
Но не верьте нам, дети и братья,
Не избывшие наших путей.
Пусть над прошлым висит,
как проклятье,
Дорогое неверье детей...

1962

* * *

Откинь занавеску —
сомнения нет! —
Нельзя в полумраке бороться...
— А если не выдержат истины свет
Очей торфяные болотца?

И даже не истины — жизни простой,
Когда расступаются стены...
— Откинь занавеску!
А впрочем, постой —
Дождемся большой перемены.

Ну, помнишь, как в школе,
на двадцать минут
За парой нелегких уроков...
— А если до этого нас проклянут
Потомки библейских пророков?

Толпа обезьян получила ножи,
И темные властвуют слухи...
— Откинь занавеску!
От собственной лжи
Мы истинно слепы и глухи.

1974

МУЗЕЙ 1937 ГОДА

Его откроют в доме на Лубянке,
О чем проинформирует печать,
Старушку с головою обезьянки
Приставят любознательных
встречать
И свет включать —
Где текст и панорама,
Где нараспев историк молодой
Прочтет стихи о горце
Мандельштама
Над сталинской трухлявой головой.

1961

1949-й
(стихи отчаяния)

Не люди, но нелюдь войну
начинает,
Пузатые бомбы чумой начиняет —
Ученая нелюдь, натасканный сброд.
Народ ни при чем —
Невиновен народ:
Окормленный злобой
И зельем опоен —
Он замертво пьян,
Он живьем упокоен,
Он вымочен, высушен,
Выжжен огнем —
Погиб он,
Лишь память бессмертна о нем.

1949—1953

НОЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Я умру некрасиво, в какой-нибудь
драке дурной,
Я поддых получу без суда
свою «высшую меру».
Кто-то, ночь пробуравив,
Глумится всю ночь надо мной,
День и ночь
За стеной
Кто-то жжет сатанинскую серу.

И дышу я черт знает чем...
Все-таки как-то дышу
В низколобости здешней неверными
струйками смысла.
И лечу или падаю? Или угрюмо вишу
Лошадиным ведром на тяжелом
крюке коромысла.

Я не злой — вот те крест! —
Неотходчивый, только — не злой,
Но чтоб свету очей твоих
Вышло до света продлиться,
Как мне хочется, родина,
вечнокипящей смолой
На твоих упырей опрокинуться
и пролиться.

Что впились, присосались —
Без крови и не оторвать.
Но от свадеб кровавых
Свежа еще рана сквозная...
. . . .
И уносит меня каравелла ночная —
кровать —
Стариковское ложе,
Наивная спинка резная.

1988

А. И. ЗЕРНОВ. 1891—1942.

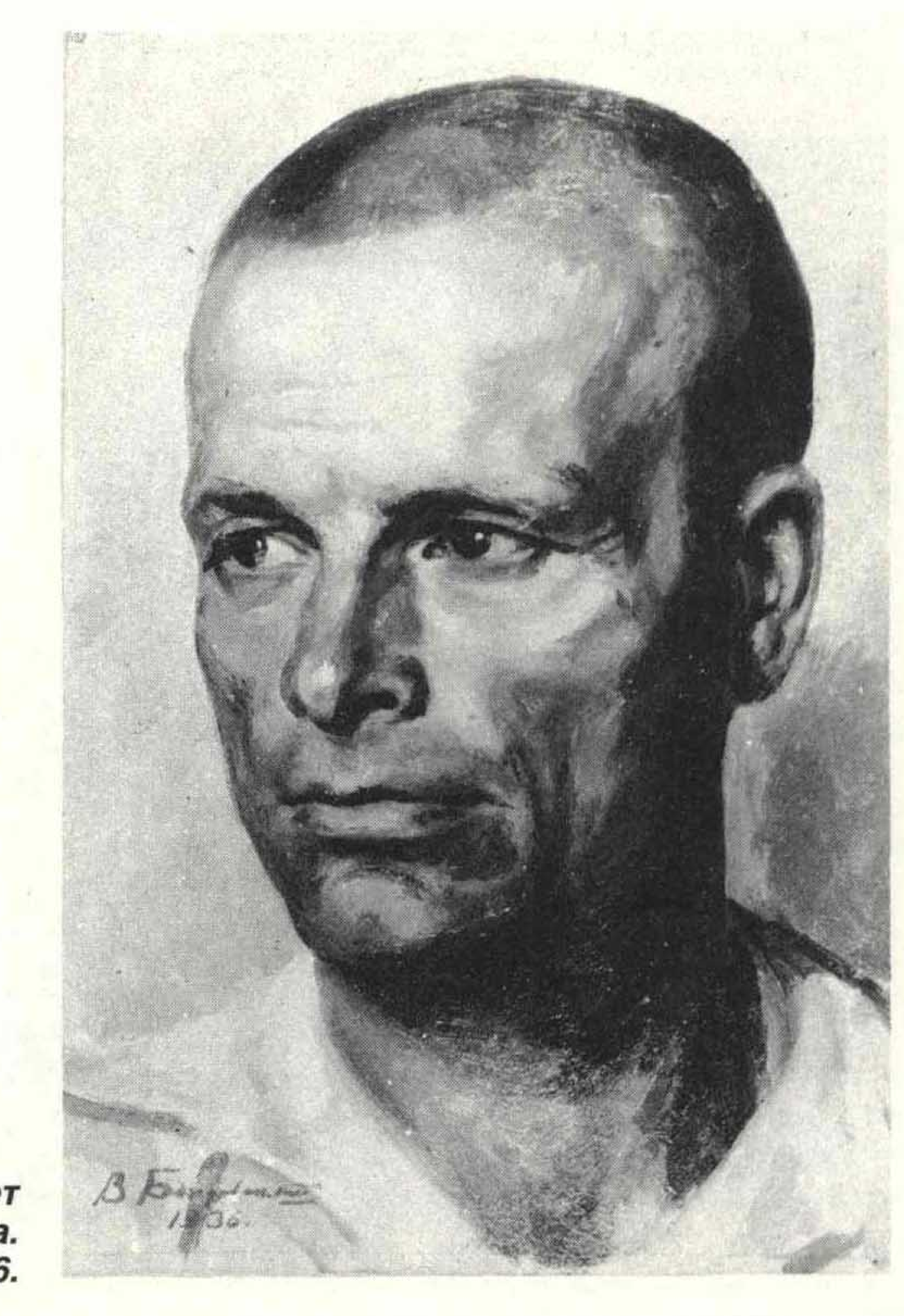
ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА НА НЕРЛИ (эскиз). Серия 30-х гг.

ВОЗВРАЩАЯ ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА...

ПАЛИТРА

У этого художника трудным было и детство, и отрочество. Сын крестьянина, Алексей Зернов пятнадцатилетним подростком сбежал из дома в Петербург. Он хотел учиться. Но в российской столице ему вначале пришлось побывать и газетчиком, и мальчиком на побегушках, и беспризорным. Потом выучился на чертежника, а в 1909 году попал в школу при Обществе поощрения художеств. Здесь он проучился четыре года, а вскоре началась война. Он пошел на фронт и только в 1922 году, вернувшись в Петроград, поступил в Академию художеств, которая, впрочем, называлась тогда ВХУТЕИН.

Зернов был старше большинства своих товарищей в среднем лет на десять. Срок его пребывания в Академии оказался несколько короче, чем сам он мог предполагать. Дирекция Академии была недовольна духом творческого экспериментаторства (которое, кстати, вообще было свойственно искусству 20-х годов), царившим в стенах института, и, чтобы его искоренить, решилась провести акцию, которую трудно признать допустимой. Учащимся старших курсов было предложено выполнить так называемую «постановку на мастерство», т. е. представить на суд комиссии работы, показывающие уровень их профессиональной подготовленности. Когда же требуемые работы были представлены, дирекция поспешила выдать молодым художникам свидетельства об окончании Академии, не допустив их даже до диплома. Неприятную память об этом произволе выпуск-

Портрет Алексея Зернова. 1936.

ники 1926 года, а их было более 130 человек, сохранили на всю жизнь.

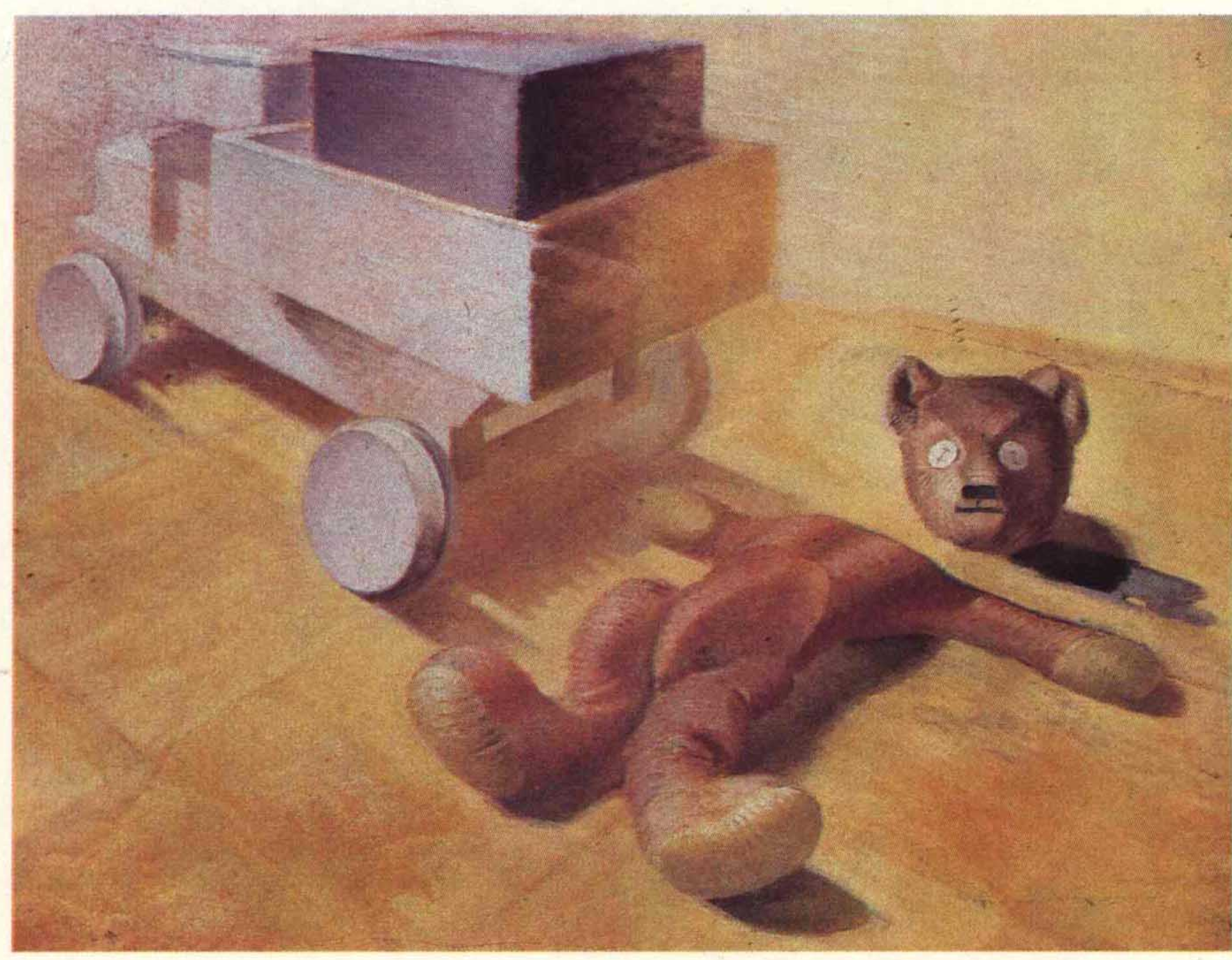
Тем не менее в конце 20-х — начале 30-х годов А. И. Зернов продолжал интенсивно работать. Именно в этот период обнаруживается связь его творчества с традициями древнерусского искусства. В летние месяцы художник много ездил по стране. Его тянуло в старинные русские города, богатые памятниками зодчества. Особенно глубокое впечатление произвел на него Углич. В одной из его акварелей панорама маленького городка развертывается как сказочная декорация. Старинные храмы, поднимающие к небу свои зеленые купола, неказистые каменные домишки, крестьянские избы — все сливается здесь в единый гармоничный ансамбль, объединяется изысканной цветовой гаммой...

Летом 1928 года, изучая иконописную технику мстёрских мастеров, А. Зернов попробовал применить ее в «Женском портрете». Он писал портрет на деревянной доске, яичной темперой, очень тонкими кистями. Но стилизация не была его целью. И хотя техника исполнения этой вещи, ее колорит и даже сам наклон головы модели, ее несколько отрешенный взгляд напоминают выразительные приемы старых иконописцев, перед нами здесь прежде всего психологический портрет.

Шли тридцатые годы, когда А. Зернов приступил к работе над полотном, изображающим церковь Покрова на Нерли. Ему хотелось, очевидно, создать нечто более цельное и значительное, чем этюды и зарисовки с натуры. В подготовительном эскизе этот мотив предстает как воплощение простоты, гармонии и покоя. Маленькая белая церковь отражается в тихих водах реки Нерли. Яркая белизна ее стен выделяется на фоне густой синевы неба и темной зелени окружающих деревьев. Теплое золото сверкающего купола слегка согревает общую холодную тональность пейзажа... Но картина не писалась. Она долго стояла на мольберте. Время было тяжелое, тревожное. Красота старинной архитектуры мало кого трогала, и даже само восторженное отношение к ней стало казаться подозрительным. В стране шла кампания по уничтожению церковных архитектуры, живописи...

Художник не закончил картины. Зато написал другую, сюжет которой был явно навеян событиями тех лет. У Зернова арестовали брата. Это был немного неуклюжий, по-детски простодушный человек. Работал столяром, любил пошутить и, что называется, почесать языком. Озорная частушка про Петра Великого стоила ему свободы. Домой, к двум своим маленьким детям, он уже не вернулся. Скорее всего именно это личное горе побудило А. Зернова написать «Происшествие», столь непохожее на ранние его произведения,— мрачную, выдержанную в глухих тонах картину, где серая машина, отрезав на ходу голову игрушечному мишке, не останавливаясь, мчится дальше...

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ
(О. К. ЗЕРНОВА).
1928.

ПРОИСШЕСТВИЕ.
1937.

После «Происшествия» он почти перестал писать и рисовать. Его судьба сходна с судьбами многих талантливых художников, чье дарование так и не «проросло» в той удушливой атмосфере тридцатых годов,— тех художников, кто не пожелал изменить себе, идти на компромиссы в искусстве... Их имена нам еще предстоит вспомнить.

Итак, Зернов все дальше отходил от искусства, даже в своей преподавательской работе, переключаясь на технический рисунок, начертательную геометрию. Он умер в Ленинграде зимой 1942 года.

Только в мемориальном разделе книги «Подвиг века» (1969), посвященной художникам военного Ленинграда, мы находим упоминание о нем: «Алексей Иванович Зернов. Художник. Погиб в блокаде... в 1942 году».

Борис АЛЕКСЕЕВ

Прошло несколько месяцев после публикации очерка нашего специального корреспондента Александра Болотина «Кто нам ломает крылья?» («Огонек» № 25, 1988 г.), а в редакцию по-прежнему идут письма, в которых читатели высказывают свое отношение к тому, что произошло в Тамбове.

А произошло там, напомним, следующее. Раздув обличительные факты, изложенные в анонимке, местные власти сурово расправились с начальником крупной областной организации — передвижной механизированной колонны агропрома Л. П. Зотовым. Он был снят с работы, исключен из партии, после чего против него возбудили уголовное дело, и народный суд города Тамбова осудил его за хищения на семь лет лишения свободы с конфискацией имущества. Уже в первой инстанции президиум областного суда отменил приговор, переквалифицировав действия Зотова как халатное отношение к исполнению служебных обязанностей, снизив ему меру наказания до двух лет лишения свободы с обязательным привлечением к труду в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора. Тем не менее в течение семи месяцев Зотов незаконно содержался под стражей. Наконец, заместитель председателя Верховного суда РСФСР внес протест в президиум Тамбовского областного суда по поводу вынесенного им приговора.

В статье также подчеркивалась неблаговидная роль, которую сыграли в деле Зотова местные партийные органы. Игнорировав мнение трудового коллектива, партийной организации ПМК, его партийного бюро, партийная комиссия при обкоме КПСС составила справку о якобы допущенных злоупотреблениях Зотова, получившую статус неоспариваемого документа,— именно она послужила основанием для исключения начальника ПМК из рядов КПСС.

Продолжая разговор, публикуем подборку читательских писем, откликающихся на статью «Кто нам ломает крылья?».

ЕЩЕ РАЗ О ТЕХ, КТО НАМ ЛОМАЕТ КРЫЛЬЯ

■

Вашу статью в журнале читали всей семьей. Дело в том, что мы долго жили в Тамбове и достаточно хорошо знаем местные нравы. До сих пор были искренне убеждены, что руководители Тамбовской области находятся вне зоны контроля и критики, даже в местной печати редко сообщалось о перемещениях руководящих кадров, выводе депутатов и так далее... Все было скрыто от людей, а поэтому по городу обычно ходит масса слухов... Не припомним случая, чтобы областная газета «Тамбовская правда» осмелилась покритиковать работников обкома КПСС. Неужели гласность добралась до этих мест?

Честное слово, мы преклоняемся перед людьми, которые не побоялись рассказать корреспонденту все как есть. Страшно, если начнут сводить счеты с Денисовой, Колодиным, Чеплыгиным и другими, страшно, если на них обрушится гнев тех, кто в течение многих лет ощущал свою полную неподотчетность по отношению к людям и свою безнаказанность. Обязательно сообщите, будут ли приняты какие-либо меры по этой статье.

И. ВЕРЕТЕННИКОВА
Москва

■

Вряд ли стоит подробно говорить, с какой благодарностью встречен в трудовых коллективах передвижных механизированных колонн Тамбовского агропромышленного комитета и треста «Агродорспецстрой» опубликованная в «Огоньке» статья «Кто нам ломает крылья?», в которой говорится о нелегкой судьбе нашего бывшего руководителя Льва Петровича Зотова. Сделано большое дело: стали достоянием гласности факты расправы над неугодным человеком, вскрыты имена тех, кто никогда не прислушивался к голосу рабочих людей, беспощадно расправляясь с вышедшими из повиновения. Никто не посчитался с мнением трудового коллектива, с мнением партийной организации и партийного бюро ПМК. Все делалось так, как велел обком. Пусть же ответят за самоуправство «герои» вашей статьи Коротков, Шутилин, Зверев и другие.

Перестройка на Тамбовщине, на наш взгляд, идет туго. Во всяком случае, с нашим мнением по-прежнему никто не хочет считаться. Более того, кто-то распускает слухи, что статья будет опровергнута. При этом допускаются оскорбительные выпады в адрес автора статьи, журнала в целом и его главного редактора. Правда по-прежнему колет глаза. Но мы твердо верим, что справедливость в конце концов обязательно восторжествует.

По поручению коллективов: бригадир В. КУРОХТИН, монтажник Н. ТИМОФЕЕВ, сварщик В. СИНЕЛЬНИКОВ, токарь Н. ГУДКОВ и другие (всего 34 подписи).

■

Обращается к вам Адамов Ашот Георгиевич, один из обвинявшихся по «громкому делу» Зотова. Считаю необходимым сообщить следующее: сразу же после публикации в журнале статьи «Кто нам ломает крылья?» работники органов прокуратуры начали оказывать на меня активное давление, пытаясь найти несуществующие факты вины Зотова. Прокурор Советского района города Тамбова Никулин и его помощник Зиževский уговаривают меня дать ложные показания, будто бы Зотов брал у меня деньги. При допросах идут в ход старые, испытанные приемы... Мне намекают, что в материалах дела есть доказательства моей вины и мне стоит подумать о том, как уйти от ответственности. Как говорится, услуга за услугу. На днях ко мне пришел оперуполномоченный ОБХСС УВД и в присутствии моей жены заявил, что я обязан поехать в совхоз «Землянский» для замера объемов дорожных работ, выполненных мною по договорам в 1985 и в 1986 гг. Это задание якобы дал старший следователь Тамбовской облпрокуратуры Ферапонтов. В совхоз я поехать отказался, потому что все необходимые документы есть в материалах дела. Но сам факт появления в моей квартире оперуполномоченного ОБХСС рассчитан на то, чтобы я и жена не надеялись на восстановление справедливости. Еще в конце июня я обращался в Прокуратуру РСФСР с просьбой принять законное и окончательное решение по этому делу, но ответа до сих пор нет.

А. АДАМОВ
Тамбов

■

Сначала несколько слов о себе. Родился и вырос на Тамбовщине. Начинал зоотехником колхоза «Правда» Тамбовского района Тамбовской области, затем был на комсомольской работе. В период с 1982 по 1985 год избирался первым секретарем Тамбовского РК ВЛКСМ, член бюро Тамбовского РК КПСС. По 29 апреля нынешнего года работал председателем колхоза имени Жданова Тамбовского района.

От своего имени и многих моих единомышленников выражаю глубокую благодарность редакции журнала «Огонек» за реалистичное и партийное понимание той ситуации, которая сложилась сейчас в Тамбовской области. Делая такое заявление, я сознаю свою личную партийную и гражданскую ответственность за все сказанное. Как и Зотову, «отцы области» мне тоже пытаются «поломать крылья». В ход идет та же, годами отработанная, методология уничтожения и втаптывания в грязь непокорных и неугодных. Только время ныне другое. Правильно говорят, что «правда» только тогда становится Правдой, когда за нее борются, когда ее отстаивают. Перестройка дает такую возможность.

Как коренной тамбовчанин, прошу от себя лично и моих земляков у вас извинения за ту анонимную грязь, которой вас пытались и, поверьте, будут пытаться облить, за бескультурье, которое было к вам проявлено в Тамбове. Поверьте, в нашей области есть много замечательных людей, им надо помочь проявить себя на производстве и в общественной работе. Наша общепартийная и гражданская задача — улучшить моральный и нравственный климат в области, уничтожить почву, на которой произрастают самодурство и насилие.

В. ПАШИНИН

■

Обращаюсь к вам, не ожидая помощи или сочувствия, просто хочу выяснить, всегда ли и везде лица, которых вы берете под защиту в своих материалах, осуждающих местные порядки, подвергаются гонениям, как это случилось со мной. После приезда в Тамбов корреспондента «Огонька» и неприятного для отдельных работников Тамбовского обкома КПСС разговора те же лица, которые уже однажды расправились со мной и о которых писалось в статье «Кто нам ломает крылья?», начали новый круг издевательств. Сразу же после отъезда корреспондента в ход снова пошли анонимки, которые заведующий отделом административных органов обкома Шутилин Ю. А. и инструктор Щетинин В. В. начали проверять, подключая контрольно-ревизионное управление, прокуратуру, УВД, выискивая факты, которые могли бы меня опорочить. В результате таких противозаконных проверок появился вопросник, который мне предъявил Щетинин В. В. по поручению (с его слов) секретарей обкома КПСС. Вопросы эти ставят перед собой цель осветить всю мою жизнь, включая события даже двадцатипятилетней давности. Однако составителям вопросника это не мешает, так как в поисках порочащих меня фактов их не сдерживают ни временной фактор, ни партийная совесть.

В. БЛИНОВ,
подполковник милиции, сотрудник Тамбовского УВД

ОТ РЕДАКЦИИ: В Тамбове решили придерживаться самой выгодной на чей-то взгляд тактики, а именно — выжидания. До сих пор молчат Тамбовский обком КПСС, прокуратура области, а ведь, согласитесь, это самые заинтересованные в объективной и справедливой оценке поставленных в статье вопросов организации. Но было бы наивно полагать, что все это время в Тамбове сидят сложа руки, ожидая у моря погоды. Отнюдь нет. Как свидетельствует опубликованная после выхода статьи в свет почта, упорно, настойчиво, кропотливо ищут компрометирующие факты на тех, кого взял под защиту «Огонек». Трясут, как говорится, до седьмого колена, авось чтонибудь и обнаружится. Прибегают к традиционным и нетрадиционным методам. Вопросник, предъявленный В. Блинову за подписью инструктора отдела административных органов обкома КПСС В. Щетинина, состоящий из 59 (!) вопросов, касающихся самых различных сторон личной жизни офицера милиции — от ремонта квартиры до трудоустройства дочери, вероятно, надо рассматривать как уникальное, доселе не изобретенное орудие расправы за критику.

Принимая во внимание сигналы из Тамбова, приходится констатировать, что амбиции пока явно взяли верх над здравым смыслом. Мы говорим о создании правового государства, а тут упорно и сознательно блокируют критическое выступление печати, не считаясь ни с правом, ни с законом. Хотя было бы ошибочно надеяться, что редакция остановится на полпути к достижению правды. История, о которой рассказано в статье «Кто нам ломает крылья?», должна быть высвечена со всех сторон, в ней предстоит точно и справедливо расставить акценты. Так что точку в этом разговоре ставить пока рано.

Виталий ЕРЕМИН,
Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото)

ЛЕСОПО

...И милость к падшим призывал.
А. С. ПУШКИН

1

Сама природа создала в Коми подходящие условия для изоляции опасных преступников. Густые леса, непроходимые болота, почти полное отсутствие дорог. Есть места, где колонии не огораживают забором, не опутывают колючей проволокой. Беги на здоровье, все равно далеко не уйдешь.

Сидеть здесь тяжело. Работа на лесозаготовках, сами понимаете, в основном на свежем воздухе. Зимой собачий холод, летом душит гнус. Но больше всего угнетают удаленность (этапируют сюда из 32 регионов страны), задвинутость в таежные тупики. Не всякая подруга жизни использует отпущенные законом одно-два свидания в год. И расходы немалые, и путь неблизкий.

Один бывалый лагерник письменно отрекся от своего «воровского звания», только бы отправили куда-нибудь поюжнее. Но вот ведь публика! Многие, отбыв здесь вереницу лет, снова совершают преступления, как правило, еще более тяжкие. Хотя знают, что, кроме как в Коми, их едва ли куда-нибудь повезут.

— Ладно,— сказал я одному ветерану неволи.— Пусть тебе не жалко тех, кого ты грабил. Но неужели тебе не жалко самого себя?

— Жалко,— неожиданно признался он.

— Почему же снова попал сюда?
— Потому что мы выходим отсюда злые как звери. Нас делают здесь такими!

Ну, знакомая песня: следователь груб, судья суров, «хозяин» жесток. И все же на этот раз отмахиваться от привычных оправданий что-то не хотелось.

В то утро, когда мы приехали в строгорежимную колонию, там кое-что стряслось. Осужденный Ш. преодолел запретную зону, приблизился к сторожевой вышке на расстояние 20 метров, бросал в охранника скобы, сыпал ругательствами. 19-летний солдат терпел недолго...

Военный прокурор немедленно начал следствие. Но он уже не мог выяснить, даже если б захотел, что же толкнуло 27-летнего Ш. с его шестилетним сроком на смертельную дерзость. Ш. был мертв.

Известно, что лесные колонии Коми АССР — это огромный изолятор порока. Но не являются ли они одновременно огромным накопителем обид и ненависти?

Чем тяжелее условия существования и длительнее сроки, тем больше поведение осужденных определяется элементарным инстинктом самосохранения. Кто-то преувеличивает расстройство здоровья или откровенно симулирует болезнь. Кто-то отказывается от работы без всякого предлога.

Каждый ищет способы облегчения своего положения в меру своих сил, способностей и испорченности.

ВАЛ

Одни занимают хозяйственные должности. Другие избегают общих работ, пробиваясь в обслугу. Третьи без лишнего шума объявляют себя видными фигурами в преступном мире — «ворами в законе» — и живут за счет многочисленных «шестерок».

В каждой колонии есть своя элита и своей лагерный пролетариат — работяги; формальная власть общественной организации осужденных — совета коллектива и неформальная власть отрицаловки. Отрицаловка и сочувствующая им часть работяг отвергают любые формы сотрудничества с администрацией и находятся во враждебных отношениях с теми, кто на это сотрудничество идет.

В лагерном обществе сложились свои понятия: что может себе позволить заключенный и чего не может. «Западло», к примеру, работать в запретной зоне, писать жалобы, быть свидетелем в каком бы то ни было административном или судебном разбирательстве. Самым большим грехом считается тайное доносительство или открытое обращение к персоналу колонии, влекущее за собой ухудшение чьего-либо положения.

Существующие внутри лагерного общества требования к каждой отдельной личности арестанта, как правило, противоположны требованиям, предъявляемым администрацией. Каждый день колонии заполнен противоречиями между двумя властями и двумя кодексами поведения.

В руках персонала целый арсенал наказаний, которые сводятся к тому, чтобы сделать существование непокорной отрицаловки еще более тяжким. Зато отрицаловка имеет возможность выглядеть жертвой произвола, приобретать негативный авторитет, а стало быть, и еще большее влияние на осужденных.

«Мы постоянно имеем дело только с отрицаловкой и с теми, кто поддерживает наши требования,— активом. На середину времени не остается»,— сказал начальник колонии строгого режима подполковник В. Е. Пряхин. Хотел Виктор Егорович или нет, но он очень точно определил, к чему сводится реальная работа по перевоспитанию осужденных.

2

Лето в Коми дождливое. После дождя по инструкции полагается вспушить на глубину до 20 сантиметров контрольно-следовую полосу (КСП) по всему периметру колонии. Инструкция щадит тяжелый труд конвоя и возлагает это дело на администрацию. Но не станут же офицеры возиться в запретке. Они начинают уламывать осужденных.

— Обновление каэспэ для нас сущее мучение, — говорил В. Е. Пряхин. — Исправительно-трудовой кодекс разрешает привлекать осужденных без оплаты труда только к работам по благоустройству мест лишения свободы. Нельзя не учитывать также, что у многих с солдатами напряженные отношения, отрицаловке просто боязно идти в запретку. Ну и не надо забывать, что эта работа презирается.

«Умру, но в запретку не пойду» — эти слова администрация слышит почти ежедневно. И реагирует так, как требует исправительно-трудовой кодекс (ИТК). Одно из основных средств исправления осужденных — режим, сказано в кодексе. А основное требование режима — беспрекословное повиновение. Законно или незаконно требование — об этом администрация может порассуждать в своем кругу. Конечно, незаконно хотя бы потому, что работа неоплачиваемая. Но, коли не подчинился, надо принимать меры.

Благо есть в колонии члены СПП — секции профилактики правонарушений. Всегда выручат. Подумаешь, в запретке поковыряться. Это же не лес валить. Но сколько их в колонии, где начальником подполковник В. Е. Пряхин? «Всего около пятидесяти,— сказал Виктор Егорович.— Из них активных только пятнадцать».

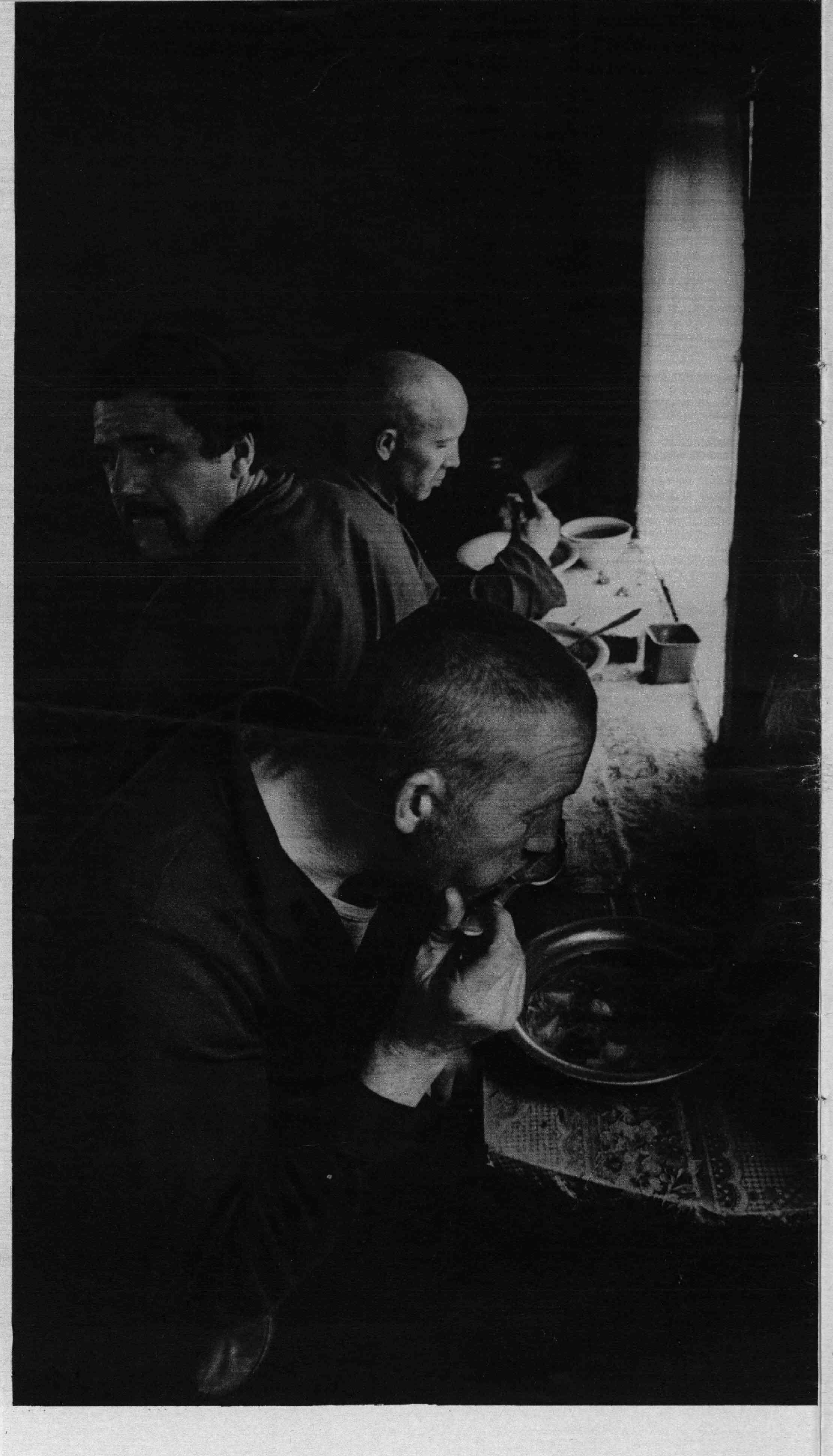
Вот такая получается педагогическая арифметика. Членов СПП администрация посылает в запретку только в крайнем случае, если другие откажутся. А этих других, придерживающихся неписаных зоновских законов,— минимум тысяча. Осужденный может выполнять нормы выработки, соблюдать режим. Но стоит ему отказаться от работы в запретке, он тут же может быть причислен к отрицаловке и отправлен в штрафной изолятор.

А штрафной изолятор как бы специально оборудован так, чтобы наказанный еще плотнее сошелся с сидящей там отрицаловкой. ШИЗО — это бетонные стены, сырость, холод, никаких постельных принадлежностей («Под голову кружку, под спину тапочки»,— поясняли мне сидящие там), пониженная норма питания (в этом году, правда, отмененная).

«Держат нас здесь, как скотину»,— говорили мне наказанные. Нет, в хлеву, в свинарнике, на псарне воздух чище. Там по крайней мере окошки не задраены наглухо. «Меньше надо курить!» — весело посоветовали воспитатели в погонах. Один из осужденных подошел к туалетному бачку, расстегнул ширинку и невозмутимо продемонстрировал, как он относится к стоящим в дверях веселым начальникам.

Кто хоть раз побывал в ШИЗО, тот почти наверняка нагрубил персоналу. Или, уж во всяком случае, попал на заметку. А потом... Потом можно попасть на 15 суток за расстегнутый ворот рубахи, за непорядок в тумбочке, за курение в неположенном месте, за разговор с приятелем из соседнего барака. Бывший шахтер из Воркуты Петр Коптилкин свое первое преступление совершил в 26 лет — схлестнулся с участковым. Из своего теперешнего второго срока около полутора лет провел в ПКТ — помещении камерного типа, а это пострашнее ШИЗО. За что же? «За то, что не позволяю всякому полезному паразиту говорить мне «мразь»,— объяснил Коптилкин.

Одно дело, когда в ШИЗО сажают за игру в карты. В этих случаях даже у самых больших ненавистников админи-

страции нет особых претензий. И совсем другое дело, когда «дергают за поджог снежной горы». Даже фраза такая сложилась, обозначающая мелочные придирки. Борцам с отрицаловкой кажется, что они выбивают из неподдающихся блатную дурь. И в запале не замечают, как начинают подавлять обыкновенное человеческое достоинство. Один из завсегдатаев ШИЗО и БУРа каким-то чудом добился снятия взысканий, заслужил свидание с женой. «Ну, ты и нашла себе мужа!» — с презрением произнес начальник режима. Жена проговорилась, муж не смолчал и вместо желанной комнаты свиданий угодил в ШИЗО. ШИЗО не только гробит здоровье. Не только сдает обыкновенного работягу в плен к отрицаловке. Здесь вызревает страшная ненависть к членам СПП. Поймать кого-нибудь с наркотиком (как это делается в других колониях страны) здесь трудно. Слава богу, еще не освоили «резиденты», то бишь поставщики разного зелья, рынок лесных колоний. А вот если кто-нибудь раздобыл через вольняшек несколько картофелин и решил поджарить...

«Довожу до вашего сведения,— прочел я в докладной одного дневального,— что осужденный (такой-то) систематически не поднимается на завтрак и своим поступком влияет на других осужденных». Чем же? А вот чем. «...совместно с осужденным (таким-то) кушает в спальном помещении, чем грубо нарушает санитарное состояние».

На многих членах СПП, как говорится, негде пробы ставить. Ну, и слишком уж откровенно преследуют свои шкурные интересы. В колонии, где начальником В. Е. Пряхин, из 15 активных членов СПП только пятеро работают вместе со всеми на обработке древесины.

Некий Шевцов много лет назад изнасиловал несовершеннолетнюю. В колонии вступил в СПП, сохранил здоровье и в 46 лет снова изнасиловал несовершеннолетнюю. И что же? Может быть, теперь сполна пьет Шевцов горькую чашу неволи? Нет, он снова в СПП и снова в должности банщика.

Некий Решетило втерся в доверие, был расконвоирован и... исчез. Все бы ничего, только ведь Решетило был не простым членом СПП, а ее председателем.

В тех колониях, где мы побывали, сейчас новое руководство, более мягкое и терпеливое. Но еще остались те, кто цедит осужденным сквозь зубы: «Погодите, эта власть временная. Скоро придет та, которая будет вас давить, давить и давить!»

3

Я полистал Уголовный кодекс и нашел как минимум две статьи, под которые подпадают давильщики. Статья 131 предусматривает уголовную ответственность за умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме. А статья 113 — ответственность не только за нанесение побоев, но и за иные действия, носящие характер истязания.

Но много ли известно случаев, чтобы какой-нибудь давильщик понес наказание в полном соответствии с законом? Сама постановка такого вопроса может вызвать среди работников колоний раздражение, а среди осужденных гомерический хохот. И те, и другие скажут одно: «За кого нести ответственность? За зе-ка?!!»

«Гражданин начальник, осужденный такой-то по вашему приказанию прибыл». Эти слова произносятся в любой колонии сотни раз на день, и никто не слышит в них ничего странного.

Обращение «гражданин» преступивший закон слышит последний раз в суде. Затем он превращается в осужденного, и в нем перестают видеть гражданина, а следовательно, и человека.

Если бы мы не переставали видеть в преступнике гражданина, мы вполне удовлетворились бы тем, что приговор суда лишает его возможности видеть близких, вести физиологически нормальный образ жизни, работать по специальности. Наконец, мы удовлетворились бы тем, что лишаем его свободы.

Но считается, что одно только моральное воздействие не может подвести к раскаянию и исправлению. И потому придумываются дополнительные наказания, многие из которых в руках давильщиков превращаются в инструменты морального и физического истязания.

Чем больше судимостей у человека, тем больше общество должно быть заинтересовано в его возвращении к нормальной жизни. Но чем строже режим содержания, тем меньше писем может написать осужденный своей семье, тем реже жена и дети могут к нему приехать.

Одному преступнику для раскаяния требуются считанные месяцы. Другого не могут исправить и многие годы. Но и тот, и другой поставлены в одинаковое положение. Могут получать посылку или передачу только после отбытия половины срока. Считается, что раньше исправления наступить не может.

Осужденного регулярно стригут наголо. Он систематически, годами лишается нормального человеческого облика. Зато удобнее искать, если сбежит. Тем, кому до конца срока осталось один-два месяца, обычно разрешают отращивать волосы. Но стоит в чем-нибудь провиниться (если находишься в ШИЗО), тут же вызывается парикмахер.

Даже во времена ГУЛАГа заключенные имели возможность свободно передвигаться по зоне. Но во времена Брежнева и Щелокова какой-то «новатор» предложил обнести каждый барак колючей проволокой. Были созданы так называемые локалки, своего рода тюрьмы внутри колонии. И теперь можно попасть в ШИЗО за два слова, брошенных приятелю из соседнего барака. Сам персонал признает, что локалки не нужны, только обозляют осужденных, но ничего не меняется.

Во времена ГУЛАГа заключенных метили номерами. Теперь, спустя столько лет, придумали: пусть каждый осужденный носит нашивку-бирку со своей фамилией. Кому это нужно? Может быть, начальникам отрядов? Но они и так знают каждого. Начальнику режима или контролерам? У них память тоже профессиональная. Так кому же? А никому. Решили в каком-то важном кабинете, что от этих бирок будет больше порядка, и баста. Много лет было запрещено употребление густо заваренного чая — небезызвестного чифира. Считалось, что этот напиток делает зека агрессивным и неуправляемым. На чифиристов шла форменная охота. Их выслеживали члены СПП. Их вылавливали контролеры, то бишь надзиратели. Сколько пойманных с чифиром прошло школу преступного поведения в ШИЗО и БУРах! Сколько раскрутилось на новые сроки за сопротивление при задержании с чифиром! Ведь охота шла десятки лет, а чифирил как минимум каждый пятый.

В 1972 году охота была отменена. И не было отмечено ни малейшего всплеска преступности внутри зоны. Сейчас чай можно купить в любом колонийском ларьке. (Правда, не больше пачки в месяц. И здесь давильщики поработали.) Но сколько судеб уже сломано!

«Осужденные получают питание, обеспечивающее нормальную жизнедеятельность организма»,— записано в исправительно-трудовом кодексе. Сколько же стоит «нормальное питание» на строгом режиме? 20 рублей в месяц.

Для сидящих в ШИЗО и БУРе была установлена «пониженная норма питания» стоимостью в 10 рублей в месяц. Когда осужденного Петра Коптилкина выносили из БУРа, он весил всего-навсего 40 килограммов.

Но ладно, Коптилкин — нарушитель режима. А каково приходится лагерному пролетариату? Каково ему работается на морозе с хроническим, сосущим ощущением голода?

Колония, где начальником В. Е. Пряхин, дала в прошлом году 28 миллионов чистой прибыли. Когда осужденные слышат эту цифру, они становятся крайне раздражительными и начинают говорить с гражданином начальником, не слишком выбирая выражения.

— Мы даем миллионы, а нас кормят на 66 копеек в день. Полагается 65 граммов мяса, а где оно? Повар проворовался, сняли, теперь снова поставили. Мы понимаем: нормы питания диктуют сверху. Но там-то о чем думают? Изработаемся — пришлют других? Так, что ли?

Полное бесправие зека красноречиво выразилось в жаргонном словечке «хозяин» (начальник колонии). В самом деле, власть «хозяина» практически безраздельна и бесконтрольна. Даже если кто-то напишет жалобу, даже если жалоба попадет по назначению, даже если приедет прокурор по надзору, чаще всего ничего не меняется. «Я вас кормить не буду,— заявлял сидящим в ШИЗО прежний замнач по режиму одной из колоний.— Министр меня поймет». Все правильно. Ведомственная заинтересованность в беспощадном подавлении отрицаловки (и все прикрываемые этой борьбой злоупотребления властью) всегда ставится выше любых других соображений. Лес рубят — щепки летят! Совсем не случайно прокуроров зеки ненавидят точно так же, как самых рьяных давильщиков.

— Меня постоянно грабят! — кричал в кабинете В. Е. Пряхина осужденный С. Кострюков.— У меня задолженность 187 рублей. А я не могу выплатить ни рубля. Не могу купить в ларьке пачку махорки. Если бы я не выполнял норму выработки, мое место было бы в ШИЗО. Но я выполняю. Как же мне платят? В среднем меньше рубля в день!

В. Е. Пряхин вызвал нормировщицу. Полистали наряды. «Моя подпись поддельная!» — вскричал Кострюков и для полной убедительности поставил рядом с липовой свою подпись. Пряхин и нормировщица не знали, что сказать...

— Там к вам целая очередь! — кричали мне в дверях.

— Позоны хочет к вам попасть!

— Почему не проведете общее собрание? Такое узнаете!

Если бы я попросил, В. Е. Пряхин мне не отказал бы. Но я сам побоялся этого собрания. Кто знает, чем оно могло кончиться.

— Накажи его,— велел В. Е. Пряхину его вышестоящий начальник, когда багровый от злости Кострюков вышел.

В ШИЗО после собрания мог пойти не один Кострюков...

Особенно откровенно обесчеловечивание зека происходит со стороны конвойной службы. «У нас безоружный контакт с осужденными,— говорил мне В. Е. Пряхин.— У конвоя, наоборот, вооруженный контакт. И это кружит голову даже офицерам».

— Солдатам внушают, что обчифиренный зек прыгает на семь метров и мечет огненные молнии. Солдаты не видят в нас людей,— говорили работяги.— До производственной зоны ходьбы минут 15, а мы нередко идем около часа. В особенности если лупит дождь или валит снег. Колонна старается идти быстрее. Начальник конвоя велит убавить шаг. Но идущие впереди продолжают потихоньку переставлять ноги. Масса-то сзади напирает! И тогда собаководы спускают поводья. Выстрелы поверх голов. Команда «Садись!». Садимся либо в снег, либо в грязь. Мы конвой материм, конвой — нас. И так иногда два раза в день.

Когда настолько обесценено достоинство человека, то нет ничего удивительного, что обесценивается и сама его жизнь. Каждый солдат знает: за предотвращение попытки к побегу полагается 10-дневный отпуск. Он, правда, знает также, что применение оружия на поражение допускается в исключительных случаях, если указанные действия невозможно пресечь другими мерами. Но так ли нужно утруждать себя другими мерами, если зек не человек?

Военный прокурор признал действия солдата, застрелившего осужденного Ш., правомерными.

4

Перековка... Перевоспитание... Эти слова могли кого-то обмануть, когда была издана книга о Беломорканале. Сейчас, я уверен, ни один работник мест заключения не скажет сам себе, что он занят именно этим делом. Потому что для этого дела просто нет места. Его отторгают обе жизни колонии. Та, которая неподвластна администрации. И та, которая организуется ею самой. Иногда осужденный умудряется жить своей, отдельной, третьей жизнью, не видимой ни окружающим, ни давильщикам, сохранить в себе человеческое. Но это сугубо личный и чрезвычайно редко встречающийся в жизни успех. Исключение, подтверждающее правило.

Но нейтральных процессов не бывает. Если утвердившийся стереотип работы с осужденными не дает положительных результатов, то какие он дает?

В московских тюрьмах очереди к стоматологу ждут по полгода. А что говорить про сидящих в дебрях Коми? Едва ли не каждый отбывший там пять-шесть лет лишается чуть ли не половины зубов.

Почти у каждого к 40 годам, а то и значительно раньше развиваются два-три хронических заболевания. В любой лесной колонии есть отдельный барак для больных туберкулезом. Но нет отдельной столовой, и они работают вместе со здоровыми.

Для больных туберкулезом в открытой форме оборудована специальная колония. Но пока врачи, привыкшие видеть в каждом обратившемся к ним симулянта или агграванта, распознают эту стадию болезни, пока этапируют, палочки Коха поражают ослабленные организмы других осужденных. По официальным сведениям, по сравнению с 1981 годом количество больных открытой формой туберкулеза в исправительно-трудовых учреждениях увеличилось более чем вдвое.

Другие серьезные последствия только отсрочены во времени. Рано или поздно больной освобождается. И ему достаточно проехать несколько остановок в переполненном автобусе или «хорошо постоять» в пивбаре, чтобы передать болезнь десяткам ничего не подозревающих людей.

Такова цена «научно обоснованной» нормы питания и в особенности «пониженной нормы». Таков вклад в эту нешуточную проблему лагерных давильщиков-врачей. Ведь это их святая обязанность — контролировать закладку продуктов, следить за качеством пищи, протестовать, наконец, против практики воздействия на правосознание осужденных через их желудки.

— У нас тысяча голов крупного рогатого скота, тысяча двести свиней, около десяти тысяч кур,— говорили мне в Микуньском лесном управлении.

Но, когда мы приезжали в колонии, показывали что угодно, только не столовые...

Окончание следует

ШКОЛА: «РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ» И БРОЖЕНИЕ СНИЗУ

Окончание. Начало на стр. 5.

противоположные. Смотрите: мы создали школу, где все задания выполнить было практически невозможно. Но они не отменялись, а это значит, что над каждым учеником постоянно, не прекращаясь ни на час, висел комплекс вины. Неполноценность, если хотите. Это приводило к тому, что он или становился толстокожим, переставая вообще на что-либо реагировать, или кончал нервным срывом.

— Школа без радости?

— Я бы так не обобщал. Мне известно много случаев, когда дети идут в школу с радостью, как на праздник.

— Но это чаще всего первые три года. А как только появляются отметки — радость кончается. Само существование дневника есть доказательство узаконенности школьных невзгод и каждодневной дискомфортности взаимоотношений учителя и ученика. Дневник — источник не только детского горя, но и бесчисленных, часто кровавых семейных драм. И двойки, а еще больше — морализаторские и даже оскорбительные записи учителей в дневнике откровенно провоцируют миллионы и миллионы родителей рукоприкладствовать, поскольку все иные методы «воспитания» кажутся многим родителям не столь убедительными.

— В этом смысле важен опыт Шалвы Александровича Амонашвили. У него нет отметок, но есть оценки. Они предполагают индивидуальный подход, уважение к личности даже самого малого ребенка. И самая отрицательная характеристика сводится у Амонашвили к такой системе пожеланий, которые предполагают лишь усиление мотивации ребенка к учению. У Шалвы Александровича нет унижающей отметки, а значит, нет драм, с нею связанных. Надо сказать, что опыт Амонашвили прекрасно пошел по стране.

Нет, первое, что надо менять в школе,— это отношение к ребенку. Надо исходить из того, что он обязательно личность. Не только объект и не столько объект, сколько субъект — и учения, и воспитания. Время ребенка в школе — это не подготовка к будущей жизни, а сама жизнь.

— Но если из этого исходить, то в любой школе должно быть все, что требует детская душа, что обещает разнообразие отношений и гармоничность развития. Однако наши школы бедны. Единственно, для чего предназначены,— только учить. Да и то по меркам тридцатых — сороковых годов. Слишком уж они однобокие.

— Вы правы. Мы так долго голодали по научно-техническим знаниям, что стремление к ним сделали чуть не самоцелью, главным содержанием образования и воспитания. А ведь счастье человека вовсе не зависит от того, с какой скоростью он извлекает квадратный корень. Можно быть счастливым и не умея этого. Однако, вводя «эстетическое воспитание», мы пока сводим его к изучению предметов. А до развития художественных способностей дело не доходит...

Если уж мы начали наконец-то по-хозяйски задумываться, как сохранить пресную воду и чистый воздух, то пора оценить в полной мере и самый важный ресурс — человеческие таланты и способности. И заняться их полноценным развитием, эффективным использованием.

— Замечательно слышать от вас такие слова, но ведь всем понятно: призывов и лозунгов у нас хватает. Нужна база, или, как принято сегодня говорить, инфраструктура. Ее и должна заложить новая концепция, которую вы выносите на съезд? Если так, то в чем она заключается?

— Вот первая мысль: в школе — три ступени образования. Первая ступень — с шести или с семи лет. Обучение длится три-четыре года. Тут, как говорится, по способностям. Но никого нельзя выпускать на вторую ступень без необходимого уровня знаний, потому что всякий раз, когда мы выпускаем в пятый класс человека, плохо умеющего читать, писать и считать, мы обрекаем его быть «неудачником».

Программа начальной школы большая. Чрезвычайно большая, если не пойти на интегрированный урок, где занятия письмом и счетом чередуются с физкультурой, чтением, трудом, пением и так далее. Это требует принципиально нового учителя, а его у нас сейчас нет. Его надо готовить.

Вторая ступень — это обучение в течение пяти лет. Не терпит отлагательства разработка новых программ для этой ступени. Надо предусмотреть, чтобы, скажем, 75 процентов программ были обязательны для всех, а 25 процентов — явились бы резервом, позволяющим учителю продвинуть талантливого в естественных, в гуманитарных науках, в искусствах и ремеслах. Причем ремесла надо считать не менее важными, чем науки. Вспомним, существовало плотницкое искусство, столярное искусство. Вернем эти прекрасные понятия и прекратим комплектование профтехучилищ людьми, которые ощущают себя в школе второстепенными, изначально неспособными. Мы не можем позволить, чтобы рабочий класс пополнялся подобным образом.

Третья ступень обучения подразумевает пять обязательных предметов. Родной язык и литература — как предмет, формирующий мироощущение человека и взаимоотношения человека с человеком. Новейшая история, то есть история и обществоведение — как предмет, формирующий отношение человека к обществу. И современное естествознание в его экологических и генетических аспектах — как предмет, формирующий отношение человека к природе. Военное дело — с разными программами для мальчиков и девочек. Дальше — физическая культура. Остальные три предмета — по выбору, в любом наборе. «Как? — спросите вы.— Выпустить из школы без математики, к примеру?» Ну а сейчас, в реальной жизни мы выпускаем с математикой или без математики? Но если не пойти на такую вариативность — мы никак не сможем уменьшить нагрузки до разумных пределов.

Раз предметы по выбору — значит возможны специализированные школы: математическая, физическая, естественная, историческая, языковая, профессиональная. То есть профтехучилище и техникум как вид средней школы. Дальнейшее образование можно получить либо в вузах, либо в учебных заведениях нового типа — высших профессиональных училищах. И, наконец, форма самообразования и повышения квалификации. В последней надо обязательно уйти от того формализма, который сводит ее на нет. Разве можно, к примеру, повышать квалификацию, не зная исходного уровня? Надо вначале подвергнуть учащегося неким экзаменам и тестам, чтобы понять — что знает и чего нет. А завершив обучение, проверить: чему научились?

— Геннадий Алексеевич, почему, на ваш взгляд, реформа школы 1984 года не состоялась?

— Потому что нельзя реформировать школу, не реформируя общество. А то ведь в школе детям внушали — будь нравственным, а в обществе они видели расцвет безнравственности.

— А как быть с идеей, которую высказывали многие поколения мыслителей: прогрессивно устроенная школа способна стать тем канатом, который потащит за собой несовершенное общество, его улучшая?

— При одном условии: школа и общество могут развиваться с разными скоростями, но в одном направлении. А в противоположных развиваться не могут.

— А сегодня, когда общество повернулось, встав на путь обновления,— должна ли школа быть забегающей вперед или, во всяком случае, опережающей? Если «да», то на каких китах ей держаться?

— Я бы назвал три кита. Первый — это государственно-общественная система руководства образованием вместо государственной, которая существовала еще недавно. В чем ее суть? Самое главное — контроль за качеством знаний от государства переходит к общественности. Следующий момент: как мы собираемся проводить реформу? Говорим: можете менять — меняйте! Не дожидаясь указаний и специальных разрешений. А если еще не созрели — накапливайте силы. И тут мы не даем ни сроков, ни планов. Чтоб опять не обернулось показухой.

— А не получится ли, что все так и останется, если никому не захочется менять?

— Нет, не получится. Меняться и менять заставит общество и даст для этого точки опоры. Важнейшая — совет школы, куда будут входить ученики, педагоги, родители. Причем мы исходим из того, что детей должно быть в этом совете немало — четверть, треть, а может, и сорок процентов. Если их будет меньше — они потеряют лицо. Примерно столько же должно быть и родителей. Это помешает учителям заполучить «контрольный пакет акций».

Какие права получает совет школы? Переизбирать преподавателей на следующий пятилетний срок. Или так: сможет выразить недоверие директору школы, а это значит, что его после этого в школе не будет. Еще одно важное полномочие: контроль за собственным бюджетом школы, который может образовываться за счет хозрасчетных акций, отчислений кооперативов, вкладов родителей, обезличенных, конечно.

Очень важно, чтобы все эти дополнительные поступления были неподконтрольны Министерству финансов, которое не должно получить право изъятия средств, заработанных детьми.

Ну и третий кит — уважение общества к знанию, к его носителям. Это должно прежде всего проявиться в статусе учителя. Сегодня он крайне низок. Условия жизни учителей, в особенности сельских, просто неприличны. Он обделен всем. Речь даже не о зарплате. Сегодня большинство учителей не могут приобрести книги, пластинки. Им не достаются путевки в санатории, не говоря уж о заграничных поездках. Жилищные условия учителей — просто катастрофические... Удивительно разве, что в педвузы поступают далеко не самые способные из выпускников школ?

ЭКОНОМИТЬ НА ШКОЛЕ — РАЗОРИТЕЛЬНО

— Я бы тут посмотрел пошире. С давних теперь уже пор в обществе сложный труд оценивается значительно ниже, чем труд простой, не требующий знаний, квалификации, развитых способностей. Эта диспропорция сложилась много десятилетий назад, но ведь и сегодня не исправляется, а напротив — усугубляется. Посмотрите на кооперативы — каких больше и какие из них наиболее доходны? Там, где простой труд. Интеллектуальных кооперативов жалкие доли процента, да и в них сделано все так, чтоб не разгуляться. Чем это объяснить?

— Я хочу задать вам встречный вопрос. Вы оказались в пустыне, а вода кончилась. Сколько за нее отдадите?

— Все!

— Правильно. Вот почему мы платим шоферам столько же, сколько доцентам. А иначе будут стоять автобусы, мучиться люди. Но, решая проблемы данной минуты, мы обкрадываем свое завтра.

— Но ведь это страшно разорительно — экономить на школе, на образовании, воспитании, развитии. Потому, во-первых, что в этих сферах вложенный рубль окупает себя как нигде. А второе — экономия на образовании и воспитании оборачивается катастрофическими последствиями буквально по всем линиям: начиная с социальных патологий и заканчивая экономической разрухой. Мы просто считать не умеем и потому не можем определить, во сколько миллиардов укладывается ущерб от такой экономии. «По моему бедному суждению, на просвещение мы должны ежегодно затрачивать по крайней мере столько же, как и на войско, если хотим догнать хоть какую-нибудь из великих держав...» Это, представьте себе, сказано более века назад, а насколько же актуально! Федор Михайлович Достоевский смотрел, увы, глубже нас.

Убежден: на школы, на весь мир детства надо не просто просить, но требовать. И не только от государства. Главное — от общества. Почему десятки тысяч благотворительных фондов США дают три четверти всех средств на образование?! И это несмотря на сравнительно высокие бюджетные ассигнования. При всей нашей бедности мы могли бы сегодня набрать немалые суммы на школы, детсады, вузы. По-хорошему, сюда надо бы бросить всю намечающуюся экономию на военных расходах. И к населению стоило бы обратиться за пожертвованиями, и смело пойти на хозрасчетные формы. Особенно, если это относится ко второму образованию. И почему бы не попробовать с самоокупаемыми вузами, техникумами, ПТУ? Зная, что к последней идее вы относитесь неодобрительно, уповаю хотя бы на эксперименты.

Еще один источник — благотворительные отчисления кооперативов, других хозрасчетных организаций. Но для этого в практике государственного налогообложения надо предусмотреть более мощные побудители. На мой взгляд, бюджет образования столь неприлично мал, что заслуживает увеличения сразу на порядок, то есть «в разы», но от этого нам никуда не деться.

— Это ваши выводы — не мои. Но в чем без спора соглашаюсь — отношение государства к образованию не должно колебаться под влиянием конъюнктуры. Вспоминаю: к февральскому 1988 года Пленуму ЦК КПСС планы трех месяцев по строительству детсадов, школ, вузов, ПТУ были стопроцентно выполнены. А потом опять пошли сплошные срывы...

— А почему — сменились приоритеты?

— Нет, все проще. Контролем за сроками строительства занимались первые лица в регионах — первые секретари райкомов, горкомов, обкомов... А потом переключились на другие вопросы, и опять все встало...

— То есть как и всегда обернулось кампанией. Так?

— Да, обернулось кампанией. Поэтому важно, чтобы Всесоюзный съезд работников народного образования возвестил решительное изменение партийного и государственного отношения к школе. Тут имею в виду все ее ступени.

— Геннадий Алексеевич, скажите: гонения на учителей-новаторов продолжаются или ситуация для них принципиально изменилась?

— Думаю, что изменилась принципиально. Но мое отношение к новаторству такое: каждый учитель должен быть новатором и иметь свое неповторимое лицо. А всякая попытка кого-то фетишизировать кончается плохо. Когда новатор говорит: дайте мне два дня на телевидении, и во всех школах страны вместо 10 лет будут учиться 8, то в такой финал, простите, я не верю. Когда Шаталов поет: «Ревела буря, гром гремел...» — он имеет на это право, но другим учителям я ни за что не скомандую делать то же самое. Даже на уроках по истории Сибири, не говоря уже о других предметах.

Новаторов, бесспорно, надо поощрять, показывать по телевидению, пропагандировать их авторские школы... Их мы, кстати, активно поддерживаем. Но опыт новаторов, даже самых бесспорных, внедрять директивно?! Ни за что! Однако каждый учитель должен знать: требуется, чтобы он был новатором. Если он настоящий учитель.

«БЕССМЕРТНЫЕ» ПО ОШИБКЕ?

— Геннадий Алексеевич, Академия педнаук, существующая при и под Госкомитетом по народному образованию, не сделается ли она, как многие того опасаются, «карманной», а значит, послушной, удобной, безгласной, неспособной критиковать своего «патрона», вести с ним полемику?

— Если хотите убедиться, что здесь опасения зряшные, побывайте у нас на коллегии Госкомитета. Увидите, какие бушуют страсти, сколько критики и в том числе в мой адрес.

— А то, что Всесоюзный совет по народному образованию тоже будет подчинен Госкомитету, нормально ли? Сможет ли он тогда осуществлять общественный контроль?

— Конечно. Он создан, чтобы слушать наши отчеты, давать общественную оценку нашей деятельности, выходить, минуя Госкомитет, с законодательными инициативами или к нам с инициативами распорядительными. И то, что он при Государственном комитете, решительно ничего не меняет...

— Но это потому, что вы демократ по натуре. А если придет когда-нибудь вместо вас авторитарный лидер и всякую демократию придушит?

— Вы думаете о перевороте в нашем Госкомитете? Я верю, что демократия необратима!

— И все же нужны гарантии. Одна из них — существование влиятельного и полноправного Союза учителей, к которому вы, как я знаю, относитесь с большой надеждой. Однако его создание очень уж затянулось и по причинам, не зависящим от инициаторов, в числе которых все известные педагогические деятели страны. А ВНИК? Вы довольны его деятельностью? (Для читателей, с этой аббревиатурой не знакомых, поясню: речь о временном научно-исследовательском коллективе, быстро разработавшем концепцию перестройки школы, одобренную Госкомитетом по народному образованию.)

— Да, доволен.

— А этот ВНИК — что с ним будет? Обидно, если вдруг прекратит существование, не реализовав в полной мере свой значительный потенциал.

— Какой же он тогда будет временный, если сохранится? Тут самая большая наша беда: сначала мы создаем нечто временное, а потом оно превращается в постоянное, а став постоянным — теряет свои привлекательные качества.

Но мы в Госкомитете пошли еще дальше и теперь, кроме постоянных сотрудников, имеем 70 временных — на пятилетнем контракте. Завершится этот срок, и контракт либо будет прерван, либо продлен.

— Как жаль, что вопрос «Быть или не быть?» не придется задавать себе тем академикам и членам-корреспондентам АПН, кто попал в «бессмертные» по ошибке, по протекции или даже за неблаговидные дела. Досадно, что и полные банкроты среди них не уступят своих мест тем, чья творческая состоятельность не вызывает сомнений.

Понимаю, тут вопрос непростой! Огорчившись от известия, что старую академию не закрывают, а сохраняют — хотя бы как часть новой,— я тем не менее сам для себя решил: факт «бессмертия», не подверженного никаким конъюнктурам, важнее чистки, ценнее прецедента закрытия. Тут вопрос принципа. Но при всем этом каждый из бывших должен знать: тянет он или не тянет, в полной ли мере соответствует статусу «бессмертного». А иначе и в новую академию вползет беспринципность, проникнут интриги. Под видом научной полемики опять начнутся расправы.

В связи с этим еще один вопрос. Он содержится во многих письмах читателей «Огонька», которые высказывают и изумление, и возмущение, связанные с тем, что из системы образования никак не спешат уйти люди, которые в недавнем прошлом запятнали себя травлей учителей-новаторов. Зато вынуждены были уйти руководители бесспорно прогрессивные. И называют фамилии...

— Фамилию называют фактически одну: Коробейников. В его судьбе виноват я сам, лично я один. Когда мне пришлось выбирать из двух кандидатур первого заместителя, то я, не зная лично ни Коробейникова, ни Шадрикова, посмотрел их дела и сразу же обнаружил: у первого опыт партийно-государственной работы, а у второго в биографии работа учителем, директором школы, завроно, психологом, членом-корреспондентом АПН.

— Но, может быть, стоило оставить Коробейникова просто заместителем министра или зампредом республиканского Госкомитета?

— Тут не моя компетенция: я не подбираю министров — ни союзных, ни республик. И даже их замов.

— Это что ж получается: не можете осуществлять собственную кадровую политику? Я понимаю: не от вас зависит, но ведь это минимально необходимое — расставить каких следует людей!

— Не думаю, что из центра можно наилучшим образом расставлять людей. Это иллюзия!

— Геннадий Алексеевич, и последний вопрос. Его сформулировал солдат стройбата в одном из писем в редакцию. Хотя нет: не вопрос у него, а утверждение: дедовщина в армии истоком имеет школу и даже детсад.

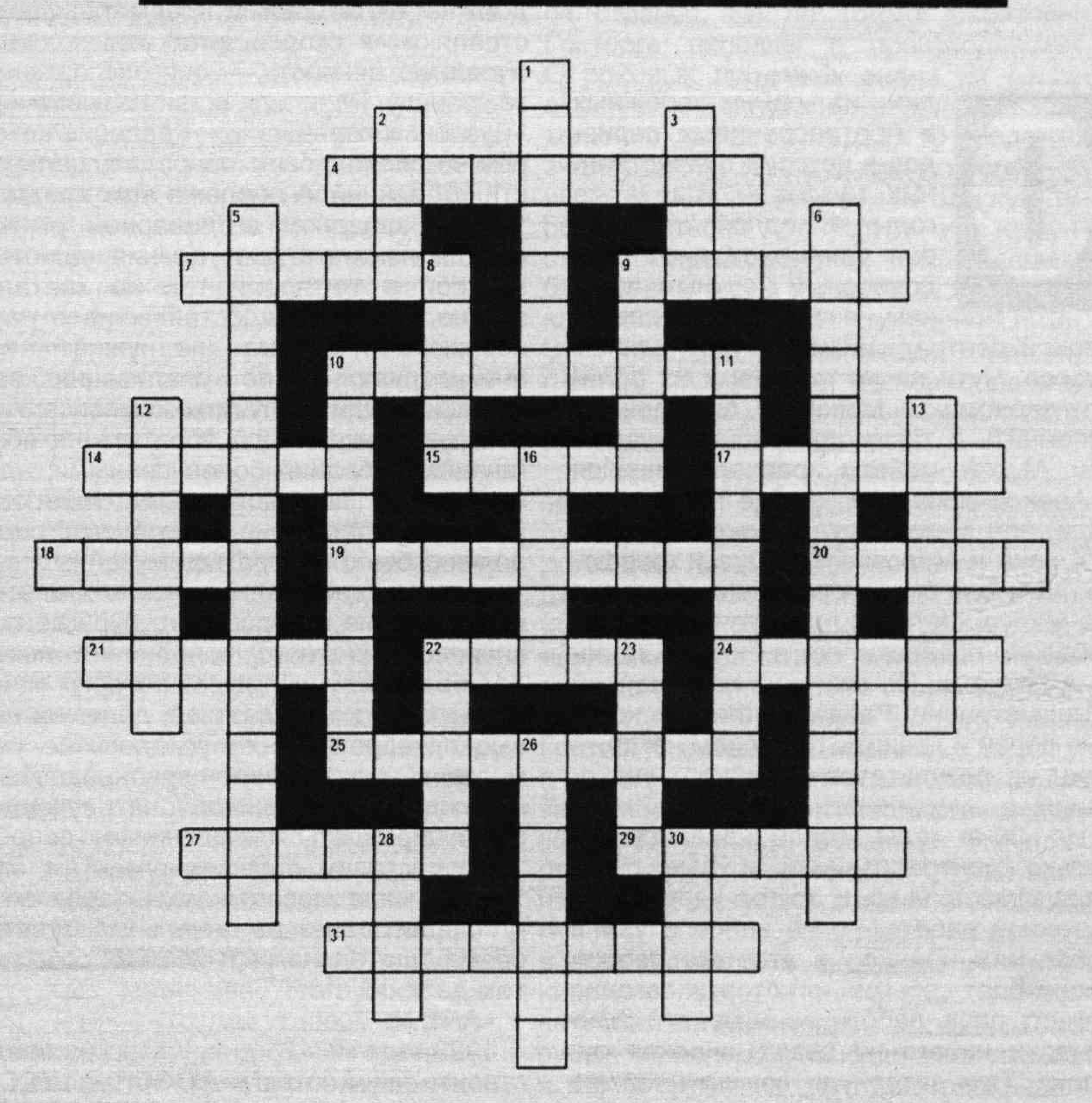
— Дедовщина начинается даже в семье. И случается это каждый раз, когда мы говорим детям: «Не мешай!», «Отстань!», «Уйди, я работаю!». То есть рецидивы авторитарного воспитания, которые, в этом я согласен, опаснее всего в раннем возрасте. Этот возраст нами сильно недооценен. Вот почему в новой концепции перестройки школы мы исходим из представления, что корень всех начал личности — в дошкольном и начальношкольном обучении и воспитании. Здесь поэтому самый трудный участок работы, требующий и большей педагогической квалификации, и лучших условий труда. Здесь и класс должен быть меньшим по численности. А пока наоборот.

— Похоже, что здесь тема для будущей беседы. То есть делаю заявку на разговор о воспитании, которого мы сегодня почти не касались. Можно ли рассчитывать?

— Это было бы интересно.

— Хочется верить, что мы, то есть целая страна, на пороге не часа даже, а века ученичества. Не насильственного, не занудного, а в высшей степени добровольного. Идущего от понимания: только тогда и человек — когда учишься!..

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Женские украшения. 7. Остров в Атлантическом океане. 9. Струнный музыкальный инструмент, распространенный в Казахстане. 10. Малая планета. 14. Прибор для приготовления коктейлей, кремов. 15. Лососевая рыба. 17. Серия советских космических кораблей. 18. Возвышенная равнина. 19. Стихотворение Н. А. Некрасова. 20. Число, состоящее из долей единицы. 21. Математик и механик, академик, трижды Герой Социалистического Труда. 22. Офицерское звание. 24. Французский композитор. 25. Самоуправление, независимость. 27. Русский советский писатель. 29. Река в Турции. 31. Киноактриса, народная артистка СССР.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Город в Грузии. 2. Площадка для бокса. 3. Грамматическая категория глагола. 5. Жанр журналистики. 6. Стихотворение В. В. Маяковского. 8. Приток Миссисипи. 9. Механизм для сверления отверстий. 10. Певчая птица. 11. Участок водной поверхности в определенных границах. 12. Советский мастер смычковых инструментов. 13. Линза, употреблявшаяся вместо очков для одного глаза. 16. Народный поэт Чувашии. 22. Мелодия, напев. 23. Летчик-космонавт Чехословакии. 26. Изображение на светочувствительной пластинке, пленке. 28. Порт в Алжире. 30. Действующее лицо в пьесе М. Горького «На дне».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. «Провинциалка». 7. Рельеф. 8. Оленин. 10. Эрнесакс. 13. Бином. 14. Апорт. 15. Япет. 16. Газель. 17. Чухрай. 18. Атом. 20. Разум. 22. Окапи. 24. Айтматов. 25. Гермес. 27. Форзац. 29. Анджапаридзе.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Соть». 2. Симфония. 3. Киловатт. 4. Алле. 5. Плевен. 6. Ариозо. 9. Обигарм. 10. Эмблема. 11. Сабуров. 12. Стейниц. 18. Аттестат. 19. Метафора. 21. Зарема. 23. Атташе. 26. Мода. 28. Руда.

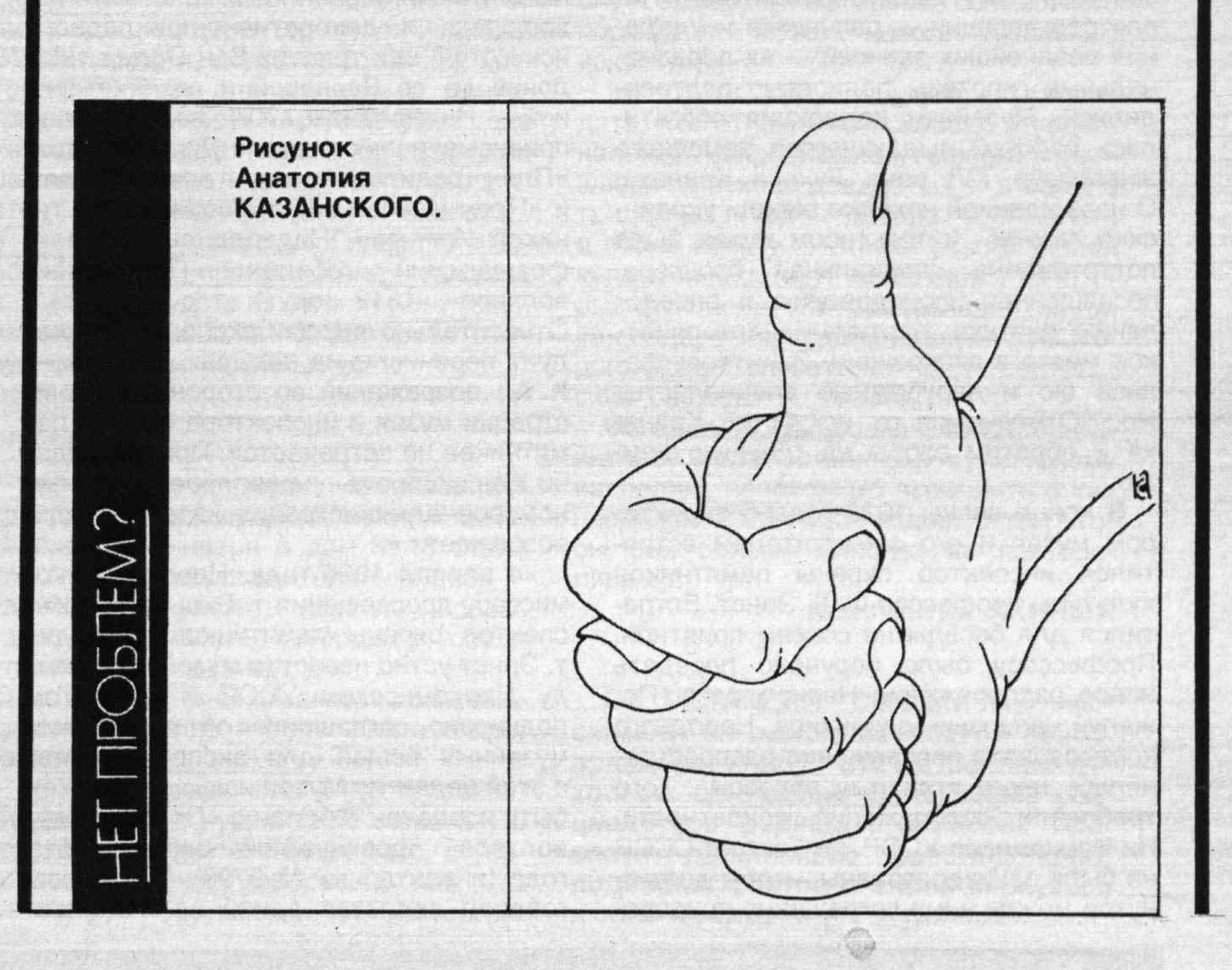

Рисунок Анатолия КАЗАНСКОГО.

БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

Один из самых сложных и противоречивых периодов в истории отечественных музеев — тридцатые годы. С одной стороны, они ознаменовались плодотворным научным поиском, а с другой — непомерной централизацией и укрупнением музеев. Чуть ли не методами из области экономики. Можно с сожалением вспомнить о таких прекрасных музеях, как Музей мебели, располагавшийся в Александринском дворце Нескучного сада, или Музей быта сороковых годов XIX века и Морозовский музей фарфора... Все они были упразднены. Сегодня мы жалуемся на то, что отечественные собрания превратились в склады за семью замками. Но это вина не музейной администрации. Раздутые фонды, которые порой и хранить-то толком негде,— один из результатов музейного укрупнения.

Но 30-е годы ознаменовались не только централизацией и закрытием ряда музеев. И то, и другое ударило по музейной работе, но не нанесло урона собраниям. Однако в этот же период происходят события, о которых сегодня помнят лишь работники музеев и фактически ничего не знает широкая публика. Они затронули все крупнейшие музеи нашей страны. Но мы расскажем о судьбе одного из них — Музея искусств Всеукраинской Академии наук.

«Адам и Ева» (фрагменты). Фото 1928 года.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ «АДАМА и ЕВЫ»

...На исходе 1927 года из Антирелигиозного музея Лаврского заповедника в особняк на улице Чудновского был доставлен диптих неизвестного западноевропейского мастера «Адам и Ева». Картина была обнаружена во время изъятия церковного имущества в одной из киевских церквей. Пристальное внимание сотрудников академического музея к диптиху было оправданным. После реставрации — расчистки и удаления позднейших записей — их первоначальные гипотезы полностью подтвердились. Музейная коллекция обогатилась работой выдающегося немецкого живописца XVI века Лукаса Кранаха. О неожиданной находке писали украинские газеты. Коллективом музея была подготовлена специальная брошюра, посвященная исследованию и определению диптиха. Картина заняла почетное место в экспозиции. Заинтересовались ею и зарубежные специалисты. Но... Отвлечемся от искусства Кранаха и обратим взоры на грешную землю...

В конце весны 1928 года с директором музея и его заместителем встретился инспектор охраны памятников культуры профессор Ф. Л. Эрнст. Встретился для беседы не совсем приятной. Профессору было поручено передать новое распоряжение Наркомпроса. Пожалуй, впервые директива Народного комиссариата просвещения распространялась таким странным образом... Того требовали соображения секретности. Ни Наркомпрос УССР, ни Госторг СССР не были заинтересованы, чтобы достигнутое между ними соглашение приобрело широкую огласку. Суть его сводилась к тому, что из украинских музеев должны быть изъяты предметы, представляющие скорее антикварную, чем музейную ценность,— для экспорта их за границу. Речь шла о так называемых «музейных перевесках», удаление которых не должно было повредить цельности коллекций. А продажа этих предметов на западном антикварном рынке сулила немалые поступления валюты, которой в то время так не хватало стране. Музеи, предоставившие в распоряжение Госторга «не нужный» им антиквариат, после реализации его должны были получить компенсацию, которую можно было обратить на обогащение собраний более ценными, чем проданные, первоклассными памятниками. Предложение подобного рода должно было показаться музейным сотрудникам даже заманчивым. Во всяком собрание в период его бурного послереволюционного пополнения попадали вещи случайные, от которых можно было легко отказаться, денег на новые приобретения отпускалось не так много. К сожалению, первоначальным надеждам музейщиков не суждено было оправдаться.

Предоставим слово документам, которые лучше любого комментария смогут пролить свет на печальные, долгое время тщательно скрываемые события тех далеких лет:

«АКТ № 7.

1928 года мая 28 дня, Комиссия представителей Госторга РСФСР и УССР в составе тт. Ильина, Глазунова, Маневича, Белоцерковского и Глевасского, в присутствии заместителя директора Музея искусств Украинской Академии наук т. Гилярова осмотрела фонды и экспозиционные залы музея на предмет выделения произведений искусства и художественной старины, пригодных для экспорта, причем Комиссия таковыми признала нижеследующие предметы... (далее следует список из двадцати наименований, среди которых упоминаются наряду с вещами второстепенными такие первоклассные памятники живописи и декоративно-прикладного искусства, как триптих Ван Орлея «Мадонна со св. Варварой и св. Екатериной», Нидерланды, XVI век; диптих, приписывавшийся школе Дирка Боутса, «Плач родителей над телом Авеля» и «Плач Иакова над окровавленной туникой Иосифа», Нидерланды, XV век; французский гобелен «Поклонение волхвов», 1512 год, и т. д.— **К. А.**)... Относительно выдачи экспонатов (следует перечисление четырех номеров.— **К. А.**) возражений со стороны администрации музея и инспектора охраны памятников не встречается. Против выдачи для экспорта прочих перечисленных номеров администрация категорически возражает...»

«4 апреля 1928 года. Народному комиссару просвещения т. Скрыпнику. Инспектор охраны памятников культуры т. Эрнст устно известил музей, что между Наркомпросом УССР и Госторгом подписано соглашение об извлечении музейных вещей для экспорта и что с этой целью из Музея искусств должен быть извлечен гобелен с «Поклонением волхвов» французской работы 1512 года (инвентарный № 3790). Указанный гобелен является одной из наидрагоценнейших и наиболее интересных вещей музея. Он принадлежал к собранию основателя музея Ханенко, где и когда приобретен неизвестно. Гобелен этот фигурировал на выставке тканей, устроенной музеем в 1927 г., и с того времени находится в постоянной экспозиции. Он был опубликован в каталоге выставки под № 53. Гобеленов такого класса и такого безупречного состояния сохранности, насколько нам известно, нет ни в одном музее СССР, и даже в европейских собраниях подобные памятники насчитываются единицами. Представители искусствоведения и музеи Европы, с которыми переписывался наш музей по вопросу определения этого гобелена, проявили по отношению к нему значительную заинтересованность и предлагали музею сделать его объектом специального изучения... Когда комиссия Госторга 28 мая осматривала музей, намечая вещи для экспорта, остановилась на этом гобелене, музей в ответном акте заявил против этого протест. Материальная ценность этого гобелена, по ценам современного антикварного рынка за рубежом, достигает более 100—150 тысяч рублей. Факт появления подобной вещи на аукционной продаже, несомненно, привлечет к себе внимание европейских музеев и в первую очередь тех, кто уже знаком с ним благодаря упомянутой переписке. Благодаря этому факту сложится впечатление, что наши музеи распродают наиболее ценные свои сокровища, а это, очевидно, не в интересах культурного престижа Советской власти за рубежом. Основываясь на вышеизложенном, музей просит не изымать из его состава для экспорта гобелен № 3790... Заместитель директора Музея искусств Гиляров».

«В Предисполком Киевщины... Музей искусств УАН, бывший музей Ханенко, является гордостью и украшением Киева. Городское самоуправление, кажется, не может безразлично отнестись к угрозе его расхищения, хотя бы и способом государственного экспорта. Музей надеется, что Вы поддержите хлопоты музея перед НКП и, со своей стороны, опротестуете выдачу гобелена; тем более, что нет уверенности в том, что после его изъятия не потребуют от музея и других вещей, которые наметила комиссия Госторга... Гиляров».

Телеграмма: «Харьков. Народному комиссару просвещения. Копия НКП музотдел Дубровскому. Основе распоряжения НКП Музторг настаивает передаче французского гобелена шестнадцатого века, сроком передачи назначив среду 15 августа. Учитывая исключительную научную художественную ценность, музей заявлением четвертого августа номер 374 имя наркома Скрыпника просил оставить гобелен музее. Прошу телеграфно сообщить последствия просьбы или разрешить гобелен временно задержать... Гиляров».

Телеграмма: «Харьков. Наркомпрос. Дубровскому. Прошу срочно ответить телеграмму делу гобелена. Гиляров».

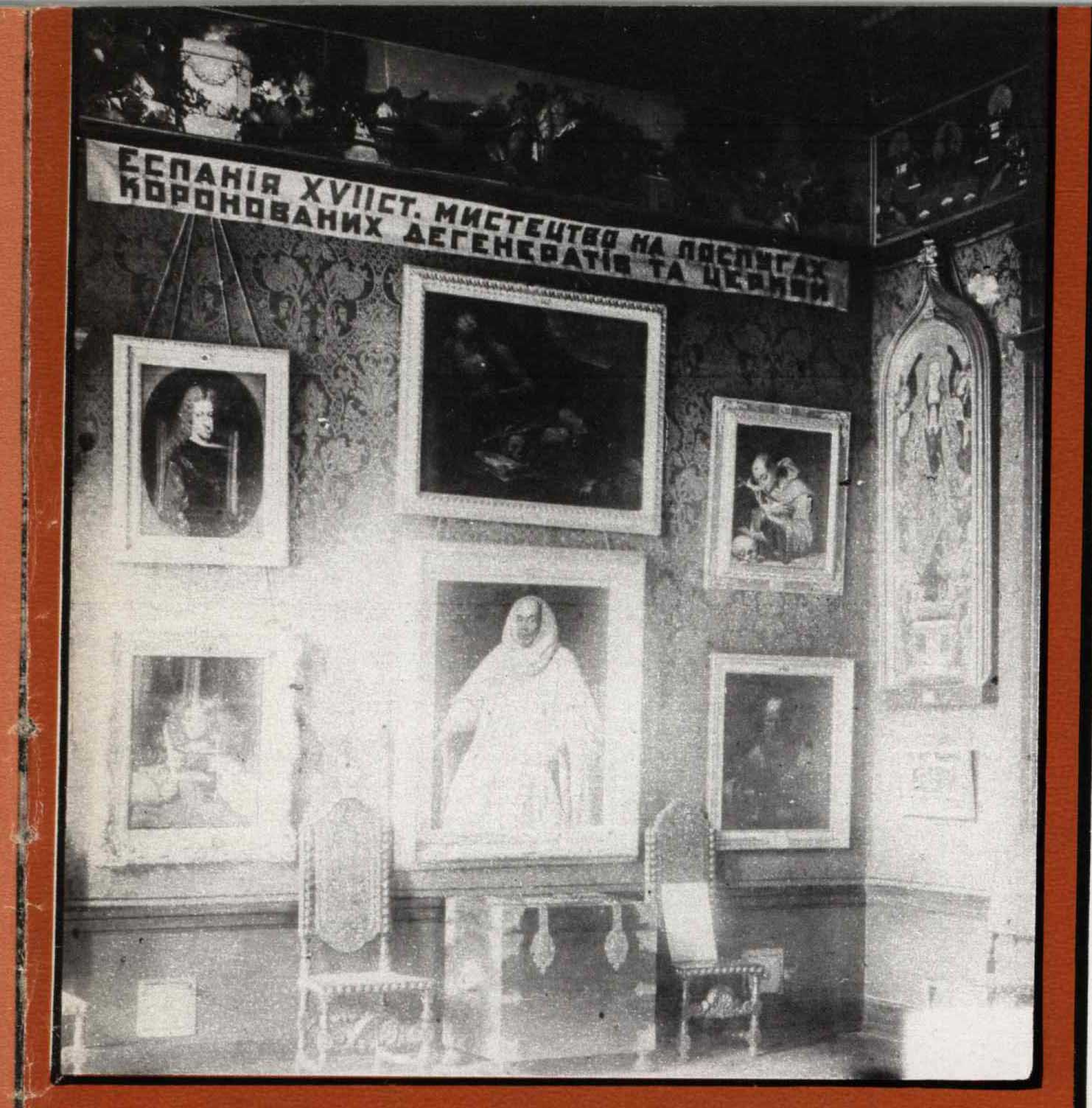
«Акт. 1928 года августа 15 дня... Представители Госторга явились в помещение Музея искусств УАН для исполнения распоряжения Наркомпроса, согласно протокольному совещанию от 26 июля 1928 года о выделении из означенного музея вещей по особо конкретному списку, а именно: четырех (4) картин и одного (1) гобелена, причем заместитель директора музея от выдачи указанных вещей отказался...»

Телеграмма: «Киев. Музей искусств. Предлагаю французский гобелен передать Госторгу соответствии предыдущим распоряжением немедленно. Зам. наркомпросвещения Полоцкий. 17.VIII. 1928».

Телеграмма: «...Предлагаю немедленно передать Госторгу все вещи соответствии распоряжения Наркомпроса. Задержку суровая ответственность. Зам. наркомпросвещения Полоцкий. 17.VIII.1928».

«21 августа 1928 года. Заведующему музейным отделом Упрнауки. Сообщаю, что согласно с телеграфным распоряжением заместителя наркома просвещения мною переданы Госторгу предназначенные для экспорта вещи, между прочим, и гобелен 1512 года. Последний пришлось снять со стены, на которой он экспонировался, что обратило на себя внимание публики, которая интересуется, почему снята из экспозиции такая выдающаяся вещь. Предполагаю, что отсутствие гобелена и дальше будет вызывать вопросы. Прошу Ваших указаний, что делать, чтобы публика не узнала о причинах, по которым гобелен изъят из музея... Гиляров».

«В Музей искусств Украинской Академии наук. Находясь в научной командировке в Киеве и посетив 20 августа с. г. Музей искусств Украинской Академии наук, я попал как раз в тот момент, когда администрация музея по предписанию Наркомпроса УССР производила передачу Госторгу французского гобелена 1512 г. Считая означенный гобелен редчайшим произведением искусства, важным не только в деле изучения ткацкого искусства Франции и тех влияний, которым оно подвергалось со стороны искусства Фландрии, полагаю своим долгом сообщить, что поименованный гобелен является крайне важ-

В разгар госторговских продаж в Киевском музее была развернута «первая марксистская экспозиция на Украине», как именовали ее газеты. Над картинами лозунг: «Испания XVII ст. Искусство в услужении коронованных дегенератов и церкви».

ным историческим и художественным документом... Ввиду изложенного, позволяю себе смело обратиться в дирекцию Музея искусств с настоятельной просьбой о возбуждении срочного ходатайства перед Центром о сохранении поименованного гобелена... и возвращении его из ведения Госторга. Член Гос. Академии истории материальной культуры, профессор Ленинградского гос. университета и Академии Художеств Н. Сычев. 20.VIII.1928».

«А где же гобелен «Поклонение волхвов?» (подпись неразб.) — книга предложений Музея искусств ВУАН, запись за ноябрь 1928 года, число не указано.

«29 декабря 1930 года. В Наркомпрос. Года 1928 по приказу Наркомпроса Музей искусств ВУАН передал Укргосторгу для заграничного экспорта французский гобелен 1512 года. Гобелен был оценен в сумму 150 тысяч рублей. Согласно заверениям, которые тогда же получила администрация от представителя Наркомпроса, в случае, если изъятая вещь будет продана, музей должен получить от НКП соответствующую сумму для приобретения новых экспонатов. Итак, упомянутый гобелен продан. В английском журнале... он квалифицирован как «один из лучших готических гобеленов Англии». Уверен, что гобелен продан за соответствующую сумму и что расчеты между НКП и Госторгом за эту продажу сейчас закончены. Музей просит известить его, когда и каким способом получит он компенсацию, которую ему обещал представитель НКП. Директор музея ВУАН М. Христовой».

Никакой денежной компенсации музей не получил...

* * *

«В Президиум Всеукраинской Академии наук. 16 августа музей посетила комиссия в составе Зав. Музейным отделом Наркомпроса тов. Дубровского и двух экспертов Госторга гр. Глевасского и Глазунова... Осмотрев как выставочные залы музея, так и все его фонды, комиссия наметила для экспорта следующие вещи: «1) Картину «Адам и Ева» Кранаха — оценка 30 000 рублей... (Далее следует список из четырнадцати наименований, среди которых такие первоклассные произведения, как «Рождество», приписывавшееся Мастеру из Франкфурта, нач. XVI века; «Амур» Натуара, Франция, XVII век, и др.— **К. А.**) Кроме того, комиссия признала пригодной для экспорта коллекцию великокняжеских золотых вещей, оценив эту коллекцию в 100 000 рублей... Коллекция великокняжеского золота является... чисто национальным сокровищем. Поскольку изъятие музейных ценностей проводится по директиве Наркомпроса и при участии Зав. Музейного отдела НКП, музей, как государственная организация, лишен здесь возможности какого-либо официального протеста. Но Всеукраинская Академия наук, которая имеет не только статус государственной инстанции, но и большой авторитет, гражданский и моральный, независимо от порядка государственной субординации, Академия... может и должна выступить на защиту своего музея и поднять свой голос против вывоза художественных и исторических ценностей, на которые и без того Украина так бедна... Гиляров».

«В Упрнауки. Пользуясь предложением комиссии НКП и Укргосторга... подать замечания относительно «экспортных» вещей Музея искусств ВУАН... считаю возможным высказать свое мнение, как 1) о самом принципе отбора, так 2) и об отдельных вещах, которые отмечены комиссией, а также о том, 3) что касается цен, которые для этих вещей установлены. Не будучи знакомым с общими директивами правительства, которыми, наверное, комиссия должна была руководствоваться, считаю, однако, что этими директивами не предвиделось изъятие из музея наиценнейших его сокровищ и вещей уникального характера, ибо это равнялось бы осознанному разрушению музейного дела... Итак, или принцип экспортабельности во что бы то ни стало, и в таком случае неуместны какие-либо замечания о культурном, научном, историческом значении вещей, или экспортабельность, но без нарушения интересов и цельности музеев. И в том, и в другом случае комиссия действовала неправильно и данных ей директив не выполнила. Допускаю, однако,... что научные интересы музея комиссия должна была учесть и что уничтожение научного учреждения не может быть согласно с намерениями правительства и Наркомпроса в особенности... изъятие наиценнейших экспонатов будет болезненно и тем, что отсутствие их в экспозиции не может не обратить на себя внимание публики... Что касается самих вещей, обозначенных в акте комиссии, то в особенности считаю недопустимым изъятие следующих:... (далее следует перечисление.— **К. А.**)... Может быть, следует принять во внимание работу наших молодых научных сил, труд, который приложили они к любимым памятникам нашего Советского музея, неужели для того, чтобы обработанные ими вещи были проданы за границу, чтобы они попали в чужие руки, в коллекцию какого-нибудь американского капиталиста?.. Картина Кранаха «Адам и Ева». Это единственный в нашем музее образец старонемецкой живописи... Находка и атрибуция Кранаха является наиболее выдающимся достижением музея за последние годы. «Мы рады, что теперь можем показать нашей публике, нашим художникам этот первоклассный образец немецкой живописи» — так заканчивается публикация музея. Итак, что мы теперь скажем этой самой публике, когда на стене музея, где помещен был этот "первоклассный образец", увидит она пустое место?.. И теперь получается, что наши штудии, переписка с зарубежными специалистами...— зря потраченное время, зря потраченный труд? Не публиковать же нам исследование про картину, которая "была" в Музее искусства ВУАН?.. Нельзя не остановиться и на ценах, которые назначены комиссией. Цены эти необычно низки и не соответствуют ценам, существующим сейчас на зарубежном антикварно-художественном рынке... Гиляров».

«Народный комиссариат Просвещения УССР.10.XI.1929. Директору Художественного музея ВУАН тов. Христовому. По поручению заместителя НКП тов. Приходько, напоминаю, что указание... по делу картины Кранако (орфография подлинника.— **К. А.**) необходимо исполнить. Секретарь (подпись неразборчиво)».

Телеграмма: «Музей. Христовому. Сообщение Госторга отказываетесь выдать Кранаха. Категорически подтверждаю передачу Госторгу всех без исключения вещей распоряжением Наркомпроса.— Коник».

«Акт. 1929 года сентября 29 дня, мы нижеподписавшиеся... составили этот акт в том, что директор Музея искусств ВУАН передал, а уполномоченные Госторга приняли для отсылки в ленинградскую контору «Антиквариат» две картины Кранаха «Адам» и «Ева», на досках, в рамах. К этому акту прилагается сопроводительный паспорт... и брошюра профессора Гилярова «Новонайденное произведение Кранаха в Музее искусств ВУАН»... Комиссией изъятие оценено в 30 000 советских рублей за обе картины...»

* * *

Через год контора «Антиквариат» прекратила свое существование. На Набережную 9 января в дом № 18 стали стекаться представители музеев — разбирать и увозить картины, ковры, вазы, кубки, мебель, которые не успели отправить за границу...

Вот и прочитаны страницы, вызывающие негодование и боль. Как это произошло? Как?

Да, в то время шла индустриализация, да, стране нужна была валюта. Но не такой же ценой! (Кроме того, с уверенностью можно говорить о том, что валютные поступления от госторговских продаж не сыграли решающей роли в формировании валютного запаса страны). Но не только работники Госторга виновны в происходившем. О роковых продажах знали на самом верху, знали и потворствовали им, тщательно скрывая от народа. О продажах знал Сталин. К нему, как к последней инстанции, обращались деятели культуры с просьбой прекратить это кощунственное разграбление национальных богатств. Ответы на эти просьбы были, как правило, весьма специфическими. В. Н. Лазарев, написавший генсеку гневное письмо, был изгнан с работы в Московском музее изящных искусств. И пример этот не единичен.

Но даже тогда, когда работники музеев поняли, что «правды нет и выше», они продолжали сопротивляться, продолжали, потому что не могли поступить иначе. Сопротивление это было, конечно же, пассивным, однако оно принимало все более массовый характер. Сотрудники музеев старались всеми средствами затянуть выдачу вещей Госторгу: посылали протесты, письма, а порой и просто отказывались выдавать чиновникам «Антиквариата» экспонаты из музейных собраний... Благодаря этому противодействию многие произведения искусств остались в наших музеях, но много уникальных вещей навсегда исчезло в водоворотах антикварного рынка. Противодействие советской интеллигенции продажам за рубеж памятников искусств из музеев и стало одним из факторов прекращения этой неоправданной акции. Не в меньшей степени завершению деятельности ленинградской конторы способствовало и то, о чем еще в начале продаж предупреждали сотрудники музеев — картины «узнавали» на Западе, несмотря на то, что продавались они под прикрытием фальсифицированных антикварных легенд. (Так, диптих «Адам и Ева» был продан в Берлине как принадлежащий коллекции Строгановых, которая пошла с молотка).

Стоит ли сегодня вспоминать о Госторге, бередить былые раны? То, что было, как говорится, быльем поросло... На наш взгляд, не только стоит, но и необходимо. И в истории советского музейного дела не должно быть белых пятен. Ведь отношение к памятнику искусства, как к «средству, оправдывающему цель», сформировавшееся в те годы, отнюдь не изжито. Для Сталина и людей его окружения национальные художественные богатства были прежде всего материальной ценностью, которую легко можно было использовать для достижения каких-то экономических или политических целей. (Достаточно упомянуть о картине Ван Гога «Ночное кафе в Арле», которую Сталин подарил американскому послу Гарриману во время совместного посещения Музея нового западного искусства.)

Не будет преувеличением утверждать, что отношение к музею, к национальной сокровищнице, сформировавшееся на исходе двадцатых — в начале тридцатых годов, давало себя знать и после смерти Сталина, разоблачения культа личности. К сожалению, некоторые руководители расценивали музеи как подарочный фонд, изъятия из которого можно списать на представительские расходы.

Сегодня, когда возник обостренный интерес к отечественному культурному наследию, необходимо вспомнить о тех продажах 1928—1931 годов. С тем чтобы они больше никогда не повторились...

Константин АКИНША

ОТ РЕДАКЦИИ. Сегодня мы рассказали об одном из фактов невозвратимой утраты отечественных духовных ценностей. С помощью специалистов редакция намерена провести дальнейшие расследования подобных фактов и вновь вернуться к ним на страницах журнала.

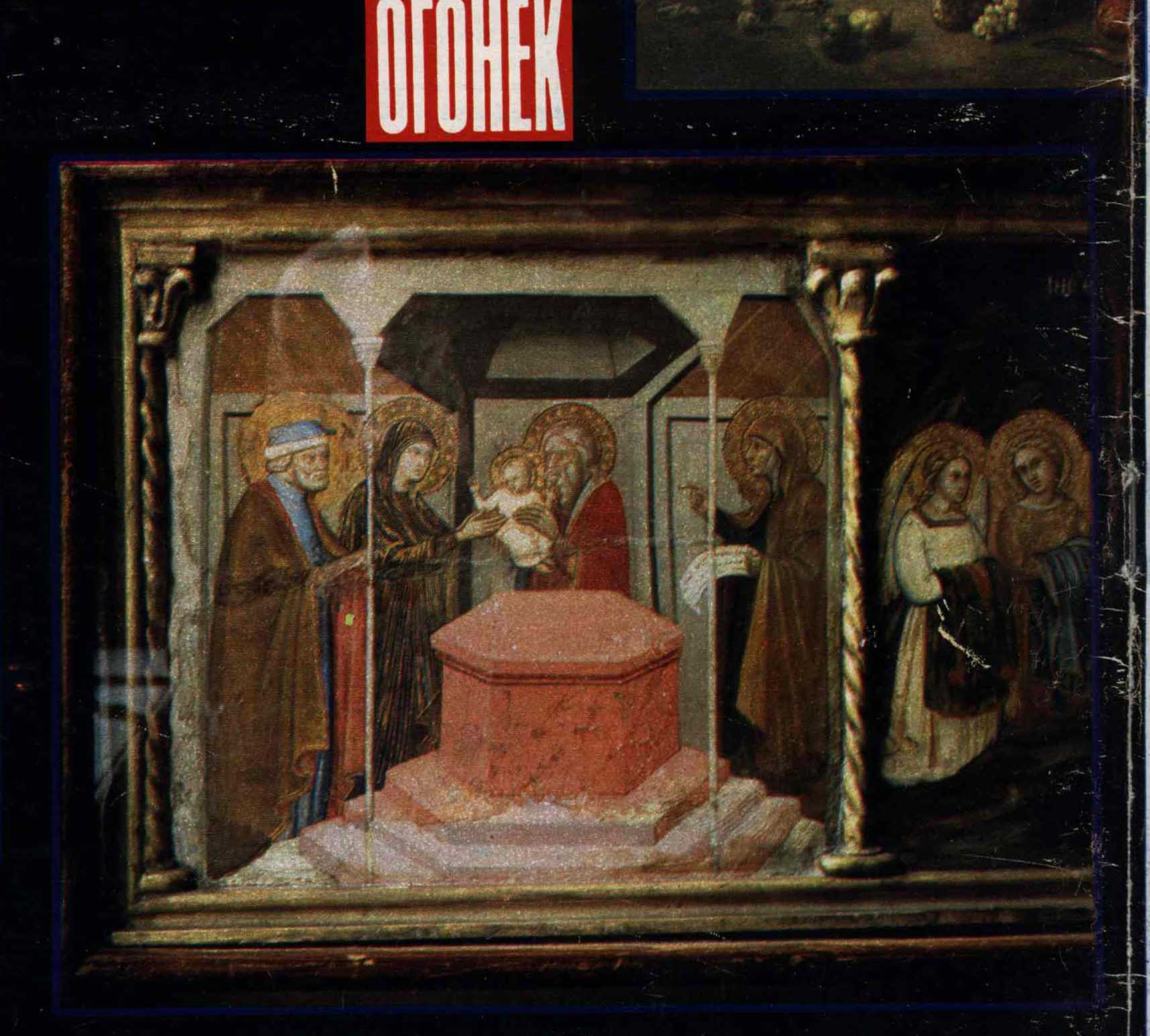

В послереволюционные годы Музей искусств Всеукраинской Академии наук (ныне Киевский музей западного и восточного искусства) переживал своеобразный пик пополнения своих собраний. В соответствии с завещанием известного петроградского коллекционера В. А. Щавинского его уникальное собрание — двести первоклассных произведений голландской, фламандской и испанской живописи — было передано музею. Новые пополнения приходили также из киевских собраний — Исторического музея имени Шевченко, Картинной галереи, кабинета искусств Киевского университета. Но надвигались 30-е годы, а с ними и события, которые затронули все крупнейшие музеи нашей страны...

(См. материал «Печальная история Адама и Евы».)

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663